Часть 1. Поволжье и Хорасан

ВВЕДЕНИЕ

Исследование ранних известий о Восточной Европе на арабском и персидском языках имеет свои периоды или фазы развития. Под словом "период" или "фаза" мы не разумеем, конечно, что-то законченное, строго ограниченное хотя бы в хронологическом отношении. Разделяя общую судьбу востоковедных дисциплин в европейской науке Нового времени, изучение арабо-персидских известий о Восточной Европе за свою более чем двухсотпятидесятилетнюю историю переживало времена интенсивного интереса со стороны иногда очень широких общественных кругов, переживало также времена упадка и застоя, когда даже специалисты-востоковеды не учитывали опыта этого изучения. В этих условиях самые начальные "периоды" или "фазы", понимая под этими словами сумму методических приемов, могли сохранять свою живучесть в течение длительного времени, лишь весьма медленно совершенствуясь и эволюционируя. Уже Х.М.Френ (1782-1851) в своем издании путешествия Ибн Фадлана широко применял метод сравнительно-текстологического анализа, привлекая для сравнения тексты разных авторов и разных сочинений, близкие по лексическому материалу и содержанию. Почти столетие спустя другой наш замечательный ориенталист В.В.Бартольд (1869-1930) отмечал: "Положение с арабской географической литературой несколько затрудняется ее книжным характером и связанной с этим хронологической неопределенностью. Например, если мы знаем, что один автор писал в X веке, а другой - в XI веке, то из этого не следует, чтобы рассказы второго относились к более позднему времени, чем рассказы первого; почти все авторы пишут по книгам, не называя своих источников и не определяя их времени, и часто бывает, что в сочинении XI века использован более ранний источник, чем в сочинении X века" . Внимательный просмотр раннесредневековой географической литературы на арабском и персидском языках приводит нас к еще более решительным выводам: "Авторы, биографические данные которых позволяют высказать предположение об их реальном и оригинальном участии в приписываемом им сочинении, - чрезвычайно редки. Подавляющее большинство авторов географических сочинений - компиляторы; ни рассмотрение их собственных сочинений, ни какие-либо иные данные вне этих сочинений не позволяют в малейшей мере обоснованно утверждать их самостоятельность и оригинальность. Если к этому присоединить еще то обстоятельство, что большинство этих сочинений дошло до нас в плохой текстовой сохранности и что значительная часть сочинений сохранилась в очень поздней и, естественно, искаженной переписке, то упоминание автора и названия сочинения зачастую может быть заменено отсылкой к варианту или редакции, представителем которых является тот или иной автор. Этим мы, конечно, не хотим сказать, что каждый из авторов географической литературы не может рассматриваться в отдельности. Но подобному рассмотрению должно, по нашему мнению, предшествовать обследование общей истории развития географических знаний в определенную эпоху, в определенном культурном кругу. Только в такой связи можно достаточно точно определить значение того или иного варианта, ту или иную степень оригинальности автора. Необходимость подобного сравнительно-текстологического анализа, ясно осознававшаяся на самой заре изучения арабо-персидских источников о Восточной Европе, за последнее время нашла горячего сторонника в лице современного выдающегося ориенталиста - заслуженного профессора Лондонского университета В.Ф. Минорского. Изданные им в английском переводе "Худуд ал-'алам" и отрывки из трактата по естественной истории Марвази основываются на таком широком сравнительно-текстологическом анализе. Издаваемая нами работа также является попыткой развить этот методический прием, превратить его в обязательный инструмент исследования. Путем сравнительно-текстологического анализа нами выделяются отрывки, представляющие собою законченное повествование, неизменно повторяемое в разных текстах в различного рода сочетаниях с различными дополнениями, опущениями, искажениями. Так образовалось понятие "тема". Уже самый ближайший этап работы показал, что "тема" - сравнительно мало изменяющийся материал и значительно более надежный, чем, например, целый отрывок или раздел того или иного автора, представляющий собою сочетание "тем" разного происхождения и времени. Выделение такой темы - единицы наблюдения - из текстового материала представляет очевидные удобства и в сравнительно-текстологической работе, в частности при определении значения терминов, выяснении непонятных или испорченных выражений и т.д. Таким образом, наличие постоянно встречающихся в восточных текстах заимствований, так смущающее исследователя, при употреблении описанного выше приема становится условием, которое позволяет не только восстановить наиболее старую редакцию, но и дает возможность проследить изменения,

которым подверглась эта старая редакция за время бытования в письменной литературе. Только после такой предварительной сравнительно-текстологической работы становится возможным пользоваться разбросанными по разным сочинениям сообщениями о Восточной Европе без боязни опереться на искаженный или неполный вариант. Создание такого тематического свода известий о Восточной Европе - единственный, по нашему мнению, правильный путь освоения богатейшего наследия географической литературы на арабском и персидском языках. Было бы, конечно, весьма фантастичным предполагать, что один исследователь в силах создать такой свод. Работа эта чрезвычайно трудоемкая и может быть выполнена организованными усилиями многих ученых. Такая работа требует несомненно и соответствующих условий, из которых на первое место следует поставить возможность печатать сравнительно-текстологический материал восточными шрифтами.

Публикуемое исследование было задумано пишущим эти строки как общий обзор средневековой географии на арабском и персидском языках. Лишь постепенно выяснилось, что из общего материала так называемой мусульманской географии возможно выделить часть, характеризуемую своим происхождением и объектом наблюдения, а именно материалы, находившиеся в составе литературного наследства народов, живших вокруг Каспийского моря и тесно связанных с давних времен с восточноевропейским миром через великую волжскую водную магистраль. В составе так называемой мусульманской географии оказалось значительное число тем, которые с полным правом могут образовать "Каспийский свод сведений о Восточной Европе". Более того, при разработке этой части географических сочинений на арабском и персидском языках оказалось, что и сам-то Каспийский свод не представляет единого целого, а может быть расчленен на сведения, в составлении которых наиболее активное участие принимали народы Кавказа и северных областей Ирана, и сведения, главную роль в собирании которых играли народы Средней Азии и Хорасана. Настоящая работа, имеющая в качестве подзаголовка указание на Горган и Поволжье IX-X веков, довольно ясно определяет границы и цели произведенного исследования.

Часть 1. Поволжье и Хорасан

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СВОДА

Классическая арабская география

Географическая наука, развивавшаяся в IX-X веках в различных областях Халифата, имела много общего с так называемой классической арабской географией. Не говоря уже о языке и графике, арабских по преимуществу, многое сближало и по существу деятельность ученых-географов самого разнообразного происхождения и культуры. Общим было, например, сильнейшее греческое влияние. Еще в XVII столетии Хаджжи Халифа, знаменитый турецкий энциклопедист, указывал на греческие корни восточной географической науки. Заметив, что само слово "география" - греческое, означающее "картина земли", Хаджжи Халифа так определял задачи науки: "И это - наука, при посредстве которой познаются условия семи климатов, находящихся в населенной четверти земного шара, широта стран, расположенных в них, долгота их, перечисление городов в них, гор, суши, морей и рек". Как явствует из приведенной цитаты, понятия "семи климатов", шаровидности Земли, населенной части - ойкумены - в еще большей степени, чем этимология слова "география", уводят нас в мир греческих представлений. Было бы, конечно, неправильным считать, как это делали некоторые исследователи, греческое влияние единственным, поглотившим все остальные истоки восточной географии, но совершенно несомненно, что это влияние было сильным, глубоким и широко распространенным. Общим для различных географических школ Халифата было и влияние древнесемитических библейских представлений, как, например, предания о мифических Гоге и Магоге или библейская генеалогия народов. Многое другое можно было бы привести для иллюстрации положения о наличии сходных характеристических черт средневековой географии различных стран и народов, входивших в состав Халифата, если бы в этом была хотя бы малейшая необходимость. Такой необходимости, по нашему мнению, нет, так как вся история исследования европейским востоковедением средневековой географической науки на арабском и персидском языках исходит из признания этих сходных характеристических черт. Вместе с тем изучение классической или, как ее принято было называть в европейском востоковедении, мусульманской географии Средневековья велось в течение многих десятилетий с предвзятых и малоблагоприятных для развития самой науки позиций, ставящих на

первое место религиозный догмат, отрицающих оригинальное и самобытное культурное развитие народов, покоренных Халифатом, без учета предшествующих традиций. Географическая наука любого народа нивелировалась в представлении о существовавшей якобы единой мусульманской географии. Все это вместе взятое искажало не только историю развития географической науки в Средние века, но и мешало каким-либо точным, конкретным выводам в отношении объектов, которым была посвящена классическая арабская география. В частности, это всемерно относится к выводам помянутой географии, касающимся народов, населяющих Восточную и Северо-Восточную Европу. Даже весьма эрудированные и авторитетные ученые произвольно относили сообщения этой абстрактной "мусульманской" географии то к одним, то к другим народам, опираясь на случайные и малоаргументированные аналогии. Мне приходилось уже раз отмечать произвольность такой локализации в отношении терминов, входивших в состав сведений о Поволжье и относимых на основании формальных и случайных признаков почему-то к моравским славянам. Недопустимость такого положения, явно препятствующего глубокому и всестороннему обследованию истории географических знаний на Востоке, давно начала ощущаться в науке. В 1925 г. Ф.Габриели издал опыт библиографии западноарабской географии; в 1943 г. пишущий эти строки в статье, посвященной публикации Марвази, поднял вопрос о настоятельной необходимости при разработке литературного наследия географии Халифата выделить отдельные региональные школы, в частности среднеазиатско-хорасанской географии, отличающейся "от классической арабской географии и по распределению материала, и в некоторых частях по объему этого материала". Насколько мне известно, данное положение не встретило отклика в современной востоковедческой литературе, если не считать несколько неясной фразы самого издателя Марвази в опубликованном им в 1951 г. кратком очерке арабской географии, где утверждалось: "Можно проводить различия между авторами, которые писали на востоке Халифата (в Хорасане в широком смысле этого слова), и авторами, которые были более знакомы со средиземноморскими областями". Между тем без разработки дошедшего до нас наследия восточной географии в упомянутом направлении нечего и думать о какой-либо твердой почве для выводов. И, как это обычно бывает при искажении или неточном освещении исторических перспектив, неясность в распознавании общих явлений неизменно сопровождается гипертрофическим выделением отдельных частей. Признание европейским востоковедением наличия неясной в своих очертаниях так называемой мусульманской географии волей-неволей привело к преувеличению значения отдельного географического сочинения, отдельного автора-географа, - отсюда чрезмерная индивидуализация некоторых сочинений. Без преувеличения можно сказать, что такие авторы, как Ибн Фадлан, Ибн Русте, Абу Хамид ал-Гарнати и другие, рассматриваемые без учета среды, в которой возникли их сочинения, прямого влияния и заимствований, поглотили в значительной мере то, что принадлежало иной раз целым поколениям знатоков и географов, не оставивших нам по тем или иным причинам своего имени. Короче говоря, под внешними формами дошедших до нас географических сочинений мы видим старинную, многообразную и до сего времени малоизученную местную традицию, - под последней мы разумеем не только письменную, литературную, но и устную, передаваемую из поколения в поколение. Недостаточный учет этого многообразного местного старинного материала приводит исследователя иной раз к полному непониманию зависимости друг от друга отдельных вариантов и редакций, дошедших до нас в арабской графике. Надо ли говорить, что без достаточно внимательного рассмотрения этой традиции невозможно определить оригинальные черты любого текста; даже оригинальные средневековые сочинения весьма широко использовали не только личное наблюдение, но и упомянутый традиционный материал.

Весьма трудно определить хотя бы в самых общих чертах возникновение и первоначальное развитие этой традиции в отношении Восточной Европы. "Мы не знаем в точности, - отмечал В.В.Бартольд, - когда к издавна существовавшему торговому пути из Средней Азии на запад к Черному морю присоединился новый торговый путь на северо-запад по Средней Волге, Каме и оттуда к Балтийскому морю; но, вероятно, этот факт находится в связи с широким развитием караванной и морской торговли персидской сасанидской державы (III-VII вв.) в последние века ее существования". Оживлению упомянутых связей в V столетии несомненно способствовало также движение народов с востока на запад, - "ушедшие на запад кочевники иногда сохраняли сношения со своими оставшимися на востоке соплеменниками". Пишущий эти строки имел уже возможность выразить свою точку зрения на значение как сухопутных караванных, так и водных, корабельных связей Востока с Восточной Европой. В то время как сухопутные караванные связи, по нашему мнению, носили, как правило, случайный характер, корабельные связи по Волге и Каспию отличались в самое отдаленное от нас время большей систематичностью и непрерывностью. К сожалению, письменные источники, преимущественно греческого происхождения, об этом раннем периоде каспийского судоходства скудны, отрывочны и противоречивы. Скудностью этих источников в значительной мере объясняется то обстоятельство, что даже в работах,

специально посвященных восточной навигации, отсутствуют какие-либо разделы или главы о каспийском судоходстве. В этих условиях сообщения Геродота о Каспии не могут не поражать неожиданной точностью и обстоятельностью. Называя Каспийское море отдельным морем, "не сливающимся ни с каким другим", Геродот правильно характеризует как западные, гористые, так и восточные, равнинные берега и дает первые морские каспийские маршруты. По его словам, на Каспии "в длину пятнадцать дней плавания для весельного судна, а в ширину, в том месте, где она наишире, - восемь дней". Анализируя эти маршруты, В.В.Бартольд пришел к выводу, что "это известие Геродота совпадает с известием арабского географа Истахри". Не менее существенным нам представляется точная характеристика Геродотом восточной стороны Каспия, где находилась известная грекам Гиркания, по которой все море иногда именовалось Гирканским. По преданию, сохраненному Аррианом, Александр Македонский именно в горах Гиркании приказывал "рубить лес и строить длинные корабли без палуб и с палубой по греческому образцу".

Область Горган, или - в арабизированной форме - Джурджан, была известна и много веков спустя как один из важнейших центров каспийского судоходства. Именно здесь, в Горгане, находится порт Абаскун, игравший столь значительную роль в восточноевропейских связях. О малой степени изученности этой роли Абаскуна в раннее Средневековье, как нам приходилось уже отмечать, свидетельствует небольшая заметка в "Энциклопедии ислама". Признавая важное значение абаскунского порта в Средние века, заметка не упоминает в библиографии единственного более или менее специального исследования вопроса в монографии Б.А.Дорна "Каспии". О неизученности роли Абаскуна свидетельствует и заметка в исто-рико-географическом обозрении Персии Барбье де Мейнара, выпущенном в Париже в 1861 г., где Абаскун фигурирует в качестве "ма-

ленького города на морском берегу", хотя еще в XIV веке было известно о затоплении его морем. История возникновения Абаскуна неясна. Порт был, по-видимому, известен уже Птолемею (II в.) под наименованием Socanaa; арабо-персидская письменная традиция гласит, что Абаскун был основан сасанидским шахом Кавадом, т.е. в конце V или в начале VI века. Подчиненный Горгану, от которого он находился в трех днях пути, Абаскун управлялся, как и весь прибрежный район до завоевания его арабами, местным царьком, носившим титул суд. Сохранил Абаскун свое важное значение и по вхождении юго-восточного побережья Каспия в состав Халифата. Сам залив, известный в настоящее время под названием Астрабадского, нередко именовался в восточных средневековых памятниках письменности Абаскунским морем. Название это в некоторые времена, как можно думать, было официально принятым; так, например, Фаррухи, придворный поэт султана Махмуда Газневида, обращаясь в оде к султану, заявляет: "Твои владения - от берегов Ганга до Абаскунского моря". Трудно предположить, что в оде, посвященной владетельному лицу, поэт мог допустить какую-либо неточность в наименовании границ владений этого лица. Абаскунским морем, или морем гавани Горгана, называют Астрабадский залив также известный автор газневидских мемуаров Абу-л-Фазл Бейхаки и гениальный Абу Рейхан Бируни. На берегу реки Горган, близ развалин города Горган, находится один из самых древних датированных памятников мусульманского зодчества в Иране - "башня Кабуса", построенная в 1006-1007 годах. В качестве города ислама Абаскун был защищен кирпичной стеной; соборная мечеть, находившаяся в городе, была, вероятно, как и всюду на мусульманском пограничье, центром, откуда велась деятельная и систематическая пропаганда в кочевьях, окружавших район гузов. В качестве порта Абаскун был "местом торга всех, кто ведет торговлю по Хазарскому морю", "самым известным портом на Хазарском море". Как показывают собранные Деххода поэтические отрывки, относящиеся к Абаскуну, еще Рудаки отмечал в своих стихах маршруты "от Ширвана до Абаскуна". Мас'уди дает подробную картину оживленных морских сообщений Абаскуна с главнейшими морскими портами того времени. Между Абаскуном, рассказывает он, Гиляном и западным побережьем Каспия было постоянное движение судов с товарами. Через Горган порт был соединен с важнейшими сухопутными дорогами, по которым следовали караваны через Рей на Багдад и к Средиземному морю, через Балх и Мавераннахр на Дальний Восток и в Центральную Азию.

Мы не имеем точных данных о падении Абаскуна. Уже Йакут в своем географическом словаре сообщает, что по имени порта именуется иногда весь Астрабадский залив, и называет уменьшительно современный ему Абаскун "городком, населенным местом". Хамдаллах Казвини говорит только об одноименном острове, затопляемом море; по преданию, это был тот самый остров, куда бежал от монголов последний хорезмшах Мухаммад и где он якобы умер. Принято считать, что Абаскун находился при устье реки Горган, на месте селения Гюмош-тепе, называемого в настоящее время официально Гомишан и являющегося центром бахша того же наименования, входящего по существующему административному делению в состав шахристана Гомбад-е Кабус. "Жители

этого селения, - сообщает современное географическое описание, - по большей части мореходы и владельцы больших лодок, на которых они до образования Советского Союза совершали грузовые перевозки между гаванями страны шахиншаха и Россией, обменивая натуральную продукцию [своей] страны на необходимые им товары". Как и их древние предшественники, строившие описанные Аррианом суда, современное население Гомишана отличается в плотницком деле и судостроительстве. "Мосты через реку Горган, прекрасные деревянные постройки Гомишана и деревень бахша являются работой местных мастеров", - продолжает то же описание. Невольно задаешь себе вопрос: принимая во внимание сохранившиеся в Гомишане традиции, не следует ли искать древний Абаскун в описанном той же географией холме, находящемся в одном километре от Гомишана и являющемся в настоящее время кладбищем? Вокруг в радиусе до 600 метров виднеются остатки древних сооружений; местная легенда говорит, что именно здесь когда-то был населенный процветающий город.

История изучения Каспия со времен Геродота до появления на море первых русских научных экспедиций в XVIII веке представляет собою такую же лакуну в наших знаниях по истории географической науки, какими являются многие главы, где основными действующими лицами были восточные мореходы и исследователи. Между тем, хотя и очень медленно, нередко сопровождаемые даже попятным движением, эти знания все же наращивались, и, обобщая, следует сказать, что в IX-X веках Каспий был известен лучше, чем в древнее время.

Менее всего прогресс знаний о Каспий обнаруживается в части общего описания моря. В IX-X веках данные о размерах моря в длину и ширину оставались, как и во времена Геродота, по-прежнему весьма неточными. Один из наиболее старых арабских географов Ибн Хордадбех представлял себе Каспий в виде круга диаметром в

500 фарсахов. Это представление о круге надолго удержалось в средневековой географии на арабском и персидском языках, в частности в изображении Каспийского моря на картах, составлявших так называемый Атлас ислами и прилагавшихся к сочинениям Истахри и Ибн Хаукала. Размер диаметра этого круглого Каспийского моря, по-видимому, мог меняться. Так, "Худуд ал-'алам", считая равной длину и ширину, говорит не о 500, а о 400 фарсахах. В том же X столетии наряду с изображением Каспия в виде круга существовало изображение его, отмечавшее разницу в длине и ширине: так, Мас'уди, называя форму Каспия овалом, определяет длину в 800 и ширину в 600 миль. Даже такие поздние авторы, как Димашки и Хондемир, поражают нас отсутствием какого-либо приближения к действительным размерам: 280 (или 260) и 200 фарсахов, приводимые ими в качестве мер длины и ширины, превосходят современные измерения в 2-5 раз.

За прошедшие со времен Геродота столетия обнаружился даже регресс в понимании того, связан ли Каспий с другими морями или представляет собою "отдельное море". Мас'уди рассказывает о спорах, которые велись в его время по указанному вопросу. Свидетельством актуальности вопроса является то значительное место, которое отводит Мас'уди в своем сочинении рассуждениям о связи Каспия с Черным морем, то, что он снабдил эти свои рассуждения историческими иллюстрациями. Однако сомнения Мас'уди не получили распространения. В географической науке на арабском и персидском языках довольно устойчиво держалось античное представление о Каспий как об изолированном море; Бируни писал, что Каспийское море "не соединяется с другим морем".

В отличие от знакомых классической арабской географии южных морей Каспий считался выходящим за пределы культурного круга. Мас'уди называет его выражением, переводимым французскими издателями как "le mer des Barbares", четко иллюстрирующим приведенное выше представление. Как "Северные горы" (Гималаи), по описанию Бируни, отделяли культурную Индию от "тюрок", так и Каспий в арабо-персидской географии был по преимуществу областью "чужих" народов, также объединенных в так называемой мусульманской литературе понятием "тюрки". Это чужое, варварское море, отличавшееся по сравнению с южными морями необычайно темной, непрозрачной водой, населяли фантастические чудовища - *тиннин,* подробнейшим образом описанные Мас'уди. И все же, несмотря на многие неясности и противоречия, сквозь покров легенды и мифотворчества все явственнее пробивается наличие географического реализма, медленно выплывают, как в утреннем тумане, контуры неизвестного ранее, Как это обычно для рассматриваемого Свода, яснее и точнее возникают не понятия физической географии в чистом виде, а определения того или иного физико-географического понятия в зависимости .от известных племен, народов, городов и стран. Такую характеристику мы встречаем уже в самых ранних географических сочинениях

Халифата. Хорезми называет Каспий единым морем Хорезма, Джурджана, Табаристана, Дейлема; подробное картографическое описание этого моря у Хорезми в значительной мере для нас, к сожалению, неясно. "Худуд ал-'алам", продолжая традицию, также характеризует границы Каспия по народам и странам: восточная сторона моря - пустыня, соприкасающаяся с гузами и Хорезмом; северная сторона соприкасается с гузами, а в некоторой части с хазарами; западная - с городами хазар и Азербайджана; южная - с городами Гиляна. Дейлема, Табаристана, Горгана. Такую же характеристику Каспия по расположенным на его берегах народам и странам дает Бируни. Начиная с Абаскунского моря, он затем направляет читателя "к Табаристану, земле Дейлема, Ширвану, Баб ал-абвабу (Дербенту), области алан, затем хазар, при впадении в него реки Итиля, а затем к областям гуззов, пока не вернется к Абаскуну". Отражением этого же определения Каспия является описание моря в географическом сочинении Насир ал-Дина Туей. Из того же "тумана неизвестности" вычерчиваются острова, число которых уже у Хорезма доходит до четырех. Далее количество известных островов становится еще большим. "В древности, - пишет Хондемир в географическом приложении к "Раузат ассафа" Мирхонда, - имелось [на Каспий] два острова, теперь имеется семь островов, на которых добывают белую и черную нефть".

Населенные еще у некоторых авторов джиннами и диковинными птицами, эти острова уже в "Худуд ал-'алам" начали приобретать вполне реалистические черты. Таков, например, остров ал-Баб, находящийся против Дербента хазар. Отсюда, по словам среднеазиатского анонима, происходит марена, которую употребляют красильщики во всех странах. Вторым островом, известным географии X века, был остров "Черной горы", изобиловавший источниками и древесными зарослями. По свидетельству "Худуд ал-'алам", здесь обитали гузы, которые разбойничали на море и на суше. Ибн Хаукал упоминает, что на оба эти острова бежало население Итиля и Семендера после нападения русов в 358/968-69 г., из чего можно заключить, что оба острова или находились поблизости друг от друга, или были издавна связаны судоходством. Попытки идентифицировать эти острова производились в науке неоднократно. Последняя из таких попыток, подытоживающая предшествующие, принадлежит В.Ф.Минорскому. Усматривая параллели в известной оде Хакани, где упоминается "остров марены", а также в соответствующих местах у Димашки и в "Нузхат ал-кулуб" Хамдаллаха Казвини, В.Ф.Минорский отсылает читателя к предположениям, уже высказывавшимся ранее: Ленкорань (Н.В. Ханыков), Апшерон (Ф.Вестберг). Более четко идентифицируется полуостров, описанный тем же "Худуд ал-'алам", - "остров, одна сторона которого соприкасается с сушей". Полуостров, по словам источника, находится напротив Дихистана, дихистанцы его называют Сур, здесь живут охотники за соколами, пеликанами и рыболовы. Представляется, что под этим названием может скрываться и старое наименование Мангышлака, хотя В.В.Бартольд и В.Ф.Минорский идентифицируют Мангышлак с островом Сийах Кух, который, по словам Истахри, лишь недавно был занят тюрками.

Рано или поздно, надо полагать, и для каспийского мореходства найдутся такие же бесценные, как источник лоции, аналогичные раннесредневековым лоциям для навигации по Персидскому заливу, Красному морю и Индийскому океану. Схематическим и бледным отражением этих лоций являются маршруты, встречающиеся в географических сочинениях IX-X веков. Но все же, несмотря на всю свою схематичность и прочие недостатки, эти маршруты - явственное подтверждение той мысли, что послегеродотовское время не оказалось бесследным в практическом изучении и освоении Каспийского моря. К сожалению, впрочем, приходится констатировать, что и в области установления каспийских маршрутов мы знаем лишь очень немногое. Когда и при каких обстоятельствах начались более или менее систематические связи между восточным и западным берегом Каспия, между районами Горгана, Хорезма и Поволжья - нам неизвестно. "Можно предполагать, - считает В.В.Бартольд, - что Дербент являлся тем древним пунктом на западном берегу Каспийского моря, куда совершались плавания...". Само возвышение Абаскуна, если верить преданию, произошло во время, близкое к первой дате упоминания источников о Хазарском каганате (627 г.). Уже Ибн Хордадбех в IX столетии сообщает как общеизвестный факт, что путь от Горгана до столицы хазар при благоприятном ветре продолжался восемь дней. Истахри и Ибн Хаукал приводят более обстоятельное описание маршрутов. По их словам, существовали два направления, по которым двигались суда из Абаскуна до страны хазар, - "с правой" и "с левой". При маршруте по первому направлению единственной остановкой был Дихистан, находившийся от Абаскуна на расстоянии 50 фарсахов, или 6 переходов. По словам Истахри и Ибн Хаукала, население этого района занималось главным образом охотой и рыболовством, Мукадаси уверяет, что Дихистан был одним из самых знаменитых районов Горгана. Отличительной особенностью этого района являлся минарет, который можно было видеть издали, что, очевидно, было особенно удобно для средневековых навигаторов. Расстояние от Табаристана до Баб ал-абваб (Дербент) "при благоприятном ветре проходилось судном в семь дней", от Баб ал-абваб направлялись уже сухопутьем в хазарский город Семендер. О связях Абаскуна с различными областями

Каспия и Поволжья мы располагаем свидетельствами очевидцев. "И я [сам], - пишет Масуди. - плавал по нему (Каспийскому морю) от Абаскуна, -а он на берегу Джурджана, - в область Табаристана и далее, и не переставал я расспрашивать всех, кто сам был свидетелем, из числа купцов.., а также хозяев кораблей". Только Абаскун мог иметь в виду и Ибн Хаукал, заявляя, что в 358/968-69 г. он в Горгане узнал о захвате русами Булгара и Итиля. Не случайно именно сюда были направлены самые ранние походы русов 880 и 909 годов.

Источники по-разному называют плававшие в то время по Каспию суда: сафина (Ибн Русте, Ибн Фадлан, Масуди), маркаб, заурак (Масуди). Ни одно из этих названий не дает ясного представления о типе или характерных чертах древней каспийской навигации. По-видимому, практика греческого весельного судостроительства, упомянутая Геродотом, не оказалась устойчивой в древней Гиркании. Сохранившиеся в арабских маршрутах слова "при благоприятном ветре" явственно говорят об употреблении парусных судов. Мас'уди в цитированном выше отрывке, свидетельствующем о его личных морских переездах по Каспию, говорит о "хозяевах кораблей". По аналогии со сведениями, имеющимися для этого времени в отношении навигации на Персидском заливе и в Индийском океане, надо полагать, что эти хозяева были одновременно капитанами и лоцманами своих судов. Большинство рейсов из Абаскуна совершалось к южному и западному побережью Каспия, но существовали более или менее систематические рейсы и на далекий север. "И плавают по нему (Каспию), - сообщают географы, - купцы из мусульманских стран в землю хазар и между Арраном, Гиляном, Табаристаном и Джурджаном". Как и все отдаленные заморские экспедиции, подобные рейсы производились не одиночными судами, а караванами судов. Ибн Русте, рассказывая о прибытии в Булгар мусульманских судов, говорит о таковых во множественном числе. Нападавшие на Абскун в 909 г. русы также прибыли на 60 судах, вероятнее всего, таких же "морских однодневках", какие плавали по Черному морю. Обычным сезоном рейсов на север была весна. Такое предположение подтверждается пейзажем Поволжья, изображенным в ранних арабо-персидских известиях о Восточной Европе; погруженные в воду деревья и другие детали отчетливо говорят о весеннем паводке. Да и сам характер торговли восточного купечества с севером (закупка пушнины) обусловливал необходимость прибытия к рынкам пушной торговли вскоре по окончании охотничьего сезона. Надо думать, что и поездки восточноевропейских купцов на Восток совершались в то же самое время. Мы лишены возможности из-за отсутствия источников дать более или менее подробный и связный очерк этого судоходства по Каспию и Волге. Тем не менее уже в раннем Средневековье возникает представление о Каспии как о малом море. Мукаддаси называет его даже озерцом. Весьма интересны в этом свете уверения Абу Хамида, что во время пребывания на востоке Европы он плавал три раза из устья Волги до Хорезма, - факт, не часто встречающийся и в наше время. Навигация по "малому морю" уже в те отдаленные времена представлялась более доступной, чем плавание по морям, формы и размеры которых совершенно терялись в фантастическом представлении об омывающем землю океане.

Народы и земли

Одним из самых заметных признаков того собрания географических наблюдений о Восточной Европе, которое условно мы называем Среднеазиатско-хорасанским сводом, является обязательное прикрепление каждой темы к определенному народу. Таким образом, Свод делится на разделы: хазары, буртасы, булгары, мадьяры, славяне, русы, ису (или вису), йура, народы северного побережья. В наиболее полном и выпуклом виде подобную структуру мы находим в сочинениях Ибн Русте, Гардизи, в "Худуд ал-'алам", у Марвази, Бакри и более поздних компиляторов, как-то: Ахмад Туей, Шукрулла ибн Шихаб, Мехмед Заим, Хаджжи Халифа и др. Но даже там, где подобная структура менее отчетлива, как, например, у Мас'уди, Истахри, Ибн Хаукала, мы все же ясно видим ее следы в группировке материала, в традиционном следовании одной группы материала задругой. Обычный порядок, сохранившийся, например, в наиболее четком виде у Ибн Русте и Гардизи, таков: 1) хазары, 2) буртасы, 3) булгары, 4) мадьяры, 5) славяне, 6) русы. Сравнение различных текстов показывает, что этот порядок достаточно устойчив. Даже при наличии значительных пропусков все сочинения стремятся сохранить вышеприведенный порядок: Истахри - 1) хазары, 2) булгары, 3) русы; Исхак ибн ад-Хусейн - весьма поврежденный и поздний вариант - 1) хазары, 2) буртасы, 3) булгары, 4) славяне. Уничтожение одного звена не уничтожает, как явствует из приведенных примеров, последовательности; эта последовательность в описании народов сохраняется даже в случае значительных пропусков.

Нижеприводимый список с общей нумерацией имеет своей целью кратко, с упоминанием только самых характеристических черт каждой темы, изложить содержание Свода. Для облегчения пользования списком разделы располагаются в алфавитном порядке, по имени народов, оглавляющих каждый раздел. Порядок

расположения тем внутри разделов - произвольный, не зависит от места нахождения того или иного сообщения в географическом сочинении, откуда взято это сообщение.

Булгары

1. Страна булгар соседит со страною буртасов. 2. Между буртасами и булгарами три дня пути. 3. Булгары обитают на берегу (или берегах) реки, которая втекает в Хазарское море и называется Итиль; эта река между хазарами (или буртасами) и славянами (или русами). 4. Царь булгар по имени Ал.м.с исповедует ислам, у него сородичи числом пятьсот (или пятьсот тысяч) человек. 5. Земля булгар в зарослях и дремучих чащобах, среди которых булгары и обитают. 6. Булгары делятся на три разряда, каждый из этих разрядов носит свое название и имеет отдельное место пропитания. 7. Хазары торгуют с булгарами, также русы привозят свои товары, также и другие народы; привозят к ним меха соболя, горностая, белки и другие меха. 8. У булгар имеется земледелие; они выращивают разные зерновые. 9. Булгары постоянно нападают на буртасов и полонят их. 10. У булгар вьючные животные (или лошади), кольчуги и оружие. 11. Они дают царю дань вьючными животными; когда кто-либо из булгар женится, царю также приносят в дар вьючное животное; с приходящих в Булгар судов царь берет десятину. 12. Одежда булгар походит на одежду мусульман, равным образом булгарские кладбища подобны мусульманским. 13. Основное имущество у булгар - меха куницы; у булгар нет золотой или серебряной монеты, а расплачиваются они куньим мехом, один мех равен двум с половиной дирхемам; дирхемы же, белые, круглые, привозят к ним из мусульманских стран. 14. Земля булгар в северной стороне, по направлению к полюсу. 15. Между булгарами и Хорезмом путь равен трем месяцам. 16. У булгар два города, имя одному Сувар, другому Булгар; оба города поблизости друг от друга (или в двух днях пути друг от друга); в обоих городах - деревянные строения, соборная мечеть, живут там мусульмане, по 10 тыс. человек в каждом городе; они сражаются с неверными. 17. У булгар деревья по большей части хаданк и орешник; в булгарских лесах водятся белки, соболь и другие звери с (ценным) мехом. 18. У булгар летом ночь так коротка, что не успевает вскипеть котелок (или: не успеет человек пройти более одного фарсаха); зимою же день становится таким же коротким, как ночь летом. 19. Язык булгар походит на язык хазар, у буртасов другой язык, язык русов не походит на язык хазар и буртасов. 20. На восток и юг от булгар - горы, к западу - река Итиль, на севере - область печенегов. 21. О посылке в 415/1024- 25 г. булгарским государем денег и подарков в Хорасан на построение соборных мечетей.

Буртасы

22. Буртасы находятся между булгарами и хазарами; между буртаса-ми и хазарами расстояние в 15 дней пути. 23. Соседствуя с хазарами, буртасы живут на реке, название которой также Буртас (или Итиль); у них деревянные дома, в них они живут зимою, и шатры, в них они обитают летом; Буртас - название области, также как Рус, Хазар; Сарир - название царства, а не города и не народа. 24. Буртасы находятся в подчинении царя хазар, они поставляют десять тысяч всадников. 25. У буртасов нет главы или начальника, который управлял бы ими; в каждой местности у них имеются один или два старца, которые вершат дела (или суд) между ними. 26. Земля буртасов - обширная; они живут в лесах (или: земля буртасов - ровная; большая часть их деревьев - *халандж;* это дерево они вывозят в Хорасан). 27. Земля буртасов в длину и ширину - 15 дней (или 17 дней, или полтора месяца) пути; здесь много торговых мест. 28. Буртасы постоянно воюют с булгарами и печенегами. 29. Буртасы - стойки и неустрашимы; они - совершенны лицом и общим видом. 30. Вера буртасов походит на веру гузов. 31. Когда поступит один из буртасов вероломно по отношению к другому, начнет его притеснять, причинит ему ранение или побои, тот, другой, не примирится, пока не добьется возмездия. 32. Когда буртасская девушка достигает зрелости, она перестает повиноваться своему отцу, выбирает сама того, кто ей понравился из мужчин, тот мужчина сватается сам (или через свата) и женится на девушке. 33. Наибольшая часть достояния буртасов - куницы, из шкур которых делают шубы. Имеется у буртасов мед, а также верблюды, крупный рогатый скот (или коровы), овцы (или свиньи). 34. Буртасы делятся на два разряда: одни предают мертвых сожжению, другие хоронят их. 35. У буртасов (обширные) пахотные поля. 36. От области буртасов до хазар все степь, дорога - благоустроенная, с источниками, деревьями, текучими водами; некоторые же, отправляясь от буртасов к хазарам, плывут по реке Итиль на судах, а некоторые (путешествуют) сухим путем. 37. Оружием буртасов служат два кинжала, секира, лек, у них нет панциря и кольчуги; лошадью у них владеет не каждый, а только тот, кто обладает многим достатком; их одежда - архалук и халат; у них - головной убор, а чалму завязывают вокруг него. 38. У буртасов нет фруктов, и вино их - из меда. 39. К востоку от области буртасов река Итиль, к югу - хазары, к западу - в.н.нд.рр., к северу - тюркские печенеги.

Вису (или И су), Иура и народы северного побережья

40. На север (или по направлению к полюсу) от булгар находится страна сису (или ису), за нею народ иура и "страна мрака"; путь туда от булгар - двадцать дней (или один месяц; или сорок дней; или три месяца). 41. Иура - народ дикий, живет в чащах, не сносится с другими людьми из-за страха перед злом, которое те могут причинить; торгует народ иура при посредстве знаков и скрытно, ввиду их дикости и страха перед людьми; вывозят от них превосходных соболей и другие прекрасные меха, - ведь они охотятся на этих зверей, питаются их мясом, одеваются в их шкуры. 42. Булгары везут в страны вису и иура товары на санях, которые тащат собаки по сугробам снега; сами люди передвигаются на лыжах. 43. В стране вису ночь такая короткая, что жители не видят мрака, затем в другое время года ночь становится такая длинная, что не видно света. 44. Путешественник, следуя к полюсу, достигает такого места, где отсутствует ночь летом и день зимою; кружится солнце шесть месяцев по окружности горизонта, подобно кружению мельничного жернова, и в году бывает один день и одна ночь. 45. За (страною) иура (находятся) береговые люди, они плавают в море без нужды и цели, а лишь для прославления самих себя, что вот, мол, они достигли такого-то и такого-то места. Они - люди, находящиеся на крайней степени глупости и невежественности: вот едуг они на кораблях по морю, и вот встретились два корабля, привязывают их оба моряки один к другому, обнажают мечи и сражаются; кто остался победителем, тому и владеть обоими кораблями. 46. Далее находится Черная земля, а в море водится рыба, клыки которой употребляются на различного рода поделки: ручки для кинжалов и т.д.

Мадьяры

47. Начало границ мадьяр - между страною печенегов (или булгар) и булгарскими а.с.к.л. 48. Мадьяры - тюрки, глава их по названию к.нд.р выезжает в сопровождении 20 тыс. всадников; действительный правитель - дж.л.а. 49. Мадьяры живут в шатрах, кочуют в поисках пропитания. 50. Страна мадьяр - обширна, по сто фарсахов в длину и ширину, одна сторона выходит в море, туда же втекают две реки; мадьяры живут между этими реками, зимою останавливаются на берегу той реки, которая ближе, занимаются рыболовством. 51. На реке влево от мадьяр в сторону славян живут н.н.д.р, их больше, чем мадьяр, но они - слабее; когда мадьяры бывают на берегу реки, они видят этих н.н.д.р. Выше н.н.д.р на берегу реки находится большая гора, река идет сбоку этой горы. Сзади той горы обитают м.р.дат; между ними и н.н.д.р дорога в десять дней пути, они - народ многочисленный, одежда их - как у арабов, они заняты сельским хозяйством, у них виноградники, вода течет по земле, а не по карнизам. Их больше, говорят, чем жителей Рума, и у них особенная вера. Торгуют они с арабами. Река, что направо от мадьяр, идет к славянам, впадает в Хазарское море, из двух рек эта последняя - наибольшая. 52. В стране мадьяр - деревья, водоемы, земля сырая, пашни. 53. Мадьяры нападают на славян (и русов), которые соседят с ними, обращают их в рабство, торгуют ими в Византии. 54. Мадьяры - идолопоклонники (или огнепоклонники). 55. В прежние времена хазары окапывались рвами, опасаясь мадьяр и других соседних народов. 56. Мадьяры - хороши по внешности, у них богатые одежды и вооружение. 57. При сватовстве мадьяры в качестве калыма приводят вьючных животных кто сколько может; взамен отец невесты отправляет в дом жениху нагруженные на лошадь меха. 58. От мадьяр к востоку - гора, к югу - народ по названию в.н.нд.р, по вере - христиане, к западу и северу - область русов.

Печенеги

59. Путь к печенегам начинается от Гурганджа; путешествующие идут сначала на гору Хорезма, на вершине которой башня, а по склонам - пашни и жилища людей Гурганджа, затем подходят к озеру Хорезма, оставляя его по правую руку, оттуда идут по пустыне, затем попадают в область, где имеются источники воды и охота на всякого рода птиц и джейранов; когда наступает семнадцатый день, добираются до палаток печенегов. 60. Печенеги кочуют по местам, где много дождя и кормов; протяженность печенежского края - тридцать дней пути в длину и ширину. 61. С печенегами соседят: с востока - область кипчаков, с юго-запада - хазары, с запада - славяне (или: с севера - область кипчаков, с юга - хазары, с запада - славяне); все эти народы нападают на печенегов, обращают их в рабство и продают. 62. У печенегов много скота, вьючных животных, овец, у них много злотых и серебряных сосудов, оружия, у них - серебряные пояса, знамена, боевые копья, трубы, в которые они трубят во время сражения и которые походят на бычьи головы. 63. Дорога к печенегам очень тяжелая, добраться к ним можно только на спине вьючного животного, дорога к ним идет через древесные заросли, и путь определяют лишь по звездным приметам. 64. Страна печенегов - ровная, нет в ней гор и

укрепленных мест. 65. По рассказам мусульманских пленников в Константинополе, печенеги прежде исповедовали веру магов; после 400/ 1009-10 г. они приняли ислам. Те печенеги, что отказались принять ислам, пошли войною на печенегов, принявших ислам; победили мусульмане, хотя их было вдвое меньше. Вновь попадающих в их края они называют *хавалис* и предоставляют им полную свободу в выборе места жительства. 66, Печенеги, изгнанные со своей родины, разместились в новых краях между хазарами и Румом.

Русы

67. Русы проживают на острове, размер которого три дня пути в длину и ширину. На острове - чащи, заросли, земля - сырая. Царя русов называют каган. Русы - народ многочисленный. 68. Русы нападают на славян, продают их в качестве рабов в Хазаране и Булгаре, грабят припасы славян, чтобы этими припасами кормиться самим. 69. У русов - обычай оставлять в наследство имущество только дочери; если у руса рождается сын, отец вручает ребенку меч, заявляя: это - твое наследство, отец приобрел мечом свое достояние, так и ты должен поступать. 70. Русы - один из разделов славян, они возят меха к Румскому морю, а отправляются до Хамлиджа, хазарской столицы, затем плывут по морю Горгана и оттуда уже на верблюдах везут свои товары до Багдада; переводчиками им служат славянские евнухи. Русы называют себя христианами и платят подушную подать. Переплыв море Горгана, русы иногда направляются на Балх, оттуда в Мавераннарх к кочевьям тогузов и в Китай. 71. Урусов нет недвижимого имущества, деревень, пахотных полей, их занятие - меховая торговля; за меха они берут чеканные монеты, которые прикрепляют к своим поясам. 72. Русы опрятны, заботятся о своей одежде, так как занимаются торговлей; мужи их носят золотые браслеты. 73. Страна русов богатая, в ней большие богатые города. 74. Русы оказывают почет гостям и хорошо обращаются с чужеземцами, которые ищут у них приюта, они не позволяют никому обидеть гостя или чужеземца, защищают их. 75. У русов мечи соломоновы; когда русы начинают войну, то прекращаются усобицы и все действуют единодушно, пока не победят врага. 76. Если русы не согласны с судебным решением царя, то вступают в поединок на мечах; кто возьмет верх - тот победитель в споре. 77. Знахари у русов занимают привилегированное положение, они имеют власть даже над царем; в качестве жертвы богу русы убивают женщин, мужчин и лошадей. Знахарь указывает, кого следует принести в жертву, и самолично вешает того на дереве. 78. Русы мужественны и смелы, походы совершаются не на конях, а на кораблях. 79. На шаровары, которые носят русы, идет до сотни *зар* (или *араш)* материала; русы носят шапки со спущенными по затылку хвостами. 80. Вероломство среди русов - обычное явление, а потому даже за нуждой они ходят в сопровождении друзей. 81. При похоронах знатного руса в могилу, наподобие обширного дома, кладут одежду, пищу, вино, деньги; вместе хоронят живую жену, которую любил покойный. 82. Одежда русов и славян из льна. 83. Русы делятся на три разряда: куйаба, салавийа, арса; особенно страшен разряд арса; в страну арса никто не проникает, так как они убивают всякого иноземца, кто вступил на их землю. Сами русы-арса спускаются вниз по реке для торговли, но никому ничего не сообщают о себе, ни о своих товарах, никого не допускают в свою страну. 84. Русы сжигают своих покойников вместе с женами; некоторая часть русов хоронит покойников стоя. 85. Русы бреют бороды, а некоторые завивают; одежда их - короткие архалуки, а одежда хазар, булгар и печенегов - длинные архалуки. 86. К востоку от области русов находится гора печенегов, к югу - река Рута, к западу - славяне, к северу - безлюдные земли севера. 87. В 300/912-13 г. или 333/944-45 г. русы приняли христианство, но исповедание этой веры "притупило их мечи", и они отправили четырех мужей в Хорезм, чтобы при посредстве хорезмшаха стать мусульманами.

Славяне

88. От печенегов до славян десять дней пути по лесам и трудным дорогам. Славяне - народ многочисленный, живут в лесах по равнине. У славян город В.б.нит. 89. У славян мед употребляется вместо винограда, у них развито пчеловодство. 90. У славян свиньи так же многочисленны, как (у мусульман) овцы. 91. Когда умирает славянин, его труп сжигают, вместе с покойным бросают в огонь его жену, при этом совершают тризну и веселятся. 92. Славяне поклоняются огню (или быку). 93. Славяне сеют просо; при наступлении времени жатвы они кладут зерно в сито и, обращаясь к нему, произносят молитву. 94. У славян имеются разные музыкальные инструменты: лютни, тамбуры, свирели (дается подробное описание этих инструментов). 96. Хмельной напиток славян из меда, у некоторых до сотни сосудов этого медового вина. 96. У славян мало вьючного скота, лошадей; они носят рубахи и надевают на ноги сафьяновые сапоги; их вооружение: копье, щит, пики, меч, кольчуга; глава славян и его наместник; глава славян питается молоком вьючного скота (кумысом), он живет в городе В.б.нит, где ежемесячно в течение трех дней происходит торг. 97. Славяне строят подземные сооружения, в которых спасаются зимой от сильного холода (или от нападения мадьяр). 98. Царь славян берет дань платьем. 99.

Славяне подвергают суровому наказанию виновных в воровстве и прелюбодеянии. 100. К востоку от славян живут внутренние булгары и русы, к югу - море К.р.з и Румское море, к западу и северу - безлюдные пустыни севера.

Хазары

101. От печенегов до хазар путь в десять дней по степям и лесам; торных дорог до самой страны хазар нет. 102. Страна хазар обширна, одной из своих сторон соприкасается с большой горой, где обитают народы т.лас и луг. р. 103. У хазар два царя, один наибольший, другой - заместитель; функции обоих царей. 104. Хазарский каган выезжает из своей резиденции один раз в четыре месяца, а также в случае возникновения войны и усобицы; встречные падают ниц при приближении кагана. 105. Посещение кагана царем-заместителем, унизительный церемониал, сопровождающий это посещение. 106. Хазары выбирают кагана только из одного священного рода; рассказ о юноше - торговце хлебом, которого чуть не выбрали каганом. 107. Цари хазар из потомства Анса. 108. Продолжительность правления кагана - сорок лет (или: количество лет, которое сам каган назначает себе при церемонии удушения); если каган живет больше положенного срока, его убивают (или: кагана убивают для устранения несчастья, постигающего народ). 109. Трон кагана под золотым *кубба,* место его выше, чем место царя-заместителя. 110. В гареме кагана 25 жен и 60 наложниц, каждая из них живет в отдельном помещении; порядок соединения. III. Могила кагана сооружается тайно, по завершении всех строителей убивают, могилу тщательно скрывают, а об умершем говорят, что он "ушел в рай". 112. Проезжающий мимо могилы царя должен спешиться и не может сесть верхом на коня, пока не удалится от могилы. 113. Конное царское войско состоит из 10 тыс. всадников, находится на содержании царя или знатных людей, обязанных поставлять войско царю. 114. Войско царя состоит из 12 тыс. мужей; когда умирает один воин, его место занимает другой; никто из воинов не получает постоянного содержания. 115. Порядок выступления царя в поход, правило распределения военной добычи, устройство военного лагеря. 116. Отправляясь в поход, хазары оставляют войско для охраны семейства и имущества. 117. Когда царю случится приговорить кого к казни, тот покорно убивает сам себя. 118. Если отряд воинов, посланный на битву, обращается в бегство, то и предводителя, и всех воинов постигает суровое наказание. 119. Царь хазар и его приближенные в числе 4000 мужей - иудеи, остальные хазары исповедуют ислам, христианство, иудаизм, или же они идолопоклонники. 120. Каган и вельможи у хазар исповедуют иудаизм, остальной народ - веру, похожую на веру других тюрок. 121. Статьи дохода царя. 122. У царя два города; весной все население уходит в степь. 123. Хазар - название климата; западная и восточная части города Итиля; стена, постройки, состав населения; мусульмане. 124. Город Итиль делится на три части, остров посередине реки соединен с берегом мостом из лодок. 125. Течение реки Итиль от области Х.рхиз; впадает река в Хазарское море семьюдесятью рукавами, при впадении цвет речной воды отличается от цвета морской воды. 126. У хазарской столицы нет деревень и полей, для занятия хлебопашеством население отправляется за 20 фарсахов, урожай привозят по реке и в повозках. 127. У царя в подчинении 7 (или 9) судей для судебного разбирательства между иудеями, христианами, мусульманами, идолопоклонниками; царь принимает участие в судопроизводстве. 128. Обычай хазар падать ниц перед наиболее уважаемыми людьми. 129. Основа существования хазар - рис (или пшено) и рыба; мед, воск, меха привозят к ним. 130. Страна хазар производит только рыбий клей, остальное привозят к ним, в том числе и материал на одежду. 131. Хазарские рабы происходят от хазар-идолопоклонников, другим религиям запрещено обращение в рабство одного другим. 132. Два разряда хазар: черные и белые. 133. Язык хазар не похож ни на какой другой известный язык. 134. Во главе мусульман в Итиле находится муж из царской гвардии, он же судит мусульман, приезжающих по торговым надобностям. 135. Разрушение мусульманами в 310/922-23 г. синагоги в Дар ал-Бубанадж и ответные репрессии хазарского царя. 136. Идолопоклонники - славяне и русы - живут в одной части Итиля; они же войско и рабы царя. 137. Хазары воюют с печенегами, уводят от последних скот и пленных. 138. Письмо хазар, заимствованное от Рум-и Рус. 139. Русы захватили в 358/968-69 г. Булгар, Итиль и Семендер. 140. Список хазарских городов. 141. Описание города Семендера. 142. К востоку от хазар - стена, а также река Итиль, к югу - сариры, к западу - горы, к северу - буртасы и н.н.д.р. 143. Принятие хазарами иудаизма во времена халифа Харун ар-Рашида и в 332/943-44 г. 144. Царь хазар сначала был магом, потом христианином, а затем по проискам ловкого исповедника иудаизма принял иудаизм. 145. Поход халифа ал-Ма'муна из Джурджании (=Ургенч) на хазар и обращение последних в ислам. 146. В 254/868 г. хазары приняли ислам в благодарность за помощь, оказанную им хорезмийцами. 147. *Ал-ларисийа* - выходцы из Хорезма, их правовое положение в Хазарии; Ахмад ибн Кувейх - везир итильских мусульман. 148. Мусульмане купцы и ремесленники в Хазарии, о численности мусульман и христиан в Итиле. 149. Страна хазар богатая, с большим достатком.

Как явствует из самого беглого просмотра описанного выше содержания Свода, большинство сообщений относится к IX-X векам, к этому же времени относятся и известные Своду немногие хронологические данные по истории хазар и других народов Восточной Европы. Не менее характерной чертой является волжский характер Свода. Хазары и Нижнее Поволжье, с которыми каспийское купечество поддерживало наиболее систематические и близкие отношения, занимают своей тематикой больше трети Свода. Сама последовательность разделов, поименованных по названиям восточноевропейских народов, прекрасно иллюстрирует вышесказанное. Этот волжский характер особенно рельефно выступает при сравнении нашего Свода со сводами известий о Восточной Европе, составленными, например, Ибн Халдуном, Идриси и другими западномусульманскими географами. Стержнем, вокруг которого у названных авторов располагаются сведения о народах Восточной Европы, является не Волга, а Черное море. Волжским характером источников нашего Свода объясняется и качественное отличие отдельных сообщений в отношении достоверности, обилия деталей и т.д. Подробно рассказывая о народах Поволжья и северных народах, с которыми Поволжье было тесно связано, Свод становится куда менее подробным и достоверным по мере удаления объекта повествования от волжских берегов. Этой же малой осведомленностью нашего Свода о странах на запад от Волги объясняются в значительной мере ошибки и многочисленные неопределенности в отношении таких крупных и значительных в исторической жизни рек, как Дон, Днепр. Характерной чертой Свода является также наличие в отдельных сообщениях восточноевропейских (в том числе и русских) терминов и слов, а также сравнений и параллелей, которые могли появиться лишь при условии, что они были понятны достаточно широкому культурному кругу.

Часть 1. Поволжье и Хорасан

Ученые и комментаторы

Первоначальная литературная обработка Свода восходит, очевидно, к малопамятным временам, когда пехлеви был живым литературным языком. А.Д.Фрейману удалось весьма убедительно показать наличие в этой старой литературной традиции названия Черного моря, нередко неизвестного и более поздним географическим сочинениям Средней Азии и Ирана. Правда, название Черного моря в пехлевийской литературе, как предполагает А.А.Фрейман, было тоже не местного, а греческого происхождения. Непосредственное влияние иранской традиции мы явственно различаем в самой ранней географии халифата. Так, знаменитый Хорезми, географическим сочинением которого "в первой половине IX века было положено начало арабской географической науке", впервые применил терминологию, взятую из письменности на персидском языке. Такие названия, как Бурджан, Джабал Баб ал-хазар ва аллан, Земля славян, заменили существовавшие до этого времени греческие термины и были усвоены всей географической наукой на арабском и персидском языках. Объясняя это явление, исследователи единодушно приходят к заключению, что Хорезми был тесно связан с восточными географическими традициями, которые оказали на него не меньшее влияние, чем греческие. В связи с этой чертой Хорезми как географа было бы весьма соблазнительно видеть в упомянутом у Мукаддаси в качестве посланца к хазарам Мухаммаде ибн Муссе ал-Мануджжиме того же Хорезми. Внешним образом такое предположение согласуется со временем экспедиции: годы правления халифа ал-Васика (227-232/842-847) совпадают с периодом, когда, по мнению В.В.Бартольда, было написано Хорезми его географическое сочинение (между 221/836 и 232/847 г.). Посылка к хазарскому царю, *тархану,* как именует Мукаддаси кагана, в качестве посланца человека, подобного Хорезми, вполне объяснима. Но предположения эти в настоящее время не пользуются признанием, хотя все же отдельные ученые продолжают видеть Хорезми в упомянутом Мухаммаде ибн Мусе ал-Мунаджжиме.

В правление того же халифа ал-Васика ездил через Кавказ к хазарам и далее на восток некий Саллам ат-Тарджуман, само прозвище которого - "Переводчик" - явственно говорит о его специальности. По словам Ибн Хордадбеха, Саллам владел тридцатью языками. Свои впечатления от поездки Саллам описал в документе, предназначенном для халифа, а также сообщал в устной форме. Одним из слушателей и читателей Саддама был Ибн Хордадбех, оставивший самый ранний и подробный рассказ "о путешествии к стене Гога и Магога". В этом рассказе мы находим, как и у Хорезми, терминологию, устойчиво державшуюся в течение длительного времени в восточной географии. Эту же терминологию мы встречаем в сочинении, составленном при том же халифе ал-Васике Муслимом ибн Абу Муслимом ал-Джарми (или ал-Хурра-ми), выкупленным в 845 г. из

византийского плена. Масуди, приведший описание этого сочинения, сообщает, что оно содержало рассказы о бурджанах, аварах, булгарах, славянах, хазарах и других соседних с Румом народах. В этих условиях вполне закономерно было появление более или менее значительных сообщений о Восточной Европе и в позднейших географических сочинениях. К таковым относится сочинение Ибн Хордадбеха "Книга путей и стран", составленное, по мнению де Гуе, в первой редакции в 232/ 846-47 г. и во второй редакции в 272/885-86 г. Маркварт, оспаривая это мнение де Гуе, считает, что существовала только одна редакция, относящаяся к поздней дате. Как и Хорезми, автор "Книги путей и стран" был связан с иранским и прикаспийским миром - его отец управлял от имени халифа Табаристаном; само прозвище Хордадбех легко объясняется из среднеперсидского языка. Очевидно, как и отец, Ибн Хордадбех поддерживал близкие связи с владетельными старинными семействами Хорасана, благодаря чему и занимал высокое должностное положение в Халифате. Все это всемерно сказалось на интересующих нас характеристических чертах сочинения Ибн Хордадбеха: в "Книге путей и стран" можно рассчитать свыше десятка мест, где речь идет о событиях и терминах, относящихся к восточноевропейским народам. Правда, все эти сообщения не представляют единого или систематического целого; известия о Восточной Европе разбросаны в сочинении в разных местах, мало связаны друг с другом. Но само наличие их ясно свидетельствует об интересе составителя. Весьма характерна и другая черта: как показывает рассмотрение содержания и терминологии отрывков, касающихся Восточной Европы, большая часть этих сообщений почерпнута из западных источников. Нередко Ибн Хордадбех откровенно следует греческой географической традиции. Так, для обозначения места жительства тюрок и хазар (со включением сюда же Армении и Хорасана) автор "Книги путей и стран" употребляет греческое название Скифия, хотя уже Хорезми трактовал то же греческое понятие как обозначение земли тюрок или даже тюрок-тогуз-огузов. И все же рядом с этими западными и греческими заимствованиями существует несомненная старинная иранская литературная традиция, особенно ясная в тех местах, где упоминается Хосров Ануширван, излюбленная фигура дидактической литературы, вокруг которой сосредоточивался привычно традиционный старинный материал. Отсюда, между прочим, интерес к сочинению Ибн Хордадбеха со стороны даже таких поздних дидактических антологий, как "Сийисат-наме" Низам ал-Мулка. Из разнообразных сообщений Ибн Хордадбеха наше внимание особенно привлекают, кроме упоминавшегося выше описания путешествий Саллама ат-Тарджумана, описание знаменитого маршрута купцов-русов по Дону и Волге через Каспийское море, вызвавшее значительную литературу и переведенное на русский и другие европейские языки. Но и менее обширные сообщения Ибн Хордадбеха, так же как и отдельные термины, чрезвычайно интересны. Таковы упоминание среди "титулов царей земли" титула царя славян *кназ* (князь), приведенная выше титулатура хазарского кагана, сообщения о титулах тюркских владетелей, описание пути из Горгана в Хамлидж - город хазар на реке, впадающей в Каспийское море и текущей из страны славян, и т.д. Это последнее описание содержит стихи с названием еще двух хазарских городов - Семендера и Баланджара, а также другие географические термины, как-то: *аллан, филан, сарир.*

Восточноевропейские интересы Ибн Хордадбеха не одиноки в арабоязычной географии второй половины IX столетия. Труд Ибн ал-Факиха также содержит отрывок о купцах, по торговым надобностям направляющихся на Восток через Каспийское море. В отличие от Ибн Хордадбеха, отрывок с купеческим маршрутом у Ибн ал-Факиха значительно укорочен, и сами купцы поименованы не русами, а славянами. Убитый в 889 г. в Багдаде Ахмад ас-Серахси, происходивший, как это видно из его нисбы, из северного Хора-сана, составил несколько сочинений, не дошедших до нас, из которых одно именовалось также "Книгой путей". Этим сочинением пользовался Мас'уди при составлении своей "Китаб ат-танбих ва-л-ишраф", именуя все сочинение ас-Серахси более полно, чем то сделано в "Фихристе": "Книга относительно путей и стран, морей и рек, известия о городах и тому подобное".

Вряд ли можно сомневаться, что сочинение ас-Серахси также содержало интересующие нас темы.

Приближаясь к X веку, мы явственно ощущаем, как все эти разрозненные восточноевропейские сообщения начинают объединяться в одно систематизированное целое, которое мы условно называем Сводом.

Кажется, А.Мец был первым из европейских ориенталистов, кто назвал X столетие "ренессансом". Понятие это, имеющее, по словам И.Ю.Крачковского, "сбивчивый" характер, тем не менее отражает то особенное отношение, которое не может не зародиться у всякого, изучающего Ближний и Средний Восток этого времени. То же чувство возникает и у тех, кто изучает историю Средней Азии (Мавераннахра) и Хорасана: именно здесь, на крайнем востоке Халифата, со второй половины IX столетия начинают действовать особенно энергично

силы, которые стимулируют возрождение государственной независимости народов, покоренных ранее Халифатом. В своем исследовании "Хорасан и образование государства сельджуков" пишущий эти строки имел возможность высказать свои соображения о главнейших явлениях этого весьма существенного для истории Востока процесса, о роли, которую играл в этом процессе городской патрициат, объединивший в своих руках функции землевладельца с функциями организатора ремесленного производства и купца, преимущественно заморского купца-базаргана.

К сожалению, как и во многих других вопросах восточной экономической истории в раннее Средневековье, мы не только не располагаем документами, но даже и нарративные источники все еще мало обработаны, ждут своего исследователя и могут быть привлечены к исследованию только случайно, по мере личного опыта. Но и то, что находится, так сказать, под рукой, явственно говорит о необходимости разработки вопроса о деятельности среднеазиатско-хорасанского купечества вообще и в странах Восточной Европы в частности.

В начале VIII века, когда арабы захватили Бухару, *базарганы* - купцы, ведшие крупную заморскую торговлю, хотя и считались "благородными", но не входили в состав привилегированного дихканства, их называли чужими. Следы подобного несколько пренебрежительного отношения к торговле сохранились в таком дихканском памятнике, как "Кабус-наме". В главе, посвященной торговле, автор "Кабус-наме" говорит: "Я хочу сказать, что кто по алчности с востока едет на запад, по горам и морям, и подвергает опасности жизнь и тело и имущество, не страшится разбойников и бродяг и пожирающих людей хищников и небезопасных путей, людям [Запада) доставляет блага Востока, а людям Востока доставляет блага Запада, тот, конечно, содействует процветанию мира, а это не кто иной, как купец. Но такие опасные дела совершает тот, у кого закрыты глаза разума". Как и все дидактические произведения, "Кабус-наме" связано архаикой и традицией. Для большинства дихкан того времени, когда составлялось "Кабус-наме", вопрос о соотношении разума и торговли был решен. В той же "Истории Бухары" приводятся многочисленные факты, говорящие о том, что со времени арабского завоевания обстоятельства переменились: базарганы перестали быть чужаками, а Бухара в упомянутой летописи иногда именуется купеческим городом. По сообщению того же источника, в Бухару по торговым делам приезжали купцы различных стран, бухарские ткани вывозились в Ирак, Фарс, Керман, Индию, шла торговля с Китаем, и сам глава и организатор дихканского государства Саманидов эмир Исма'ил, сопоставляемый в "Сийасат-наме" с Ануширваном Справедливым, по рассказам "Истории Бухары", предстает весьма предприимчивым и жадным купцом. Таков, например, рассказ о покупке эмиром Исма'илом селения, славившегося материей *карбас,* или рассказ о приобретении Исма'илом за 10 тыс. дирхемов земли, причем в первый же год после покупки предприимчивый эмир продал с купленного участка камыша на такую же сумму. В этих условиях всякого рода постройки гостиниц, караван-сараев и прочего, трактуемые обычно как дела благотворительности, диктовались, очевидно, всецело торговыми интересами патрициата, так же как и прославленные многими нарративными документами радушие и гостеприимство. Ибн Хаукал рассказывает о гузгананском вельможе Джа'фаре ибн Сахле, прославившем свое имя гостеприимством: "В своих поместьях он построил рабаты и назначил в пользу рабатов доходы с поместий; там содержались коровы, молоком которых пользовались приезжавшие; в каждом селении и в каждом рабате было для этой цели до 100 коров или больше". В X веке мы встречаем патриция-базаргана в разных странах Азии, Африки и Европы. Энергичный и предприимчивый, он активно участвовал в самых рискованных авантюрах. Нередко торговля у такого купца-авантюриста тесно сплеталась с миссионерской деятельностью. Высокий минарет в Дихистане - первая остановка по "правому" маршруту из Абаскуна в Итиль - служил не только опознавательной вышкой для мореходов, но и символизировал победу ислама в далеких гузских кочевьях. Немалую роль во всех этих предприятиях играло Каспийское море и Поволжье. "История Бухары" рассказывает о жителях Пайкенда, одного из бухарских селений, что они были по преимуществу базарганами и вели торговлю с Китаем и морем. Вряд ли под "морем" бухарских купцов можно подразумевать что-либо другое, кроме Каспия. О море и морских путешествиях рассказывает "Кабус-наме": "Море сравнивали также и с царем: сразу все достается, но сразу и теряется. Но если ради того, чтобы подивиться на чудеса, разок по морю и поедешь, то это можно, ибо посланник сказал, благословение Аллаха и мир над ним: пуститесь по морю раз и посмотрите проявление величия господа всевышнего". О морском побережье, полезном для здоровья человека, рассказывает "История Бейхака". Выше мы уже говорили (в связи с выяснением роли Абаскуна) о каспийском мореходстве; ниже, в разделах о хазарах и булгарах, читатель найдет достаточно подробные сообщения о мусульманских купеческо-миссионерских колониях в Итиле и Булгаре. Таков был размах среднеазиатско-хорасанской торговой деятельности в X веке.

Отсюда ясно, что увлечение географией в Средней Азии и Хорасане не было подражанием Багдаду, а

диктовалось практическими нуждами. Говоря о географии, мы, конечно, имеем в виду не науку в нашем современном значении этого слова, а сумму часто весьма разрозненных сведений, где равное место занимали наряду с географией история, этнография, а то и просто конкретные экономические данные, потребные для ведения торговых операций в малоизвестных странах. Яркие примеры этих географических увлечений в Средней Азии и Хорасане многочисленны. Строитель упоминавшейся выше башни эмир Кабус ибн Вашмгир (976-1012), владевший Горганом, покровительствовал Бируни, и знаменитая "Хронология народов" была посвящена ученым горганскому меценату. Рассказы о чужих странах и народах интересовали не только знать и крупных владетелей; всякого рода устные и письменные отчеты о путешествиях, географические сочинения были популярны среди широких кругов населения Средней Азии и Хора-сана. Цитированная выше "История Бейхака", небольшого хорасанского городка, вряд ли чем-либо выделявшегося из множества таких же полуремесленных-полуаграрных поселений, содержит прямо-таки удивительные страницы о многих странах и народах - свидетельство широкого географического горизонта местного населения. Среди пятидесяти владений или стран, упоминающихся в "Истории Бейхака", мы встречаем наименования Саксин, булгары, хазары, русы, аланы, славяне. По свидетельству того же источника, еще в начале XI века между Хорасаном и Средним Поволжьем существовали настолько близкие связи, что даже соборная мечеть Сабзевара ремонтировалась на средства, присланные булгарским государем. И не случайно, что итог и энциклопедия всего развития географической науки в халифате - словарь Иакута - был задуман именно в среднеазиатском Мерве; редкие по богатству и ценности рукописные собрания этого города вдохновили знаменитого эрудита. И только здесь, в условиях саманидских географических интересов, могла благоприятно протекать ученая деятельность географа Джейзани, не без остроумия названного одним из современных исследователей "знаменитым незнакомцем".

Саманидский везир, ученый и писатель Абу'Абдаллах Мухаммад ибн Ахмад ал-Джейхани, к сожалению, нам известен только с чужих слов, а не по собственным сочинениям. Занявший пост везира при восшествии на престол малолетнего саманидского эмира Насра ибн Ахмада (ок. 301/913-14 г.), Джейхани, по словам историка XI века Гардизи, "был знающим человеком, весьма разумным, проницательным, мудрым, имел во всех делах полное представление. У него - многочисленные сочинения в разного рода искусствах и науках. Сделавшись везиром, он написал во все страны мира послания, запрашивая об обычаях всех дворов и всех собраний, чтобы записали и представили ему, как-то: в Рум, Туркестан, Хиндустан, Китай, Ирак, Сирию, Египет, Зиндж, Забул, Кабул, Синд, Аравию. Ему доставили все те записи". Мукаддаси сообщает, что Джейхани был "знатоком в философии, науке о звездах, астрономии; он собирал путешествующих, расспрашивал их о странах, доходах их, каковы пути у них. дабы таким путем, - добавляет географ, - получить средства к завоеванию стран". Мешхедская рукопись Ибн Фадлана рассказывает о Джейхани: "Потом мы въехали в Бухару и прибыли к ал-Джейхани. Он секретарь эмира Хорасана, и его называют в Хорасане "шейх-опора". Он прежде всего позаботился достать для нас жилье и назначил для нас человека, который бы удовлетворял наши потребности и успокаивал бы наши нужды во всем, что мы пожелаем. И так [у него] мы оставались [ряд] дней". Находящиеся во многих средневековых сочинениях на арабском и персидском языках упоминания о Джейхани наглядно свидетельствуют о том большом впечатлении, которое оставили личность и труды саманидского везира в последующей литературе. И вместе с тем трудно представить себе другого автора, сочинения которого были бы так быстро утеряны. Из "многочисленных", по выражению Гардизи, сочинений Джейхани уже "Фихрист", написанный около 377/987-988 г., знает всего несколько. На первом месте среди приводимого "Фихристом" небольшого списка находится сочинение, поименованное, как у Ибн Хордадбеха, "Книгой путей и стран", Мукаддаси уже путает сочинение Джейхани с одноименным сочинением Ибн Хордадбеха. "И я видел книгу его, - рассказывает он о Джейхани, - в семи частях в собрании Адуд ад-Даула, не сокращенную, и говорят, однако, что она (эта книга) принадлежит Ибн Хордадбеху; и я видел в Нишапуре сокращенные переделки, одна из них принадлежит ал-Джейхани, а другая - Ибн Хордадбеху, совпадают они по содержанию, разве у ал-Джейхани превосходит немного".

В науке, посвященной исторической географии, не разделались попытки реконструировать хотя бы общие, самые характерные черты географического сочинения Джейхани, оказавшего такое большое влияние на всю последующую литературу. За основу такой реконструкции европейские востоковеды принимали материал из различных источников и путем сопоставления пытались приблизиться к оригинальному тексту Джейхани. Таковы попытки А.Куника, И.Маркварта, В.Бартольда, В.Минорского. С наибольшей яркостью схема влияния Джейхани на последующую литературу представлена И.Марквартом. Согласно этой схеме, Ибн Русте и Бакри непосредственно заимствовали из сочинения Джейхани, 'Ауфи - из "Худуд ал-'алам", Гардизи - через

посредство неизвестных "С" и "Х", сочинения которых находились в непосредственной зависимости от Джейхани. При отсутствии самого сочинения достаточно трудно сказать, насколько правильны все эти реконструкции и предположения. Ориентиром на пути восстановления подлинного характера сочинения Джейхани могут быть лишь наблюдения авторов, лично видевших или читавших сочинение. То обстоятельство, что Мукаддаси так легко смешивал сочинения Ибн' Хордадбеха и Джейхани, является как будто достаточным основанием предполагать, что оба сочинения были близки в структурном и стилистическом отношении. Если это так, то, очевидно, и к Джейхани может относиться характеристика, данная Мас'уди сочинению Ибн Хордадбеха: годно лишь "для гонцов и письмоносцев". Преобладание маршрутов и всякого рода сухих данных над развлекательно-описательными разделами характеризует и те реликты сочинения Ибн Хордадбеха, которые легли в основу издания де Гуе. Но наряду с этим не следует забывать, что тот же Мас'уди, в отличие от "Фихриста", так именует сочинение Джейхани: "Книга в отношении описания, мира, сведений о нем, то, что в нем из диковинок, городов, краев, морей, рек, народов, мест их поселения и тому подобное из удивительных известий и изящных рассказов". Такое пространное описание позволяет думать, что сочинение Джейхани чем-то, и весьма существенным, отличалось от сочинения, годного "для гонцов и письмоносцев". Наличие у Джейхани описания "мест поселения" народов, "удивительных и изящных рассказов", нам представляется, дает все основания именно у Джейхани, в части его сообщений о Восточной Европе, видеть первое оформление в структурно-литературном отношении того связного повествования, которое затем легло в основу "Хорасанско-среднеазиатского свода известий о Поволжье и Восточной Европе". Схема Маркварта, приведенная выше, на наш взгляд, интересна в том отношении, что связывает непосредственно Джейхани с географами, у которых Свод представлен уже в традиционно выработанной форме.

Особое внимание, которое обычно уделялось исследователями труду Джейхани при рассмотрении географии в Халифате, как то часто бывает, шло в ущерб выяснению значения для нашего Свода трудов другого крупного среднеазиатско-хорасанского ученого, Абу Зейда Ахмада ибн Сахла ал-Балхи (между 850 и 934 г.). Даже такой внимательный и тщательный исследователь, как В.Ф.Минорский, характеризовал Балхи как малооригинального писателя, что, впрочем, не помешало тому же исследователю страницей дальше подробно остановиться на значительной географической традиции, зачинателем которой был, по-видимому, Балхи, а непосредственными продолжателями Истахри и Ибн Хаукал. Подробный биобиблиографический обзор, данный В.В.Бартольдом в его введении к изданию "Худуд ал-'алам", показывает, что у нас нет никаких оснований отмечать какое-либо особенное внимание Балхи к географии Поволжья и Восточной Европы. Кое-что все же из биографических данных Балхи связывает его с кругом людей, специально интересовавшихся восточноевропейской тематикой: на это указывает близость Балхи к Джейхани. В пользу возможной заинтересованности Балхи восточноевропейской тематикой говорит и такой факт, как связь нашего географа с районом Балха, где у него была недвижимая собственность. Балх, по словам Ибн Хордадбеха, служил перевалочным пунктом для русских купцов, что направлялись по маршруту Поволжье - Горган - Китай. Подобно сочинению Джейхани, труд Балхи в его оригинальном виде до нас не дошел. Но мера нашего знания о географическом сочинении Балхи значительно выше, чем о сочинении его современника и знакомца. Де Гуе впервые установил, что труд Балхи лежит в основе того свода географических сведений, который был сделан Истахри между 318/930 и 321/933 гг. при жизни Балхи. Этот свод сведений был еще раз переделан затем Ибн Хаукалом. В.В.Бартольд, а в особенности Крамере во многом развили и дополнили наблюдения де Гуе. Таким образом, сочинение Балхи, во всяком случае в его последующих переделках Истахри и Ибн Хаукала, оказалось обследованным с такой тщательностью, как редкие из географических средневековых сочинений на арабском языке. Оставляя разбор отрывков Балхи, относящихся к Восточной Европе, за разделами настоящего очерка, посвященными Истахри, Ибн Хаукалу и другим географам X века, заметим только, что в основе традиции, связанной с именем Балхи, лежал, по-видимому, несколько иной материал, чем, например, у Ибн Хордадбеха и Джейхани. В этом материале мы находим в значительно большей степени, чем у Ибн Хордадбеха, и древнее предание, и рассказы путешественников-очевидцев, и побывалыдинки горганских мореходов. Отличен в традиции Балхи и самый стиль повествования - вместо документального, сухого, статистического материала мы находим в традиции Балхи повествование литературного характера, не отмеченное тем узким практицизмом, который характеризует Ибн Хордадбеха. Отличается традиция Балхи и в теоретическом отношении. "Для греков и тех арабов, которые им следовали, - замечает по этому поводу В.Ф.Минорский, - семь климатов являлись концентрическими зонами, параллельными экватору, удаленными на равные расстояния. Для традиции Балхи - Истахри - Хаукала под климатами разумеются районы, которые следуют друг за другом и тянутся с востока на запад. Число таких климатов у Балхи и его последователей доведено до 20". В соответствии, очевидно, с характерной для Балхи традицией, вся населенная часть мира представлялась, по

словам Мукаддаси, в виде птицы, клюв которой находился около Суэца, туловище шло по Ирану, хвост - между Абиссинией и Китаем, В последнее время были обнаружены две карты, построенные таким образом, - одна в Кабуле, другая в Британском музее. Как обычно для средневековых мусульманских карт, и на этих найденных картах юг помещен вверху, север внизу. Народы Восточной Европы на этих картах расположены следующим образом: ближе всего к северу находятся русы, к востоку от них - Гог и Магог, к юго-востоку - Мавераннахр, к югу - славяне, к юго-западу - Рум; хазары, булгары и буртасы на карте отсутствуют.

Ренессанс X века

Начиная обзор источников X столетия, составляющих Каспийский свод известий о Восточной Европе, мы прежде всего должны назвать автора, который хотя и оставил весьма полное описание Поволжья, но не принадлежал к кругу среднеазиатско-хорасанских географов. Участвовавший в багдадском посольстве к царю булгар в 921-922 гг. Ибн Фадлан не может быть причислен к каспийской географии хотя бы уже по одному тому, что, судя по дошедшему от него до наших дней литературному наследству, ни одним словом не упоминает ни об Абаскуне, ни о морском маршруте. И все же нам представляется, что как по форме, так и в значительной мере по содержанию знаменитая "Записка" багдадского путешественника составляет неотъемлемую часть той суммы географических представлений, которые мы именуем Сводом.

Уже первые вводные фразы "Записки" не могут не вызвать у читателя невольной ассоциации с описанием Мас'уди утерянного сочинения Джарми. Как у бывшего византийского пленного, так и у Ибн Фадлана мы находим список восточноевропейских народов - "тюрок, хазар, русов, славян, башгирдов и других", о которых автор собирается рассказать "в отношении различий их вер, известий об их царях и обстоятельств их дел". Это введение, даже если не считать его принадлежащим Ибн Фадлану, все же очень существенно; оно говорит, как воспринималось сочинение Ибн Фадлана самым старым читателем и переписчиком "Записки". Со времени освобождения Джарми из плена до путешествия Ибн Фадлана прошло около восьмидесяти лет, и немногим более - со времени, когда Саллам ат-Тарджуман ездил к хазарам. Знаменитый багдадец следовал в своем изложении, очевидно, выработанной предшественниками привычной форме.

Это первое наше впечатление становится еще определеннее, если учесть, что в отличие от обоих помянутых выше авторов, Ибн Фадлан не только понаслышке, а самым непосредственным образом столкнулся со среднеазиатско-хорасанской географической традицией. Нам не совсем понятны мотивы, приведшие багдадское посольство к выбору маршрута на Среднюю Волгу не через Кавказ, как это сделал Саллам ат-Тарджуман, а через Среднюю Азию. Но, очутившись в Средней Азии, багдадское посольство, а с ним вместе и Ибн Фадлан, задержались там достаточно длительное время, сначала в Бухаре в качестве гостей саманидского эмира Насра ибн Ахмада (301-331/914-943) и его просвещенного везира Джейхани, где пробыли двадцать восемь дней, затем в Хорезме - от начала зимы и ледостава до конца месяца шавваля, т.е. до начала марта 922 года. Если считать время пребывания посольства в Хорасане и Средней Азии начиная с июля - августа 921 г., когда посольство вскоре после убийства Лайла ибн Ну'мана прибыло в Нишапур, то окажется, что Ибн Фадлан до отправки на Поволжье жил в культурных центрах юго-восточного Каспия не менее чем полгода. Таким образом, вряд ли можно сомневаться, что наряду с багдадской, главным образом литературной, традицией путешественниками могла быть использована местная, вероятно по большей части устная, традиция. Следы использования этой традиции достаточно четко проглядывают в описании Ибн Фадланом подготовки к сухопутному путешествию, в частности в упоминании в качестве срока переезда трех месяцев. Этот срок мы встречаем у Марвази в определении пути между булгарами и Хорезмом. Достойно внимания, что указание на три месяца у Ибн Фадлана находится лишь в рассказе о подготовке к путешествию; как показал опыт поездки, расстояние от Джурджании до Булгар было покрыто багдадским посольством в семьдесят дней. Очевидно, что указание на три месяца пути стало известно путешественникам до начала переезда и может быть смело отнесено к информации, почерпнутой в Средней Азии. Эта же информация только и могла определить запасы продовольствия и одежды, что были сделаны путешественниками и на которых так подробно останавливается Ибн Фадлан.

Не менее интересна и другая черта, характеризующая поездку багдадского посольства по Средней Азии до того, как караван с багдадскими путешественниками отправился в первый переход из Джурджании в рабат Замджан, прозванный "вратами тюрок" - Баб ат-турк (понедельник зу-л-када 309/4 марта 922 г.). Проведя в Бухаре, как упоминалось, двадцать восемь дней, багдадские путешественники вернулись к "реке", т.е. к берегу

Амударьи, наняли судно и отправились в Хорезм, расстояние до которого, по словам Ибн Фадлана, от места посадки на судно равнялось двумстам фарсахам. Уже Йакут, компилируя это место "Записки" Ибн Фадлана, недоумевал, что именно разумелось под термином Хорезм; как известно, наименование Хорезм обозначало страну, а не какой-либо отдельный город. Современные исследователи текста Ибн Фадлана объясняют это недоразумение тем, что Хорезмом в IX-X столетиях мог называться древний столичный город Кас. Более ясно определение второго пункта, где особенно долго (четыре месяца) задержались багдадские путешественники перед отправлением на Поволжье. По словам Ибн Фадлана, Джурджания находилась в 50 фарсахах по воде от Хорезма. Все описание пребывания в Джурджании, где багдадские путешественники провели зиму, показывает, что вряд ли под Джурджанией можно разуметь иной город, чем хорезмский Гургандж или Ургенч, как он стал впоследствии называться у монголов и тюрок. Единственное сомнение в подобной идентификации может вызвать упомянутое Ибн Фадланом расстояние от Каса до Гурганджа в 50 фарсахов по воде, тогда как Истахри определяет его в 3 дня пути. Но подобные расхождения между показаниями в днях пути в фарсахах довольно часты и, как заметил В.В.Бартольд, имеют место у того же Истахри, в частности в отношении маршрутов по Хорезму. Но каковы бы ни были наши сомнения в определении упомянутых Ибн Фадланом топонимических обозначений, одно несомненно: большую часть своего маршрута по Средней Азии багдадское посольство проделало по воде, наши путешественники стремились по возможности пользоваться не сухопутным, а водным транспортом. Только в Джурджании багдадские путешественники запаслись вьючными животными - верблюдами - и оделись так плотно в теплые одеяния, что видны были лишь их глаза, как не без иронии описывает непривычный дорожный костюм сам Ибн Фадлан. Караванное путешествие из Хорезма на Поволжье казалось необычайным не только самим путешественникам, но и племенам, через территории которых проезжало посольство халифа. Один из вождей гузов-тюрок следующими словами характеризовал предпринятое багдадцами путешествие: "Это нечто такое, чего совершенно мы не видали и о чем не слыхали, и мимо нас [никогда] не проходил посол какого-либо государя с тех пор, как существуем мы и отцы наши".

За почти полуторавековую работу европейской ориенталистики над литературным наследием Ибн Фадлана сделано много полезного и важного; значительна доля участия в этой работе нашей науки. "Записка" - один из документов прошлого нашей страны, тем более значительный, что трактует он, этот документ, о фактах, о которых мы ничего не знаем или мало знаем по другим источникам. И все же многие и весьма существенные вопросы остаются неясными, по-прежнему требуют пристального внимания. К таким вопросам относится прежде всего вопрос о соотношении текста "Записки" с современными ей или близкими к ней по времени географическими сочинениями.

К сожалению, даже солидные исследования литературного наследия багдадского путешественника не свободны от усвоенной европейской ориенталистикой традиции преувеличивать специфическое, индивидуальное в ущерб общему.

Так, изданная в 1956 г. крупнейшим нашим знатоком истории арабской географии А. П. Ковалевским "Книга Ахмеда" Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг." содержит, кроме перевода, исследования и комментарии, два отрывка персоязычных авторов, один из которых - Наджиб Хамадани - жил спустя три века, а другой - Амин Рази - семь веков после Ибн Фадлана, Исследователь не счел возможным привести какие-либо параллельные отрывки, более близкие по времени к "Записке". Мало того, по поводу двух авторов того же X столетия, особенно нас интересующих возможностью параллелизмов с Ибн Фадланом, А.П.Ковалевский писал: "...Книга Ибн Руста, написанная в Испахане и не получившая распространения, вероятно, была неизвестна в Багдаде", а Мас'уди, по его же словам, "явно сочинения Ибн Фадлана не знал". Между тем самое беглое рассмотрение сочинений Ибн Русте и Мас'уди показывает, что как раз в части восточноевропейской тематики эти сочинения имеют много общего с "Запиской", Установление таких параллельных мест является тем более важным делом, что сама "Записка" в дошедших до нас вариантах явно не представляет собою полной редакции, хотя открытие так называемой мешхедской рукописи и возбудило надежды, что "в настоящее время мы располагаем почти полным текстом".

Еще Д.А.Хвольсон обращал внимание на близость некоторых сообщений Ибн Русте к Ибн Фадлану. Такие параллельные места у Ибн Русте относятся к тематике, посвященной булгарам, русам, славянам и хазарам. К булгарской тематике принадлежат сообщения о принятии царем ислама, о земледелии, о податях, о короткой ночи. К русской тематике относится рассказ о вероломстве или зависти. Славянам посвящены сообщения о наказаниях за воровство и прелюбодеяние. Наконец, в хазарской части мы встречаем параллельные Ибн

Фадлану темы в сообщениях о двух хазарских царях, двойной столице, о многоверии и выезде хазарского царя.

Не менее, а быть может, еще более существенным является вопрос о параллелизме в повествовании Ибн Фадлана и Мас'уди - факт, кстати сказать, отмечавшийся уже давно в литературе. Так, тот же Д.А.Хвольсон замечал в своем "Ибн Даста": "Масуди, писавший около двадцати двух лет после Ибн Фадлана, по-видимому, знает сочиненные около 922 г. известия, хотя и не придерживается их исключительно". Параллельные Ибн Фадлану места у Мас'уди мы находим в повествовании о принятии ислама булгарским царем, о короткой ночи у булгар, о двух хазарских царях, двойной хазарской столице, итильских мусульманах и выезде хазарского царя. Оригинальная и очень вольная трактовка общих с Ибн Фадланом тем порождает некоторую неуверенность в признании параллельным того или иного рассказа у Мас'уди. Невольно является мысль - не передаст ли текст Мас'уди иной вариант сообщений Ибн Фадлана, чем известный нам? Не исключена, нам представляется, и возможность личной встречи Мас'уди и Ибн Фадлана, из устных рассказов последнего.

Обычно принято считать, что Ибн Фадлан вернулся в Багдад тем же путем, что и ехал на Поволжье, т.е. сухопутьем через Среднюю Азию. В предыдущих разделах нашего исследования мы пытались показать, что самым привычным путем для всякого рода сношений между Средней Азией, Хорасаном и Поволжьем был не сухопутный, караванный, а морской судоходный путь. Исходя из этих общих соображений, мы полагаем, что весь сухопутный маршрут багдадского посольства на Поволжье сам по себе являлся исключением из обычных способов сообщения и объяснялся какими-то сложными политическими соображениями, быть может, враждебными отношениями между Хазарией, булгарами и Хорезмом, - намеки на подобного рода политическую ситуацию содержатся и в дошедшем до наших дней тексте "Записки" Ибн Фадлана. И нет никаких оснований полагать, что этот трудный и необычный путь был проделан Ибн Фадланом вторично. Более того, имеются достаточные основания думать, что Ибн Фадлан возвращался на родину от булгарского царя не сухопутьем, а по Волге. Этим, например, только и можно объяснить необычайное по богатству деталей описание Хазарии, сохранившееся в географическом словаре Иакута и переданное последним со ссылкой на Ибн Фадлана и на его сочинение, названное в этой передаче трактатом или запиской.

Если это наше предположение правильно, то возвращение Ибн Фадлана могло иметь место весной 923 года. Из скудных данных, сохранившихся от биографии Мас'уди, известно, что последний в 305/917-18 г. был в Истахре, в следующем году - в Индии, затем ездил по южному берегу Каспия, возвратившись на запад в Палестину в 314/926-27 году. Весьма вероятно, что Мас'уди мог оказаться на побережье Каспия, которое он изъездил, по выражению одного из исследователей, "более чем в одном направлении" в то же самое время, что и Ибн Фадлан.

Как известно, Мас'уди ни в "Мурудж аз-захаб", ни в "Киаб ат-танбих" не упоминает ни одним словом об Ибн Фадлане. Но ведь мы располагаем только незначительной частью сочинений этого замечательного арабского писателя. Вряд ли могут быть какие-нибудь сомнения, что и дошедшая часть сочинений за многовековую свою историю и переписку подвергалась значительным искажениям. Как приходилось нам неоднократно наблюдать, текст того или иного автора, испорченный до неузнаваемости в рукописи, носящей имя автора, сохранился в неприкосновенном виде у компилятора. То же самое, по-видимому, произошло и с упоминанием имени Ибн Фадлана у Мас'уди. Наличие такого имени в сочинениях Мас'уди обнаруживается не по дошедшим до нас именным произведениям, а в сочинениях позднейшего компилятора. Таким сочинением является "Книга стран и путей" Бакри. Среди лиц, у которых через посредство Мас'уди заимствовал свои сведения Бакри, упомянут и некий Ахмад, в котором В.Р.Розен увидел Ахмада ибн ал-Факиха. Представляется, что предположение Розена неправильно: уж если под загадочным Ахмадом надо видеть кого-либо, кого мог знать Мас'уди, то не правильнее ли было бы разуметь Ахмада или Мухаммада ибн ат-Тайиба ас-Серахси, упомянутого самим Мас'уди в качестве источника? Но более всего правильным представляется нам видеть в упомянутом Ахмаде Ахмада ибн Фадлана; параллельные его "Записке" тексты и обнаруживаются в сочинении Мас'уди.

Литературное наследие, доставшееся нам от Мас'уди, показывает, что он, как и Ибн Фадлан, проявлял интерес к восточноевропейской тематике. Он стремится выяснить, имеется ли сообщение между Черным и Каспийским морями, знает он о походах русов на южные берега Каспия, о военных столкновениях кочевников южнорусских степей с византийцами, расспрашивает купцов, сам посещает южнокаспийские порты. Кстати сказать, именно у Мас'уди мы находим едва ли не самое подробное описание волжско-каспийской навигации. Рассказывая об экспедиции русов "после 300 года", Мас'уди переходит к описанию постоянных путей

сообщения между каспийским побережьем и Поволжьем: "Берег Табаристана на этом море (Хазарском), и там город; называют его Алхам, и это - гавань, близкая к берегу, между нею и городом Амоль - час [пути]; на берегу Джурджана у этого моря город, называют его Абаскун, [он] около трех дней пути от Джурджана, и на этом море Гилян и Дейлем. И плавают между ними суда по торговым надобностям и [доходят] до города Итиля, и там вход в Хазарское море. И часто ходят по нему корабли от названных нами мест на его побережье до Баку, а это место добычи белой нефти и другого". Как явствует из приведенных выше разночтений, основное расхождение наше с французским переводом заключается в трактовке места назначения, куда "направляются суда по торговым надобностям". Представляется, что вряд ли требуется большая аргументация для поддержания правильности нашего чтения. Смешение Амоля с Итилем во французском издании текста достаточно прозрачно; особенно наглядно это смешение выступает при описании похода русов, где "Амолем" названа хазарская столица. Упоминание Мас'уди в приведенном отрывке наиболее важных каспийских портов - Итиля, Баку, Амоля с малоизвестным портом Алхам и Абаскуна - указывает на близкое знакомство арабского ученого с маршрутами каспийской навигации, Путешественник, непосредственно наблюдавший во время своих странствий многие города и страны, Мас'уди вместе с тем отличался необычной начитанностью. Если ко всему этому добавить редкую для средневекового ученого свободу обращения с различного рода материалами, становятся понятными те непреоборимые трудности, которые встречает исследователь. Поэтому не случайно в течение долгого времени в востоковедении существовало резко отрицательное отношение к литературному наследию

Мас'уди, как исполненному "нелепостей и самых грубых басен", хотя именно с Мас'уди около двухсот лет тому назад и началось приобщение европейской науки к арабоязычным источникам по Восточной Европе. И.Я. Рейске (1716-1774), "фигура которого, - по выражению И.Ю.Крачковского, - всегда будет красоваться на недосягаемой высоте среди всех арабистов и эллинистов XVIII века", был первым, кто привел при издании "Всеобщей истории" Абу-л-Фида (1273-1331) два отрывка из Мурудж аз-захаб Мас'уди: один из этих отрывков оказался инкорпорированным в состав летописи Абу-л-Фида, другой отрывок был взят непосредственно из сочинения Мас'уди и содержал краткую редакцию описания похода русов. Как показали дальнейшие публикации и исследования, уровень европейского востоковедения в XVIII веке не давал возможности сделать выводы, которые могли бы претендовать на бесспорность и длительность существования в науке. Оказалось, что историческое сочинение Абу-л-Фида, сыгравшее такую значительную роль в развитии в Европе знаний о средневековой истории мусульманского Востока, представляло компиляцию сведений, извлеченных главным образом из летописи Ибн ал-Асира. При наличии последующих изданий текста и переводов рассказа о каспийском походе русов публикация и второго отрывка Рейске представляет в настоящее время интерес лишь для истории изучения текста, хотя многие из поставленных арабистом XVIII века вопросов и по сей день не могут считаться окончательно разрешенными. Значительно более полно, чем у Рейске, оказалось представленным сочинение Мас'уди в части, касающейся Восточной Европы, в немецком переводе, изданном как дополнение в публицистической работе И.Клапрота. Публикация этого перевода Мас'уди не лишена некоторых примечательностей: арабский текст, с которого сделан немецкий перевод, был составлен для И. Клапрота знаменитым Сильвестром де Саси, проделавшим столь важную часть работы, как сравнение трех находившихся в парижских коллекциях рукописей "Мурудж аз-захаб"; перевод на основании присланного из Парижа текста был выполнен М.Абихом. Самому Клапроту принадлежали лишь пояснительные примечания. Из всех разделов этого издания наиболее устарели как раз пояснительные примечания, автор которых не останавливался перед такими "открытиями", как заявление: "русские не были хазарами" и т.д. Все же перевод, сделанный по тексту, в составлении которого принимал участие Сильвестр де Саси, представляет в настоящее время значительный интерес. Введенные в научный обиход трудами Рейске, Сильвестра де Саси и других крупных европейских ориенталистов отрывки из "Мурудж аз-захаб", касавшиеся Восточной Европы, неоднократно подвергались переизданию, переводу, комментированию в русской и европейской науке (Френ, д'Оссон, де Гинь, Шармуа и др.). Среди этих работ особо следует выделить сочинение первого русского общего историка Востока В.В.Григорьева "О древних походах Руссов на Восток", вышедшее в 1835 году. В составе работы находится полный и первый на русском языке перевод отрывка, касающегося похода древних русов на южнокаспийские области. При издании перевода В.В.Григорьевым была проделана сравнительно-текстологическая работа, были привлечены как изданные Х.М.Френом отрывки, так и две рукописи "Мурудж аз-захаб", принадлежавшие Институту восточных языков в Петербурге, принято было во внимание и издание И.Я. Рейске. Значительно позднее, чем издание текстов о русах, наметились в европейской ориенталистике попытки дать полный текст или перевод всего сочинения Мас'уди: в 1841 г. А.Шпренгер издал в английском переводе первый том "Мурудж аз-захаб". Полностью как текст, так и французский перевод был выпущен лет

двадцать спустя после издания Шпренгера двумя выдающимися французскими арабистами середины прошлого столетия Барбье де Мейнаром и Паве де Куртеем. Еще в период выхода самого издания автор "Сказаний мусульманских писателей о славянах и русских" упрекал обоих ориенталистов в том, что они "слишком cavalierement обходились с рукописью Парижской библиотеки", легшей в основу издания. Несомненно, что сейчас, когда текст "Мурудж аз-захаб" неоднократно переиздавался, число упреков и критических замечаний можно было бы значительно увеличить. Но все же вряд ли можно согласиться с предложением не "обращаться к критически не проработанному тексту Barbier de Meynard". Каковы бы ни были недостатки французского издания, все же в течение длительного времени оно было единственным изданием, которым могли пользоваться даже такие взыскательные исследователи, как И.Маркварт. Вышедшее в 1303/1885-86 г. в Каире издание, хотя и основывалось в значительной мере на знаменитой ал-азхарской рукописи "Мурудж аз-захаб", все же, как и французское издание, не дало критически проработанного текста по большинству известных рукописей. Таким образом, для исправления недостатков французского издания даже только в части, касающейся народов Восточной Европы, настоятельно необходима предварительная тщательная критико-текстологическая работа. На совещании в Варшаве в октябре 1957 г. ориенталистов Венгрии, Польши, СССР, Чехословакии и Югославии решено было начать эту сравнительную критико-текстологическую работу.

Несмотря на отсутствие такого критически проработанного текста, все же и имеющиеся в нашем распоряжении издания дают достаточные основания для характеристики "Мурудж аз-захаб" и .сравнения его со вторым дошедшим до наших дней сочинением Мас'уди, носящим наименование "Китаб ат-танбих ва-л-ишраф" - "Книга наставления и убеждения". Созданное под конец жизни автора, это второе сочинение Мас'уди преследовало задачу исправления ошибок и восполнения пропусков, имевших место в ранее написанных произведениях; это были, по выражению французского переводчика, обширные errata et addenda к ранее написанному. В двух отрывках этого сочинения мы находим намек на повторение тематики Свода: во-первых, в перечислении основных центров каспийского судоходства, упомянутых при описании провинции Арменьякон, и, во-вторых, в рассуждении о краткости ночи на севере, где упомянуты Рум, Булгар и Хорезм. Наличие следов двух тем в рассматриваемом сочинении все же не может разрушать впечатления, что в своем последнем произведении Мас'уди совершенно очевидно не пользовался теми источниками, что для "Мурудж аз-захаб": место хорасанско-среднеазиатского свода известий заступили ныне западномусульманские источники. На правильность подобного наблюдения указывает и такой факт, как сравнение "реки хазар", т.е. Волги, не с Амударьей - обычное сравнение для хорасанско-среднеазиатского свода, - а с Тигром и Евфратом, что характерно для западномусульманской географии. Характерно и то, что, в отличие от традиции Ибн Хордадбеха и его последователей, путь вывоза мехового товара, о котором, кстати сказать, Мас'уди говорит в "Китаб ат-танбих" не менее подробно, чем в "Мурудж аз-захаб", указывается не через Абаскун и Горган, а через западное каспийское побережье.

В отличие от Ибн Фадлана и Мас'уди, собиравших свои сведения во время путешествий, Бакри, автор сочинения, носившего традиционное наименование "Книги стран и путей", из Испании никогда и никуда не выезжал. "Светский человек и вместе с тем ученый, - так характеризует его В. Р. Розен, - он питал великое уважение к книгам и гораздо меньшее к трезвости". Составленная им "Книга" была в свое время шедевром компиляции и пользовалась большой популярностью на востоке и западе мусульманского мира. Большое и глубокое знание литературы, близость к цветущему периоду халифатской географической науки - все это вместе взятое и сейчас придает особое значение компиляции Бакри. Особого внимания заслуживают отрывки из сочинения Бакри о славянах. Изданные в первый раз В.Р.Розеном, эти отрывки были вновь пересмотрены и изданы в 1946 г. Т.Ковальским под названием "Отчет или сообщения Ибрахима ибн Йа'куба". Как комментарии, весьма обширные, так и трактовка в переводе отдельных неясных в арабском подлиннике терминов показывают, что польский исследователь, продолжая шедшую от Розена и де Гуе традицию, считал путешествие Ибрахима ибн Йа'куба оригинальным произведением, интерполированным в сочинение ал-Бакри и посвященным исключительно западным славянам. Между тем, сопоставление текста Ибрахима ибн Йа'куба с сочинениями, составляющими наш Свод, показывает наличие параллельных мест; представляется также, что далеко не все сообщения путешествия Ибрахима ибн Йа'куба могут быть отнесены к западным славянам. Короче говоря, как сочинения Ибн Фадлана и Мас'уди, так и текст Ибрахима иби Йа'куба - явление сложное, требующее сравнительного анализа. Характерным примером в этом отношении является отрывок, повествующий о славянском обычае сжигать своих покойников; во время этой процедуры жены умершего также кончают с собой. В этом отрывке мы ясно различаем присутствие текста Мас'уди, имя которого, в виде

остаточной буквы, по-видимому, сохранилось в константинопольской рукописи, использованной Т. Ковальским, и Ибн Фадлана - через того же Мас'уди. Такую же зависимость Ибрахима ибн Йа'куба от бытовавших в нашем Своде параллельных текстов мы наблюдаем в отрывках, посвященных описанию холода в стране славян, в описании некоего сооружения, судя по содержанию, означающего черную баню, а также в описании музыкальных инструментов и хмельного напитка у славян. Было бы желательно критически издать весь доступный текст Бакри, дошедший до наших дней. Судя по наблюдениям пользовавшихся неизданными рукописями исследователей, чтение многих имен собственных и названий может быть уточнено.

Ибн Русте

В свое время "Книга дорогих ценностей" Ибн Русте в части, касающейся Восточной Европе, расценивалась исследователями как произведение оригинальное и точно датируемое. Определяя дату и происхождение сочинения, Д.А.Хвольсон заявлял: "Известно, что около 913 г. русские совершили набег на южное побережье Каспийского моря, произвели здесь страшные опустошения и распространили страх и ужас. Мас'уди говорит подробно об этой экспедиции и замечает, что она всем известна. Ибн Даста, который, как доказывается ниже, по всей вероятности, жил в государстве Самани-

дов, то есть близко к месту вышеупомянутой общеизвестной экспедиции, и который подробно говорит о русских, ни слова не сказал об этом набеге. Из этого обстоятельства можно заключить, что набег 913 г. был произведен уже после того, как Ибн Даста написал свою книгу". Принятая Д.А.Хвольсоном дата была усвоена также последующими исследователями. При современном состоянии изучения источников выводы Хвольсона не могут считаться безукоризненными. Прежде всего вряд ли отсутствие упоминания о походе русов может в какой-либо мере служить доказательством для датировки; достаточно для подтверждения сказанного упомянуть о таком памятнике среднеазиатского происхождения, как "Худуд ал-'алам", написанном, вне всякого сомнения, после похода русов и не содержащем тем не менее никаких намеков на этот поход. Да к тому же, по нашему мнению, в разделе сочинения Ибн Русте, характеризующем мужественность и храбрость русов, как раз содержатся реликты рассказа о русском походе, в полном виде представленного у Ибн Мискавейха. Де Гуе, исправляя чтение имени автора "Книги дорогих ценностей" с Ибн Даста (у Хвольсона) на Ибн Русте, замечал, что имя это часто встречается у жителей города Исфагана, да и сам Ибн Русте в одном месте называет себя исфаганцем. Тем самым уже де Гуе уничтожил саманидско-хорасанскую версию происхождения Ибн Русте и его сочинения. Наконец, трудно в настоящее время согласиться с попыткой ДАХвольсона доказать наличие каких-то оригинальных, лично принадлежащих Ибн Русте особенностей в сообщениях о народах Восточной Европы. Выше мы указывали на параллелизм некоторых отрывков Ибн Русте с Ибн Фадланом. Такие же параллельные Ибн Русте места мы находим у Гардизи, Марвази и в других сочинениях, составляющих Свод. На неоригинальность, компилятивность Ибн Русте указывает и наличие повторов в тексте, когда одна и та же тема повторяется два раза и более в приблизительно одинаковых вариантах. Таковы, например, темы о подчинении буртасов хазарам, о характеристике куниц как основного имущества буртасов, о наличии лесов в стране буртасов. Все это вместе взятое позволяет утверждать, что Ибн Русте был скорее компилятором, чем оригинальным писателем, составлявшим свое сочинение по собранным им самим материалам. Это обстоятельство все же не лишает "Книгу дорогих ценностей" особого, присущего только ей значения. Значение это мы видим в том, что сочинение Ибн Русте - наиболее ранний из известных нам вариантов целостного изложения Свода. Принимая во внимание именно это значение Ибн Русте, можно понять ту большую заслугу, которую оказал истории Д.А.Хвольсон изданием хранившейся в Британском музее уникальной рукописи. Издание Хвольсона, содержавшее кроме прочитанного текста биобиблиографическое введение (с. 1-14), текст и русский перевод (с. 15-40) и комментарий (с. 41-199), в течение длительного времени служило источником для многих гипотез и конъектур. Оказало оно влияние и на де Гуе, когда в 1892 г. последний предпринял издание седьмого тома "Библиотеки арабских географов", в которую и вошло сочинение Ибн Русте; при подготовке к изданию отрывков о народах Восточной Европы де Гуе, как он свидетельствует сам, пользовался переписанными Хвольсоном местами. Влияние конъектур Хвольсона на де Гуе было настолько сильным, что многие даже весьма сомнительные из них были оставлены вторым издателем без всякой попытки наметить какие-то иные пути для разрешения тех неясностей, что оказались в рукописи. Зависимым от Д.А.Хвольсона через де Гуе оказался и А.Зейпель в издании своих отрывков текста о русах,

Как явствует из издания де Гуе, отрывки, посвященные народам Восточной Европы, находятся в рукописи между разделами, именующимися "Описание страны Индии", и описанием Табаристана. Никакого отдельного

подзаголовка для раздела о Восточной Европе не имеется, а весь раздел начинается упоминанием хазар. Таким образом, можно предполагать, что отрывки о Восточной Европе, не являясь оригинальной частью сочинения Ибн Русте, могли быть вставлены механически при переписке или редактировании сочинения. Небезынтересны данные о величине отрывков, посвященных отдельным народам; из шести восточноевропейских народов, описанных у Ибн Русте в порядке: 1) хазары, 2) буртасы, 3) булгары, 4) мадьяры, 5) славяне, 6) русы, наибольшее по количеству строк место принадлежит славянам (39 1/2 строк в издании де Гуе) и русам (38 строк); хазары, описания которых в географических сочинениях IX-X веков наиболее подробны, находятся лишь на третьем месте (23 строки),

Последующая публикация сочинений Гардизи и Марвази дала возможность сопоставить параллельные тексты, не известные или мало известные Д.А.Хвольсону.

Абу Са'ид 'Абд ал-Хайни ибн аз-Захак ибн Махмуд Гардизи - автор сочинения "Украшение известий", написанного в кратковременное правление газневидского султана 'Абд ар-Рашида (1050- 1052), - известен нам по двум поздним рукописям (XVI и XVIII вв.), хранящимся в Оксфорде и Кембридже. Биография Гардизи, как и биография Ибн Русте, не содержит каких-либо фактов, дающих право определить особый интерес автора "Украшения известий" к истории и географии Восточной Европы. Как и для Ибн Русте, основным и, пожалуй, единственным источником для анализа текста о народах Восточной Европы у Гардизи является сам текст.

Впервые отрывки о Восточной Европе из сочинения Гардизи вошли в европейский научный обиход лет десять спустя после издания Д.А.Хвольсоном Ибн Русте. Первооткрывателем Гардизи явился ученый, не владевший восточными языками, - А.А.Куник "Вследствие примечания Эллиота в History of India, - пишет он в первой части "ал-Бекри", - я обратил внимание свое на персидского географа, по имени Кардизи (говорят, ученика Бируни), и убедил автора "Каспия" - Б.А.Дорна выписать из Оксфорда рукопись Кардизи, оказавшуюся, к сожалению, весьма неполною. Писавший по-персидски Кардизи при описании многих из вышеупомянутых народностей делал выписки не из Ибн-Дустеха (т.е. Ибн Русте. - *Б.З.),* но пользовался общим с ним источником, или же, что также могло быть, один из них делал извлечения из писателя, заимствовавшего свои сведения из какого-то там неизвестного компилятора". Отмеченный факт довольно быстро был забыт наукой. Так, В.В.Бартольд, издавая в 1897 г. отрывки из сочинения Гардизи, говорил в предисловии: "Из европейских ученых трудом Гардизи, насколько нам известно, пользовался только г-н Раверти (Tabakat-i-Nasiri, с. 301), притом в очень незначительной степени". В опубликованном в 1931 г. некрологе "Памяти Иосифа Маркварта", принадлежавшем перу Бартольда, вторично был затронут вопрос об истории изучения Гардизи и опять-таки не упомянуто о первой в науке попытке использования Гардизи. Предпринятое Бартольдом издание отрывков Гардизи, касающихся народов Восточной Европы, состоит из биобиблиографического введения, текста и русского перевода. Несмотря на очевидные достоинства издания, текст которого был еще в рукописи проработан К.Г.Залеманом, все-таки следует отметить, что многие, и особенно русский перевод, позволяет ввести некоторые улучшения и дополнения. Так, малообъяснимы лакуны в русском переводе; например, отрывки, относящиеся к буртасам и булгарам, оставлены почти без перевода с отсылкой к Д.А.Хвольсону, в то время как отрывки о мадьярах переведены полностью. Можно отметить и другие недочеты, легко исправимые в свете появившихся после издания В.В.Бартольда работ.

Являясь параллельным Ибн Русте текстом, Гардизи превосходит первого в наличии многих тем, отсутствующих в "Книге дорогих ценностей". Таковы, например, темы о печенегах, н.н.д.р и мирватах. Описание печенегов, в отдельных частях уникальное, не находящее себе параллельных текстов, не является тем не менее оригинальным - наличие трех вариантов описания печенежских дорог явственно свидетельствует о компилятивном характере всего сочинения. Компиляции подверглись не только различные по содержанию, но и составленные в разное время источники; первые два описания печенежских дорог относятся, по-видимому, ко времени азиатского существования печенегов, последний вариант - ко времени пребывания их в Европе. Можно предполагать, что в числе использованных Гардизи для описания печенегов источников оказался также рассказ очевидца-путешественника. Большинство других разделов, в частности разделы о буртасах и мадьярах, значительно богаче материалом, чем соответствующие разделы Ибн Русте. В отличие от Ибн Русте, Гардизи приводит также маршруты с указанием расстояний между городами. Эта особенность, представляется, дает достаточно твердое обоснование предположению В.В.Бартольда о большой зависимости Гардизи от Джейхани.

Вместе с тем следует отметить, что в описании булгар у Гардизи, как и у Ибн Русте, отчетливо выступает

близость с Ибн Фадланом.

К Ибн Русте и Гардизи близко примыкает Шараф из-заман Тахир ал-Марвази, судя по нисбе - хорасанец, составивший около 514/1120-21 г. компиляцию под наименованием "Умственные свойства животных". Компиляция содержит географическую главу с разделом, посвященным народам Восточной Европы. Переписанный рукою В.Ф.Минорского текст этой главы вместе с английским переводом, комментариями и биобиблиографическим введением был издан в 1942 г. в серии "James G. Forlong Fund" (т. XXII). Как и в отношении двух рассмотренных выше авторов, о Марвази также можно сказать, что относящийся к нему биографический материал не дает никаких данных для суждения о каком-либо особом интересе его к восточноевропейской тематике. Как явствует из самого предварительного сравнения, текст Марвази в значительной части представляет собою сокращенную параллельную передачу тех же сообщений, что мы находим у Ибн Русте и Гардизи. Несмотря на близость всех трех текстов, у Марвази встречаются, как это было уже отмечено нами, "и новые детали", "поучительный материал". К таким "поучительным материалам" прежде всего относится описание булгар, несхожее с описанием Ибн Русте и Гардизи, но обнаруживающее в не меньшей степени, чем тексты обоих помянутых авторов, соответствие с рассказами Ибн Фадлана. Оригинальный и в значительной части уникальный характер носит у Марвази описание народов иса - йура. Тема о посольстве русов в Хорезм, отсутствующая у Ибн Русте и Гардизи, находит параллельное описание лишь у 'Ауфи. Таким образом, мы видим, что три автора, с наибольшей четкостью сохранившие структуру Свода, достаточно сильно разнятся в деталях, а также в самом тематическом составе. Это само по себе указывает, что ни один из помянутых авторов не представляет целиком копию другого.

При неясно выраженном в средневековой письменности представлении о плагиате было бы, конечно, напрасно ожидать от наших авторов каких-либо пространных и точных признаний в использованных ими источниках. Все же некоторые указания, рассыпанные здесь и там в тексте, дают возможность представить, хотя бы очень неполно, использованную ими литературную традицию. Кроме Ибн Фадлана, текстовую близость с которым рассматриваемых арабских географов мы уже отмечали неоднократно, следует отметить прежде всего Ибн Хордадбеха. Имя его упоминается Ибн Русте при передаче рассказа о Гоге и Магоге. "Относительно народов Восточной Европы он (т.е. Ибн Русте. - *Б.З.),* - замечал В.Ф.Минорский, - использует ранние сообщения, которые предшествуют исследованиям Ибн Фадлана и которые, возможно, принадлежат к полному тексту Ибн Хордадбеха". Менее допустимым считает тот же исследователь видеть в источниках Ибн Русте сочинение Джейхани, хотя параллельный текст Гардизи прямо говорит в конце своих сообщений о народах Восточной Европы: "Эти вот сведения о тюрках находятся некоторые в (сочинении] "Пути и государства" Джейхани, другие в [сочинении] "Ничтожество мира" - другие в книге 'Убейдаллаха Хордадбеха, иные я привел из всяких [других] источников". В другом месте Ибн Русте сообщает, что сочинение Ибн Хордадбеха носит наименование "Книга известий", и указывает, кроме только что упомянутых, еще один источник: сочинение Ибн Мукаффы "Четверть мира". Марвази среди своих источников приводит имена Гиппократа и Галена, которые, по его словам, сохранили в своих сочинениях многочисленные рассказы о тюрках. Использование географической наукой Халифата сочинений средиземноморского античного мира представляло собой не просто переводы, а переработку в стиле и духе тех требований, что ставила перед подобной литературой культурная и экономическая жизнь Халифата. В этой переработке грек медик превращался в этнографа, а греческие скифы (варвары) - в тюрок. От имени такого исламизированного Гиппократа сообщается, например, "что в Европе люди из народов-тюрок походят одни на другие и не походят ни на кого другого. Тюрки воспитываются в холоде" и т.д. Следы греческого влияния, быть может через армянскую передачу, мы видим в рассказе, содержащем в своем составе молитву славян ("О Господи, ты, который питаешь нас..."), представленную в вариантах Ибн Русте и Гардизи. Напоминая "Отче наш", самую популярную евангелическую молитву, "молитва славян" отчетливо говорит о христианских источниках ранней географической науки Халифата.

Границы мира

Выше нам уже приходилось касаться вопроса о связи Балхи и двух выдающихся представителей классического периода халифатской географии - Истахри и Ибн Хаукала. Бесспорная сама по себе зависимость этих трех географов друг от друга долгое время путала востоковедов. Ближайшей иллюстрацией сказанного является изданный Аузли в 1800 г. английский перевод Ибн Хаукала. Рукопись, принятая Аузли за сочинение Ибн Хаукала, оказалась на деле сокращенной версией труда Истахри. Смешение обоих упомянутых сочинений продолжалось и позднее. Примером такого смешения, примером особенно ярким, так как речь идет о

крупнейшем ориенталисте первой половины XIX века, может служить Х.М.Френ, у которого вместо Ибн Хаукала предполагаемое путешествие на Поволжье совершал Истахри.

В 1840 г., т.е. два десятилетия спустя после работ Айленброка и Френа, П.С.Савельев писал В.В.Григорьеву, что он занят сравнением текстов и перевода Истахри и что степень "сходства текстов и переводов Истахрия и Ибн Хаукала, которых до сих пор смешивали и еще недостаточно отделили", может дать материал для специальной статьи.

В 1839 г. И.Х.Мёллером была издана так называемая готская рукопись сочинения Истахри, переведенная шесть лет спустя на немецкий язык АД.Мордтманом. Лишенная в большей своей части диакритических знаков, готская рукопись сочинения Истахри, по свидетельству специалистов, занимавшихся ею, могла быть использована лишь с большой осторожностью. Немецкий перевод, как, впрочем, и русский позднейший перевод А.Я.Гаркави, достаточно ясно показывает трудности, которые неминуемо должен преодолевать переводчик, опирающийся исключительно на одну готскую рукопись. В 1870 г. вышел неполный русский перевод Гаркави, и в этом же году появилось полное критическое издание всего сочинения Истахри, положившее начало знаменитой "Библиотеке арабских географов". В основу издания, кроме готской рукописи, легли рукописи Болоньи и Берлина, обе сравнительно новые, но скопированные с рукописи 589/1193 года.

На следующий год по издании первого тома "Библиотеки" де Гуе в специальной статье подробно остановился на проблеме соотношения сочинений Балхи-Истахри-Ибн Хаукала. По мнению де Гуе, Балхи составил свое сочинение не позднее 309/921- 22 года. Между 318 и 321/930-31 и 933 гг. это сочинение было переработано и дополнено Истахри, а около 340/951-52 г. подверглось дальнейшей переработке со стороны Ибн Хаукала. Примерно к этому же времени относится и дата рукописи Истахри, с которой было списано большинство последующих вариантов. Как уже стало очевидно из издания псевдо-Ибн Хаукала, выполненного Аузли, кроме арабских рукописей, т.е. написанных на том же языке, что и оригинал сочинения, сохранились - и довольно многочисленные - персидские переводы, которые нередко представляли "полную, несохранившуюся редакцию", не дошедшую до нас, но которой, по-видимому, пользовался Ибн Хаукал. Уже несколько лет спустя после публикации первого тома "Библиотеки" де Гуе познакомился с новой, не известной ему ранее рукописью Истахри в Лейдене. Нахождение новых рукописей не приостановилось и далее. Обнаруженные в Гамбурге, Лондоне и Константинополе четыре рукописи создали условия для большой сравнительно-текстологической работы. Эта работа привела И.Х.Крамерса к выводу о наличии двух вариантов сочинения Истахри: к первому варианту, по мнению упомянутого исследователя, относятся рукописи Готы, Лейдена, Гамбурга, одна из константинопольских рукописей и персидские переводы; ко второму - три константинопольские, а также рукописи Лондона, Болоньи и Берлина. Подытоживая все вышесказанное, мы не можем не отметить, что за полтораста лет изучения сочинения Истахри сделано немало. Это тем более важно, что вопрос о личности самого автора до настоящего времени не вполне ясен.

Отрывок "Книги путей и государств", в составе которого находятся интересующие нас тексты по Восточной Европе, озаглавлен "Хазарское море" и принадлежит к седьмому из двадцати "климатов", на которые разделено все сочинение. В рукописях, использованных для издания первого тома "Библиотеки арабских географов", отрывок, озаглавленный "Хазарское море", находится между описаниями Дейлема и Хорасана. Принимая во внимание, что описанию Дейлема предшествует описание Гиляна, а последнему - описание Армении, Ирана и Азербайджана, место интересующего нас отрывка следует считать оправданным. Подобное расположение материала не носит того случайного характера, каким отличается, например, сочинение Ибн Русте.

В сравнении с Ибн Русте - Гардизи - Марвази отрывок Истахри имеет ряд существенных отличий в конструктивном и тематическом отношении. Расположение материала у Истахри, хотя и носит следы традиционной схемы, все же отличается значительным своеобразием. На первом месте у него находится хазарская тематика, которая перебивается затем буртасской. После второго ряда хазарских тем следуют опять буртасы, за ними булгары и русы. Характерной чертой Истахри является и количественное преобладание хазарских тем, занимающих в совокупности около половины всего раздела, озаглавленного "Хазарское море". Вместе с тем отсутствуют такие обычные для Свода темы, как мадьярская и славянская, не говоря о более редко встречающихся темах, посвященных народам Крайнего Севера. Рассматривая сочинение Истахри, А.Я.Гаркави также отмечал "поразительное", по его выражению, явление: "Во всем сочинении этот писатель (т.е. Истахри. -

Б.3.) ни разу не упоминает о Черном море, и на его карте этого моря также нет, так что весьма вероятно, что Истахри не знал про существование этого моря, которое, по его понятиям, сливалось со Средиземным морем". Обстоятельство, отмеченное Гаркави, тем более поразительно, что, вопреки распространенному в XIX веке мнению об Ибн Хордадбехе, Кудаме и Джейхани как источниках Истахри, большинство исследователей в настоящее время главным источником Истахри считают Мас'уди, посвятившего, как известно, Черному морю специальное рассуждение. Наличие многих параллельных текстов у обоих помянутых авторов, упоминание об Абаскуне и волжско-каспийском маршруте, даже такие детали, как сравнение хазар с индусами, - все это говорит, что и Мас'уди и Истахри пользовались независимо друг от друга одними и теми же источниками. Уже во времена Истахри эти источники, по-видимому, были сильно интерполированы, в них соединялись нередко и разные варианты и разные рукописи. Этим, по нашему мнению, может объясняться наличие у Истахри ясно выраженных повторов, когда одно и то же замечание прикрепляется то к одной, то к другой теме. Таковы, например, замечания об особенностях резиденции хазарского кагана, о хазарском импорте, о языке хазар и булгар, об области "Бур-тас", о деревянных домах (шатрах) у буртасов и булгар. Наряду с таким, как и у Мас'уди, параллелизмом с Ибн Фадланом, мы находим у Истахри, не совсем, правда, ясные, намеки на возможность оригинальных заимствований. В отрывке о булгарах Истахри дважды упоминает о некоем хатибе, совершившем хутбу в булгарских городах. Истахри сохранил два сообщения этого хатиба: о численности населения булгарских городов и о краткости летней ночи у булгар. Упоминание очевидца в компилятивной по своему характеру работе свидетельствует о дальнейшем развитии той совокупности сведений о Восточной Европе, который мы именуем Сводом.

В значительной степени таким же вариантом Свода являются отрывки из "Книги путей и государств" младшего современника Истахри, географа Абу-л-Касима (Мухаммада) ибн Хаукала, сокращенно именуемого просто Ибн Хаукалом. О близости своего сочинения к "Книге" Истахри говорит сам Ибн Хаукал и рассказе, известном русскому читателю по неоднократным переводам его на русский язык. Истахри, изумившись познаниям Ибн Хаукала в картографии, поручил ему усовершенствование и исправление своего сочинения. Самое поверхностное сравнение показывает необычайную близость сочинений Истахри и Ибн Хаукала. Мнение де Гуе о том, что "как Истахри поступил с работой Балхи, так поступил позднее Ибн Хаукал с работою самого Истахри", характеризует не только реальную близость обоих сочинений, но и результат этой поразительной текстологической близости - долгое время существовавшее в европейском востоковедении смешение Истахри и Ибн Хаукала.

Нельзя не признать, что в значительной части сочинение Ибн Хаукала следует рассматривать как один из вариантов сочинения Истахри, но как Истахри не является только копией Балхи, так и Ибн Хаукал - не только копия Истахри.

Издание в 1873 г. второго тома "Библиотеки арабских географов" де Гуе предоставило специалисту критический текст сочинения Ибн Хаукала, сверенный по трем рукописям и сопоставленный с сочинением Истахри. Следующим не менее значительным этапом в деле изучения Ибн Хаукала были работы И.Х.Крамерса, голландского арабиста (ум. в 1951 г.), опубликовавшего второе издание сочинения с привлечением старшей стамбульской рукописи 479/1086-87 г. и несколько очень ценных очерков, где впервые доказательно раскрывалось наличие трех вариантов сочинения и связь сочинения с так называемым Атласом ислама.

Важнейшим отличием Ибн Хаукала от Истахри в отношении сведений о Восточной Европе является наличие частей, говорящих об активном собирании их автором материала. В начале прошлого века существовало даже твердое убеждение о посещении Ибн Хаукалом Булгара и других приволжских городов. Это положение, как указывалось, поддерживал, например, Х.Д.Френ. Эти же соображения, очевидно, позволили французскому ученому д'Оссону назвать героя воображаемого путешествия на Кавказ и в Восточную Европу X века Абу-л-Касимом, т.е. дать этому герою кунью Ибн Хаукала. Кажется, Д.А.Хвольсон первый отметил сомнительность предположения, чтобы Ибн Хаукал "когда-либо был в Булгаре или других приволжских странах. По тому, как он говорит об экспедиции русов в эту страну, ясно видно, что сам он никогда не был там. В том месте, где он говорит о хазарском городе Семендере, он именно прибавляет, что известия свои об этом городе он собрал в Джорджане". На Горган, как источник расспросных сведений, указывал В.В.Бартольд и вслед за ним В.Ф. Минорский. Как и Истахри, Ибн Хаукал хорошо знал покровителей автора "Худуд ал-'алам" - эмира области Гузганан и его везира Джа'фара ибн Сахла. В Горгане наш географ был, как предполагают, в 358/968- 69 г., т.е. лет за пятнадцать до того, как автор "Худуд ал-'алам" начал составление своего географического труда.

Наличие связей с Гузганом как у Ибн Хаукала, так и у анонимного автора "Худуд ал-'алам" может до известной степени объяснить близость текста анонимной среднеазиатской географии в части, касающейся Восточной Европы, с вариантом Истахри - Ибн Хаукала. Гузганан, как и Балх, был связан с Каспийским морем. В литературно-культурном отношении Гузганан принадлежал на протяжении средневековой истории к хорасанско-среднеазиатской традиции. Оба автора - Ибн Хаукал и анонимный среднеазиатский географ - могли использовать одни и те же источники, и как обычно, первое, что приходит на ум, - утерянное сочинение Джейхани.

Оригинальной темой у Ибн Хаукала является сообщение о разрушении русами в 358/968-69 г. Булгара и Итиля. Тема эта, отраженная глухо лишь в сочинении Мукаддаси, не имеет каких-либо параллельных текстов, говорящих о ее происхождении. У самого Ибн Хаукала тема о нападении русов имеет повтор, как это обычно для сообщений, заимствованных из разных источников. В первом случае сообщение о нападении русов на Булгар, Хазаран, Итиль и Семендер следует за описанием Булгара и сопровождается указанием на поспешный уход русов по ограблении хазарских городов на-Рум и Андалус. Во втором случае сообщение связано с повествованием о меховой торговле, причем даже в наиболее полном варианте в издании Крамерса упоминаются только два города - Булгар и Хазаран. Несмотря на очевидный интерес помянутого сообщения, отрывок о нападении русов не подвергался всестороннему изучению, отдельные исследователи и комментаторы касались главным образом вопросов датировки события и прикрепления самого события к определенному историческому лицу. Причем, как это уже стало правилом при обследовании неясных древних сообщений восточных писателей о русах, старые споры между приверженцами русской и норманнской теории продолжали приводить к самым противоречивым выводам. Между тем сравнительно-текстологический анализ, который, казалось бы, должен лежать в основе всяких выводов и соображений, все еще не произведен. Приводимые ниже сопоставления и факты, конечно, ни в малейшей мере не могут претендовать на упомянутый анализ, но все же и в общем кратком обозрении нельзя не отметить, что маршрут русов после нападения на Итиль через Рум в Андалус, не находящий какого-либо объяснения в известных нам исторических фактах, весьма напоминает маршрут, которым пытался переслать свое письмо хазарскому царю кордовский еврей вельможа X века Хасдай ибн Шафрут. Кстати сказать, в этом же письме среди различных стран и народов, через которые предполагалась доставка упомянутого письма хазарскому царю, фигурирует и страна Рус. Но что представляет особенный интерес в рассматриваемом письме, это неожиданное упоминание месопотамского города Нисибина (Нисибим), откуда, по словам письма, шел путь в Армению, Бердаа и далее к хазарам. Упоминание Нисибина, места рождения ИбнХаукала, не может не привести нас к сопоставлению с известными фактами биографии автора "Книга путей и государств", касающимися пребывания его в Кордове при дворе омейядского халифа 'Абд ар-Рахмана III (912-961). Как бы ни были различны предположения о роли, которую играл Ибн Хаукал при дворе Абд ар-Рахмана III (фатимидский шпион? агент Аббасидов? купец?), все же одно неоспоримо: это пребывание было настолько длительно, а ознакомление с испанской действительностью настолько глубоко, что в результате того и другого страницы сочинения Ибн Хаукала, посвященные Испании, представляют выдающееся явление "за весь омейядский период". В этих условиях нет никаких оснований сомневаться в возможности или даже неизбежности встречи Ибн Хаукала с Хасдаем ибн Шафрутом - видным государственным деятелем и приближенным лицом кордовского халифа, инициатором так называемой еврейско-хазарской переписки. Хасдай ибн Шафрут живо интересовался местонахождением своих соплеменников в различных уголках мира, известного в те времена арабской географии. Отсюда, быть может, появление Нисибина в качестве возможного передаточного пункта письма из Испании к хазарам. Этим же, вероятно, объясняется и наличие таких арабизмов в письме при названии Шафрута, как употребление арабского артикля при названии страны Хазар. Наконец, не нашего ли географа разумеет письмо, рассказывая о "купцах из Хора-сана" как об источнике осведомления о Хазарском царстве? "Этих всех посланцев, приносящих дары, - говорится в письме, - я всегда спрашивал о наших братьях, израильтянах, остатке диаспоры, не слышали ли они чего-либо об освобождении оставшихся, которые погибают в рабстве и не находят (себе] покоя. [Так продолжалось дело], пока не доставили мне известие посланцы, [пришедшие] из Хорасана купцы, которые сказали, что существует царство иудеев, называющихся именем ал-Хазар". Весьма характерно, что именно в рукописи Ибн Хаукала одного из константинопольских собраний (дворца Топкапу), открытой З.В.Тоганом, сохранилось сообщение о путешествии Хасдая ибн Шафрута на Кавказ.

Так называемая еврейско-хазарская переписка, открытая в XVI веке Исааком Акришем, была в течение длительного времени предметом ученых споров по вопросу о подлинности. Но даже последнее, наиболее

комментированное издание выдающегося нашего семитолога П.К.Коковцова не дает систематической сравнительной сверки этой переписки с данными арабо-персидско-турецкой географической литературы. Между тем подобная сверка не может не привести к обнаружению многих параллелизмов, встречающихся в различных местах всего материала, охватываемого понятием переписки. Уже "Вступление" Исаака Акриша содержит, по нашему мнению, два таких места: 1. Описание больших, высоких "до небес" гор, на которых якобы находится иудейское царство, где живут воинственные силачи, не может не напомнить описания высокой горы в Хазарии, где проживали таинственные туласы и луг.ры, - по словам "Худуд ал-'алам", "люди воинственные и с многим оружием". 2. Упоминание во "Вступлении" (со слов абиссинского правителя) о князе-иудее, который пришел на помощь с двенадцатью тысячами всадников-иудеев, не может не напомнить, что подобное же число войска, состоящее также из всадников, мы встречаем в повествовании о Хазарии у Истахри и Ибн Хаукала. Весьма нетрудно догадаться, откуда могли появиться среди турецких евреев, к числу которых принадлежал Исаак Акриш, подобные реминисценции. Их незачем разыскивать в далеких от XVI века оригиналах Истахри, Ибн Хаукала и др. Они, эти реминисценции, могли возникнуть при чтении современной Исааку Акришу турецкой литературы, сохранившей древние арабские известия о хазарах. Еще более очевидный характер носят параллелизмы, встречающиеся в самом послании Хасдая ибн Шафрута. Эти параллелизмы мы находим в определении размеров, долготы и широты Хазарии, в сообщениях о хазарах со слов византийского посольства, в вопроснике, составленном для хазарского царя. И еще более многочисленны и рельефны параллели с арабскими известиями о хазарах в обеих редакциях ответов хазарского царя Иосифа. Если для Хасдая ибн Шафрута арабские географические сочинения были источником, из которого он черпал свои сведения, то письма хазарского царя при сравнении их с соответствующими местами арабской географической литературы сами могут характеризоваться как источник. Основным показателем для такого рода утверждения является полнота и обилие деталей в некоторых сообщениях еврейско-хазарской переписки по сравнению с их арабскими параллелями. К таким сообщениям относится рассказ об обращении хазар в иудаизм. Отдельные детали этого рассказа, например упоминание о "главном князе", а также о выборе веры, могут быть самым непосредственным образом сопоставлены с известиями арабской географической литературы. Такой же характер носят сообщения о наследовании царской власти у хазар, корреспондирующие с "вопросником" Хасдая ибн Шафрута, и описание хазарской страны в связи с расположением многих народов, в том числе и народов Восточной Европы. К такого же рода сообщениям относится рассказ о выходе хазар весной из города, где они проживают зиму. В европейском варианте этого рассказа определяется не только месяц выхода, но и время возвращения хазар с полевых работ, которое совпадало с окончанием объезда царем хазар своих владений. Таким месяцем был осенний месяц кислев. Конечно, длительная и достаточно сложная история бытования писем хазарского царя не могла не отразиться на редакции самого материала. Уже ее первооткрывателю известен был краткий и полный вариант. Не менее явственные следы сложного исторического бытования мы находим в самом составе писем, где, например, дважды повторено описание Хазарской страны: первый раз - по соотношению ее с другими народами, второй раз - в самом конце при указании ее размеров. Нельзя исключить и заимствования из арабской географической литературы. Но все же в основной своей части еврейско-хазарская переписка вряд ли может быть целиком определена как ненадежная в отношении достоверности. Больше того, нам представляется, что у Мукаддаси, этого последнего крупного представителя классической школы арабской географической науки, мы можем отметить прямое влияние еврейско-хазарской переписки.

Описывая место, где жили хазары, и расположение хазарской столицы, Мукаддаси замечает: "вокруг нее и внутри ее - рощи", что структурно совпадает с таким же появлением в письме хазарского царя (после соответствующих описаний страны хазар и Итиля) сообщения об острове, на котором находились принадлежащие хазарскому царю поля и виноградники.

Происходя по отцу из Иерусалима, откуда нисба Мукаддаси, АбуАбдаллах Мухаммад ибн Ахмад со стороны матери был родом из Кумиса. Быть может, эти хорасанские связи в значительной мере объясняют факт, что в области описания Восточной Европы Мукаддаси выступает не только как компилятор, но и как активный собиратель сведений. Так, рассказывая о войне халифа Ма'муна с хазарами, о нападении русов на хазар, он двоекратно повторяет "я слышал"; рассказывая об Итиле, он сравнивает стены хазарской столицы с Джурджаном; упоминает он и о своих расспросах в Бухаре. Судя по многим деталям в описании Семендера и Итиля, можно предполагать, что Мукаддаси, как и его предшественник Мас'уди, совершал морские экспедиции по Каспию и, возможно, бывал сам у хазар в Семендере или Итиле. На это же обстоятельство указывает упоминание Абаскуна, хотя надо заметить, что у Мукаддаси мы уже не встречаем того подробного маршрута по

Каспию на север, что находим у Истахри и Ибн Хаукала. Результатом самостоятельного собирания сведений о Восточной Европе, очевидно, и были те оригинальные сообщения о хазарах, которые позволяют видеть в Мукаддаси не только последнего крупного представителя арабской классической географии X века, но и одного из последних активных создателей Свода. К сожалению, дошедшие до нас отрывки сочинения Мукаддаси, посвященные хазарам и булгарам и изданные в третьем томе "Библиотеки" де Гуе, являются иной раз такими искажающими всякое значение сокращениями, что настоящая оценка труда Мукаддаси может быть произведена только по нахождении более сохранной рукописи сочинения. Наглядным примером таких искажений может служить вставленная в описание булгар фраза о ночах, значение которой может быть понятно, только исходя из общих знаний темы о краткости ночи в Булгаре. Несомненное смешение с Итилем мы наблюдаем и в общем описании Булгара. Город, по словам Мукаддаси, делится на две части, одна из которых ближе к Каспию, чем другая, главная часть, где находится резиденция царя. Наряду с искажениями и смешением в тексте имеются прямые неточности и очевидные описки. Так, например, в повторном описании хазар на той же странице, где описывается Булгар, мы склонны видеть в слове "хазар" не что иное, как сокращение известного названия одной из половин Итиля - Хазарана. Если это предположение правильно, то последующее несколько сумбурное повествование не может не напомнить нам еврейско-хазарскую переписку в части ее, рассказывающей о выезде из столицы и возвращении хазарского царя после объезда страны.

В восстанавливаемой истории представлений о Поволжье и Восточной Европе, бытовавших в X столетии в Хорасане и Средней Азии, географическое сочинение анонимного среднеазиатского географа, именуемое "Худуд ал-'алам" - "Границы мира", - занимает особое место. Это - первая крупная энциклопедия сведений о странах и народах Восточной Европы, написанная на языке, на котором говорило в X веке население Средней Азии и Хорасана. Ничто не указывает на какую-либо попытку анонимного автора проявить активность в собирании сведений или какой-либо особый интерес к восточноевропейской тематике. Еще В.В.Бартольдом была отмечена характеристическая особенность сочинения: восточная сторона Каспийского моря, близкая к району, где жил и работал автор "Худуд ал-'алам", была ему известна хуже, чем западная. Сочинение среднеазиатского анонимного географа как раз является особенно ненадежным в отношении областей Средней Азии. "Сведения *Худуд ал-лам о* принадлежности тех или иных городов к Шашу и Илаку, - отмечает один из выдающихся современных знатоков Средней Азии М.Е.Массон, - страдают большой путаницей и логической неувязкой, вследствие чего при противоречиях с данными средневековых географов этому сочинению трудно отдавать предпочтение". Не менее характерной чертой рассматриваемого памятника является и его способ изложения, превращающий весь текст как бы в огромный картографический комментарий, своеобразное "предисловие к карте", как образно характеризовал рукопись нашедший ее в Бухаре Абу-л-Фазл Гольпайгани, ученый бехаист-самаркандец. Этой чертой, быть может, в значительной мере объясняется и расположение материала. Описание восточноевропейских народов начинается со "слова", посвященного "тюркским печенегам", местоположение которых определяется в зависимости от территории, на которой находятся буртасы и барадасы, мадьяры, русы и течет река Рута. Прерванное затем описанием Кипчака повествование о восточно- и центрально-европейских народах переходит к стране мадьяр, чтобы опять быть прерванным уже на весьма значительное количество листов и возобновиться после описания Рума, его областей и городов. На л. 376-386 описываются народы Центральной и Восточной Европы в следующем порядке: славяне, русы, внутренние булгары, мирваты, хазарские печенеги, аланы, сариры, хазары, буртасы, барадасы, в.н.нд.р. Рассмотрение каждого из этих сообщений в отдельности показывает, во-первых, что автор не всегда имел дело с наиболее полными и сохранными вариантами и, во-вторых, что как компилятор он не проявлял достаточного критицизма в отборе и компоновке материала. В этих условиях нередки случаи, когда сообщения, прикрепляемые обычно в других сочинениях к одному народу, относятся произвольно к другому народу или даже дробятся между несколькими народами, как это мы видим в повествовании о булгарах, буртасах и хазарах.

Несмотря на все эти недостатки, рассматриваемое сочинение все же представляет для исследователя исключительный интерес. Как отмечал уже В.В.Бартольд, анонимный среднеазиатский географ использовал в своей работе сочинения Истахри, Ибн Хаука-ла, а возможно, и Ибн Хордадбеха. К приведенному Бартольдом списку источников следует добавить Ибн Русте, прямым заимствованием из которого следует объяснить появление в "Худуд ал-'алам" названия *ааси* (=иши или айша). Составленная в последней четверти X века, география среднеазиатского анонима ценна также и тем, что, несмотря на сравнительно позднюю копировку (XIII в.), она сохранила весьма старые варианты текста, названия и термины, зачастую модернизованные или исчезнувшие в других персоязычных редакциях.

Часть II. Хазары

ХАЗАРИЯ И ХАЗАРЫ

Под названием *хазар* в сочинениях на арабском и персидском языках, составляющих Свод, разумелись страна, государство и народ. "Хазар - имя климата", - сообщает Истахри, противопоставляя этому имени название столичного города Итиль, одноименное с названием реки. Загадочное в арабском тексте Истахри слово "климат" заменено в персидском варианте словом "область, страна": "Хазар - область со столичным городом, называемым Итиль". Приведенный персидский вариант не вносит, впрочем, чего-либо нового, а отражает, по всей вероятности, одну из арабских редакций. В некоторых арабских рукописях сочинения Истахри, как указывал де Гуе, встречается аналогичное упоминание о городе. Сходный по содержанию текст находится и в готской рукописи сочинения Истахри. Ибн Хаукал, следуя Истахри, дает редакционно несколько отличный текст: "Хазар - название климата, а его город называется Итиль". Бакри и Иакут (последний, как обычно в текстах о хазарах, со ссылкой на Ибн Фадлана) продолжают ту же традицию, разумея под словом *хазар* - "климат", город которого Итиль.

Словом *хазар* наши источники обозначали также хазарское государство, каганат. Рассказывая о буртасах, которые не имели правителей, Истахри в качестве сравнения приводит наименования *рус, хазар и сарар,* - все эти три имени, по словам географа, обозначают, в явное противопоставление с "безгосударственными" буртасами, название государства или страны. Ибн Хаукал следует за Истахри, с тем, однако, отличием, что к слову "царства" добавляет "и области".

Характеризуемое как территория и государство понятие *хазары* не имело, тем не менее, в географии юго-восточного Каспия четко выраженных размеров или границ. Признавая и даже преувеличивая значение Хазарского каганата, наши источники проявляют поразительное равнодушие к определению реальных территориальных размеров. Характерным для наших источников является, например, отсутствие всяких попыток наметить западную границу хазарского государства и каких-либо указаний на Крым и другие владения хазар к западу от Волги. Исключением как будто является описание хазарских границ, находящееся в составе "Худуд ал-'алам>>: "Область, к востоку от нее стена между горами и морем, и еще море, затем река Итиль (Атиль), к югу от нее - сариры, к западу - горы, к северу - барадасы и н.н.д.р.". Но это единственно полное описание в наших источниках хазарских границ не может не вызвать недоуменных вопросов относительно географических определений: как может знаменитая Дербентская стена "между горами и морем" оказаться к востоку от хазар? Какие горы имеет в виду автор этого описания к западу от хазар?

Границы Хазарского каганата описаны в большинстве наших источников только в той мере, в какой география юго-восточного Каспия могла непосредственно сталкиваться с хазарами. Мухаммад ибн Муса ал-Хорезми, в первой половине IX века зафиксировавший в своем географическом сочинении название хазар, отмечает следующие координаты для хазарской страны: 45° широты и 98° долготы. Единственным параллельным этому сообщению текстом является текст краткой редакции письма царя Иосифа, где широта Хазарской страны определяется в 47°, а долгота в 60°, т.е. цифрами, почти совпадающими по широте с приведенными выше данными Хорезми. Принимая во внимание современное географическое деление, районом, по которому проходила южная граница ("широта"), оказывался Дагестан, восточная граница ("долгота") должна была пересекать Аральское море. Абу-л-Фарадж Кудама ибн Джа'фар ал-Басри, умерший в первой половине X века, определяет границу хазар словами "от Армении до хорасанского Хорезма". Из следующего за этим выражением текста явствует, что под "Арменией" наш географ разумел также районы, где находились построенные Хосровом Ануширваном города Шабаран, Маскат, Баб ал-абваб (Дербент), ни один из которых в нашем понимании не принадлежит к Армении в собственном значении этого слова. Очерченная Кудамой ибн Джа'фаром хазарская граница таким образом довольно близко совпадает с определением Хорезми в градусах широты и долготы.

Все вышесказанное находит подтверждение и в других источниках. Страна хазар представлялась географической литературе на арабском и персидском языках как лежащая на реке Итиль и Хазарском море;

реке и морю уделяют наши источники преобладающее внимание. Только Мас'уди и Ибн Ийас в хазарских частях своего повествования говорит о рукаве хазарской реки, впадающем в залив Черного моря, под которым с большей или меньшей долей вероятности можно разуметь Дон. Остальные хазарские реки, как-то: Аум (Мас'уди) и Ахар (Мукаддаси), при современном состоянии источников не могут быть определены в какой-либо мере доказательно.

Наряду с вышеприведенным описанием границ Хазарского каганата, носившим, так сказать, теоретический общий характер, существовали описания, основанные на непосредственном знакомстве с хазарской страной. Баб ал-абваб - выдвинутое на север пограничье Халифата - был тем пунктом, который практически и с наибольшей точностью определял границу между мусульманским миром и "неверными", какими были всегда для газиев Дербента хазары. В "Худуд ал-'алам" находится редко встречающееся в восточной литературе наименование этого пункта - Дарбанд-и Хазаран, "крепость хазаров", хотя по всей справедливости средневековый Баб ал-абваб - Дербент, начиная с первых лет IX столетия находившийся в руках мусульман, следовало бы называть "крепость против хазар".

Изданная недавно В.Ф.Минорским монография по истории Ширвана и Дербента включила в свой состав текст и перевод старинной дербентской хроники, дающей ясное представление о значении этого пограничья. Упоминание о Баб ал-абваб как пограничном с хазарами городе встречается как в письме Хасдая ибн Шафрута, так и в ответе хазарского царя Иосифа. Совершенно естественно, что в последующей литературе формула "страна хазар за Баб ал-абваб" стала традицией. Вероятно, такой же эмпирический характер носило определение и другой части южной хазарской границы, шедшей по Кавказскому хребту. Ибн Русте, наиболее старый вариант, характеризуя Хазарию как "обширную страну", замечает, что одной из своих сторон она прилегает к громадной горе, на краю которой проживают тулас и луг.р; гора эта (или горы, как читает ДАХвольсон) тянется до "страны Тифлис". Гардизи, обычно близко следующий за Ибн Русте, пропускает упоминание о народах, населяющих гору, идущую до Тифлиса. Хазария, по словам Гардизи, "место обширное", - с каждой ее стороны находится громадная гора. Совершенно отличный вариант мы находим и в "Худуд ал-'алам". По словам этого источника, Тулас и Луг.р - две области у хазар, народ этих областей - воинственный, обладает многим оружием. Бакри также не сохранил упоминания о народах, населяющих помянутую гору или горы, но вместе с тем в отличие от предыдущих авторов он уточняет понятие "страна Тифлис" как "начало границы Армении", поддерживая в этом отношении описание Ку-дамы ибн Джа'фара, также начинающего южную границу Хазарии "от Армении". Марвази повторяет Ибн Русте, называя оба народа, населяющие окраины громадной горы, тянущейся до "страны Тифлис", соответственно: тулас и луг.р; по словам Марвази, это - два раздела тюрок. Исхак ибн ад-Хусейн сохранил лишь реликт всей темы - упоминание об обширности страны хазар, которую он помещает "в пределах Синда", т.е. Индии. Последнее не может не напомнить нам вступления к еврейско-хазарской переписке.

Исаак Акриш также рассказывает о найденном им где-то в Индии еврейском царстве, находящемся на "горах", "высотой до небес"; населяющие эти горы "силачи" очень похожи на воинственных жителей областей Тулас и Луг.р в "Худуд ал-'алам". Локализация на горах еврейского (хазарского) царства не одинока в восточной литературе XVI века. Несколько раньше, чем Исаак Акриш, Ибн Ийас, араб - историк и географ, писал в составленном им в 922/1516 г. сочинении о хазарах: "они (т.е. хазары) - народ из тюрок на громадной горе, за Баб ал-абваб". Возвращаясь в другом месте к хазарам, тот же автор упоминает об обширности их земли и о существовании на этой земле такого количества народов, что невозможно их перечислить. Тема о тулас и луг.р не оказалась забытой даже турецкими компиляторами, более того, в этих поздних турецких компиляциях находятся небезынтересные дополнения и разночтения. Так, Шукрулла, читая оба названия соответственно тулас и к.р.г.р.е., повторяет за Марвази, что это "два разряда тюрок", но населенная ими страна, по словам Шукруллы, находится не в горах, а в пустыне, между печенегами и хазарами. Мехмед За'им близок к Шукрулле; оба народа им именуются соответственно тулас, г.з.. Хаджжи Халифа, называя оба народа туласи и г.знар или г. з., сообщает, что они находятся в постоянной войне с печенегами.

Попытки идентифицировать оба упомянутые этнические названия начались еще со времени первого издания И.Хаммером турецких текстов; используя очевидно неисправный вариант Мехмеда За'има, И.Хаммер прочел непонятное второе название, как гузы. Это же самое начертание А.Вамбери читал - крымские готы, Д.А. Хвольсон - киргизы, нукерде, зарахгаран, а И.Маркварт - кубанские булгары, мирваты и абхазы. И.Маркварту же принадлежит расшифровка первого этнического названия как тулас, что во второй части должно означать

русское *ясы* - осетины, а в первой - или род Дула, или наименование южных осетин, как предлагает читать В.Ф. Минорский, усматривая в *тул* сохранившееся и по настоящее время в грузинском языке наименование южных осетин - *двали.* Все эти попытки расшифровки, выражаясь словами В.В.Бартольда, "более чем спорны". Основанные только на остроумных графических решениях, эти догадки лишены какой-либо аргументации по существу, - вряд ли те скудные и противоречивые сведения, что сохранились в известных нам источниках о тулас и луг.р, могут считаться достаточными для определения народности, да еще в весьма удаленное от нашего время.

Те же трудности и неясности - с другими этническими названиями, так или иначе связанными с самими хазарами. Со времен И.Маркварта и В.В.Бартольда под наименованием *сарир* принято разуметь предков авар. Эта идентификация и теперь считается правильной, хотя само слово *сарир* в источниках на арабском и персидском языках представляет собою не название страны или народа, а сокращение титула *сахиб ас-сарир* - "владелец трона". Персидские варианты переводят данное слово *сарир* так же, как *тахт,* - трон. На устойчивость подобного понимания слова указывает и дошедшая от X столетия письменная традиция, связывающая наименование *сарир* с легендой о переносе трона персидских царей на Северный Кавказ. Инициатором переноса золотого трона (по словам "Худуд ал-'алам", трона из красного золота) был кто-то из потомков Бахрама Чубина, известного сасанидского полководца, или даже сам сасанидский шах Бахрам Гур. К этим иранско-сасанидским претензиям, очевидно, относится и другое прозвище царя сариров - *филан-шах.* Иакут, ссылаясь на Мас'уди, утверждает, что под именем *филан* были известны не только члены династии, а и вся страна сариров. Но каково бы ни было решение вопроса о термине сарир, все же нам кажется несомненным, что сахиб ас-сарир был главою не только одного определенного племени или народа, а стоял во главе многих народов и племен, живших к западу от Баб ал-абваб. В числе этих племен и народов были авары, уже в то время игравшие выдающуюся роль на Северном Кавказе. Значением аварского союза племен, вероятно, и можно объяснить наличие третьего титула у сихиб ас-сарира - авар. К этим предкам современных авар относится, очевидно, также утверждение Абу-Хамида ал-Гарнати о языке сариров. Н.Я.Марр сближал аварский язык с албанским. Сахиб ас-сариру принадлежали владения, названные в источниках у Ибн Русте, Мас'уди, в "Худуд ал-'алам", у Бакри, Абу Хамид ал-Гарнати и т.д. Под этими названиями исследователи, начиная с д'Оссона, усматривают Кайтак - наименование, сохранившееся до настоящего времени для Кайтакского района Дагестана, народности кайтаков, а также для кайтакского наречия даргинского языка, квалифицированного в свое время П.Пелью как протомонгольский и принадлежащего по современной классификации к иберийско-кавказской группе языков. Наши источники под названием Кайтак разумеют в равной мере как область, непосредственно соседившую с Дербентом, так и город, в котором, по словам "Худуд ал-'алам", находилась резиденция командующих войском царя сари-ров. Последнее утверждение, как уже отметил В.Ф.Минорский, несколько сомнительно. По словам других источников, кайтаки имели своего собственного царя, претендовавшего, как и сахиб ас-сарир, на иранское происхождение и носившего имя *азар-нарси* (Ибн Русте) или *адар-нарси* (Мас'уди); впрочем, фамильным прозвищем этих царей, уверяет тот же Мас'уди, было Салифан - имя, возможно, тюркского происхождения. Близким соседом кайтаков являлся народ, известный нашим источникам под наименованием заригаран, зарахгаран. Уже Бакри толкует это наименование, осмысляя его: мастера, производившие кольчуги, мечи и другое вооружение. Так как центром такого производства в Дагестане с давних времен было селение Кубачи (самоназвание - Урбуг), то под наименованием *заригаран* или *зарахгаран* обычно разумеются ку-бачинцы (самоназвание - *урбуган,* мн. ч. *урбуганте).* Несмотря на правдоподобность приведенного осмысления, все же следует иметь в виду, что тот же Бакри дает и другое графическое изображение для рассматриваемого народа - дайркан, которое, осмысляясь как зарахгаран, может быть расшифровано просто какдарганти, самоназвание даргинцев.

Наряду с аварами и даргинцами наши источники знают лезгин - *ал-лакз,* табасаранов - *табарсаран,* роль которых в истории Ширвана и Баб ал-абваба недавно четко определилась из опубликованной В.Ф.Минорским хроники Мунаджжим-баши; знают также кумыков, если так можно расшифровать встречающиеся при описании Ибн Русте государства сариров наименований *гумик* и *ал-ал.* Иакут к приведенному списку народов добавляет *ал-курдж,* под которым можно разуметь скорее грузин, чем курдов. Большая разноплеменность дагестанского населения нашла выражение в явно преувеличенном утверждении о двадцати тысячах "народов и вер", существующих у сариров. По-видимому, с некоторой частью этих "народов и вер" у хазар были довольно близкие и систематические связи. Иакут упоминает о двух путях у сариров: один из этих путей вел в Армению, другой - к хазарам. Источники упоминают о расстояниях до сариров от Семендера в 2 фарсаха, от хазар, т.е. от Итиля, - в 12 фарсахов. Во втором случае довольно подробно описывается ландшафт дороги: сначала степь,

затем высокая гора и река, путь от начала горы до крепости царя сариров - "три дня". На эти же близкие отношения указывает фраза Истахри и в параллельных ему текстах о мире между семендерцами и сахиб ассариром. От страны сариров до страны аланов было три дня пути "по горам и лугам", далее от границы аланов десятидневная дорога вела к знаменитым Аланским воротам (Дарьяльское ущелье), охранявшимся крепостью на вершине горы. Таким образом, страна сариров была важна для хазар не только сама по себе, но и как территория, по которой шел путь, соединявший хазар с Закавказьем (Арменией) помимо Баб ал-абваб.

Страна аланов еще более смутно представляется нашими источниками, чем страна сариров. Иакут в одном отрывке помещает сариров между Баб ал-абваб и аланами. Последние, таким образом, должны были находиться к западу от Дагестана. "Худуд ал-'алам" также окружает аланов к востоку и югу страною сариров. Но вместе с тем тот же Иакут в разделе своего сочинения, озаглавленном "Аланы", говорит о соседстве аланов с Баб ал-абваб, правда, сам объясняя это противоречие подчинением сариров аланами. Современные осетины, далекими предками которых являются аланы, сохранили в языке следы близкого соприкосновения с хазарами. В.И.Абаев в своем историко-этимологическом очерке осетинского языка упоминает слово Keez s ("чистый, святой"), заимствованное, "вероятно, аланами у хазар в тот период, когда в осетинском не было еще согласного q". К такого же рода заимствованиям, по-видимому, можно отнести слово fagus ("навоз"), сопоставляемое с чувашским *пока* и русским *пакость.* Упоминая о сарирах, аланах и других народах Северного Кавказа, мы, конечно, далеки от мысли считать эти народы только пограничными. Как показывает общее направление современных исследований, хазарская история крепко связывается с этническим миром Северного Кавказа. Таков, например, вопрос о прародине хазар - Бер-зилии или Барсалии, упомянутой как в греческих, так и в арабских источниках и идентифицируемой в настоящее время с Башли (Баршли) в северном Дагестане. К древним аланам-аорсам уводит и анализ термина *арсийа,* обозначающего гвардию хазарского кагана. Наконец, при рассмотрении отдельных источников иудаизации хазарской социальной верхушки нельзя все же не иметь в виду так называемых горских евреев, принадлежавших к числу давних обитателей Кавказа. В не меньшей, а, пожалуй, в еще большей степени связаны с собственно хазарской историей сведения, сохранившиеся в наших источниках о мадьярах, в.н.нд.р., мирватах и печенегах. Основным отличием этих сведений является их "историчность", если можно так назвать характеристическую особенность этих сведений; в отличие от сариров и аланов, сведения о мадьярах и печенегах касаются прошлого, они сообщаются нашими источниками в порядке передачи, а не непосредственных личных наблюдений. Архаичностью этих сведений в значительной мере объясняются иначе ничем не объяснимые противоречия - более ранний, нам бы хотелось сказать древний, пласт некритически смешался в Своде с более поздними сведениями, часть которых могла быть получена дополнительно через западнохалифатскую, а быть может, даже и греческую традицию. К этому старому слою сведений относится характеристика мадьяр как кочевников, живущих в шатрах, кочующих в поисках кормовых трав и пропитания. Очевидно, этому кочевническо-скотоводческому периоду исторической жизни мадьярского народа соответствует и определение границ "между страною печенегов и страною а.с.(ш)к.л из булгар". Естественно предположить, что соседство кочевников-мадьяр с булгарами (волжскими) могло иметь место в период, когда и те и другие находились в процессе перекочевки: мадьяры, теснимые печенегами, - на запад, булгары, теснимые хазарами, - на север. По мнению исследователей, занимавшихся этим вопросом, разделение булгар и отход их на север могли иметь место во второй половине VII века, между 650 и 679 г., когда булгарские земли на Северном Кавказе были заняты хазарами. Движение мадьяр на запад через Хазарию определяется концом IX века или, еще точнее, восьмидесятыми годами упомянутого столетия. Если верить обеим этим установленным в современной науке датам, то двухсотлетняя разница может быть целиком отнесена за счет неточности восточных известий. Возможность больших неточностей и путаницы в нашем Своде в отношении мадьяр подтверждается и многими другими фактами: буквально те же источники, что сообщают о мадьярах-скотоводах, соседствующих с печенегами и булгарами - а.с(ш)к.л, говорят о лесном и сыром характере земли мадьяр, о соседстве их с Румским морем и двумя реками, из которых в начертании одной явственно читается наименование Дунай. В этих условиях сведения, сохранившиеся в источниках о в.н.нд.р. [или н.н.д.р.], под которыми большинство исследователей со времен И.Маркварта видят дунайских булгар, и м.р.дат [или м.р.ват] - моравов, по определению В.Ф.Минорского, совершенно очевидно не могут входить в состав Свода и принадлежат к напластованиям, источником которых вряд ли было Поволжье. Ибн Русте сохранил указание на архаичность всей мадьярской части: говорят, сообщает он, хазары в прежние времена окапывались рвами против мадьяр и других соседивших с ними народов. Упоминание о мадьярах, как о минувшем вчера, позволяет с еще большей уверенностью видеть в в.н.нд.р. и м.р.ват народы не Восточной Европы, а близких соседей мадьяр в то время, когда последние из скотоводов-кочевников превратились в оседлое сельское население.

Так же противоречивы сведения наших источников о печенегах. Гардизи приводит маршрут к печенегам от Гурганджа (Ургенча): "дорога к ним на гору Хорезма, от этой горы идет к печенегам, подходит к озеру Хорезма, оставляя озеро по правую руку, оттуда идет до некоторой сухой земли, пустыни, следует [по ней] девять дней; каждый день или каждые два дня доходят до колодца, спускаются туда на веревке, достают воду вьючным животным. Когда наступает десятый день, доходят до источников и воды, там бывает охота на всякого рода птиц и джейрано; в эти шестнадцать дней пути бывает мало травы; когда наступает семнадцатый день, добираются до шатров печенегов". Единственный параллельный текст этому маршруту находится к Бакри. От Джурджании (Ургенча), согласно Бакри, 12 фарсахов до горы Хорезма, на вершине этой горы - башня, а у подножия - жилища людей, которые возделывают там поля. Источники, составляющие Свод, рассказывают о печенегах как о кочевниках: печенеги кочуют по местам, где много дождя и кормов, у них вьючный скот и множество овец. Все это дает ясное представление о народе, проживающем в пустынно-степной полосе. Вместе с тем тот же Гардизи, сообщивший вышеприведенный маршрут от Гурганджа, вторично рассказывает о пути к печенегам, который на сей раз описывается как лесной. Если к этому добавить еще упоминание "Худуд ал-'алам" о пастбищах печенегов в хазарских горах, то перед нами не два (как при анализе сообщений о мадьярах), а три разновременных пласта сведений: первый, рисующий печенегов в приаральско-каспийской пустынно-степной полосе, где они, очевидно, находились до начала миграции на запад в 889 или 893 г., как полагают исследователи, второй - указывает на хазарское пребывание. К этому же периоду относится указание "Худуд ал-'алам" на так называемых хазарских печенегов, которые "в древности были сборищем из печенегов турецких, пришли сюда, овладели силой этой областью и здесь поселились". Наконец, третий пласт представляет нам печенегов среди лесов, дорога к ним для привычных к степным условиям путешественников характеризуется как чрезвычайно трудная. В последнем ландшафте мы различаем явственные черты европейской, быть может, центральноевропейской природы.

Как и северокавказский этнический мир, так и народы, прошедшие через хазарскую территорию на запад, оказали несомненное влияние на быт, экономический и политический, самих хазар. К сожалению, это участие отдельных народов и племен в исторической жизни хазар может быть отмечено лишь весьма смутно, постольку, поскольку это участие нашло отражение в литературной традиции чужеземных наблюдателей. Лишь в редких случаях мы располагаем собственно хазарским материалом. В этих условиях даже этническая характеристика хазар в значительной мере определяется подходом, методом решения вопроса, а не бесспорными объективными данными. Современные хазарам географы, писавшие на арабском и персидском языках, свидетельствуют, что и в те отдаленные времена уже существовали значительные различия в самом наименовании хазар. Так, Мас'уди сообщает, что хазары зовутся по-тюркски сабир, по-персидски - *хазаран,* по-арабски - *ал-хазар.* Из трех наименований, приведенных Мас'уди, два последних не вызывают каких-либо вопросов: *хазар* - наиболее употребительное название, но и *хазаран* мы действительно встречаем в источниках, причем не только на персидском языке, где это слово может быть определено как множественное персидское от единственного хазар, но и на арабском - так у Ибн Хаукала называется половина города Итиля, лежащая на восточном берегу.

В то же время исследователь первого из помянутых Мас'уди наименований сталкивается со значительными трудностями.

Если не считать, по нашему мнению, малоудачного стремления увидеть в сабир, савир искажение уже знакомого нам *сарир,* все остальные попытки установить этимологию данного слова страдают формализмом, так как к сравнению привлекается материал, близкий лишь графически, без учета указания арабского автора, что хазары называются сабир именно по-тюркски. Кажется, только издатель мешхедской рукописи Ибн Фадлана попытался увидеть это имя у Махмуда Кашгарского, но и эта гипотеза признана последующими исследователями небезукоризненной. Таким образом, в данном случае, как и во многих других в отношении восточных источников, предстоит сделать больше того, что уже сделано.

Фиксированное Мас'уди наблюдение о разном наименовании хазар, по-видимому, принадлежало к числу удачных "находок" самого этого удивительного арабского писателя. И в X столетии, как и в наше время, общепринятым было убеждение в единстве происхождения хазар, общности их этнолингвистических признаков. Таков наиболее распространенный в средневековой литературе библейский вариант хазарского этногенеза: происхождение Хазара возводилось к Яфету, сыну Ноя; согласно еврейско-хазарской переписке,

Хазар был седьмым сыном Тогармы, сына Яфета. К тем же библейским корням относится и второй вариант хазарского этногенеза, возводивший хазар к племенам Гог и Магог (арабск. Йаджудж и Маджудж); как и Хазар, оба упомянутые эпонима вели свое происхождение от Яфета, сына Ноя. С представлением о Гоге и Магоге достаточно тесно связана и легенда о стенах, построенных якобы Зу-л-карнейном (Александром Македонским); слух о разрушении этих стен понудил халифа ал-Васика биллаха (842- 847) снарядить экспедицию Саллами. Описание стен, сделанное последним, приводит к мысли, что путешественник-араб имеет в виду китайскую стену. Это мнение, высказанное в свое время Френом и де Гуе, не было принято единодушно последующими исследователями. Многое заставляет предполагать, что и Сал-лам, и позднейшие сред-невековые авторы под стеною Зу-л-карнейна разумели стены Баб ал-абваб, а под самим народом Гог и Магог - хазар. Одним из подтверждений правильности именно такого понимания является факт, что вне арабо-персидской письменности в середине того же IX столетия мы встречаем уподобление Гога и Магога гуннам и хазарам у монаха Друтмара из Аквитании, написавшего комментарии к Евангелию от Матфея. Гуннами называет хазар также Моисей Каганкатваци (Каланкатуйский - X в.), автор "Истории агван", содержащей совершенно бесценный отрывок о миссии албанского епископа Исраиля в 681-682 гг. к гуннам.

Кроме библейского варианта хазарского этногенеза существовали в средневековой письменности на арабском и персидском языках и другие попытки определить происхождение хазар. Так, Димашки говорит со слов Ибн ал-Асира, что хазары по своему происхождению - *ал-курдж,* под чем следует, очевидно, понимать грузин, но, замечает далее автор, "нет согласия в том", и предлагает возводить происхождение хазар к армянам, исповедующим христианство. Эти хазары, происходящие, по словам наших источников, от одного предка или от одной народности, имеют общий язык. Характеристика этого языка носит, правда, несколько необычную форму: язык характеризуется не по каким-либо определенным признакам, а по несхожести его с другими известными языками. Язык хазар, замечает Истахри, не походит ни на тюркский язык, ни на язык персидский, ни на какой-либо другой известный язык. Эта неясная характеристика становится еще более неясной, если . принять во внимание, что несколькими страницами далее Истахри так же категорически утверждает: язык булгар походит на язык хазар. Ибн Хаукал, отличаясь от Истахри в стилистическом отношении, совпадает с ним по содержанию. О несхожести хазарского языка с тюркским, персидским или каким-либо другим известным языком говорят также Бакри, Иакут. Не к хазарам ли также относится в "Худуд ал-'алам" упоминание об "особом языке", находящееся в "слове о буртасах"? Произвольным сокращением текста при переписке объясняется изложение той же темы в персидском варианте Истахри и у Хаджжи Халифы, где хазарский язык признается схожим с тюркским, а затем следует совершенно абсурдное в данном контексте: "другие народы не понимают его". Наличие особого хазарского языка подтверждается и сообщениями источников о лицах, знавших этот язык, пользовавшихся им для практической деятельности. Все это вместе взятое привело и европейское востоковедение к попытке найти этнолингвистическое единство у хазар в виде финно-угорской, тюркской, чувашской, яфетическо-протокавказской и других основ. В своей незаконченной посмертной работе П.Пельо привел исчерпывающий обзор этих попыток. К обзору французского ориенталиста следует добавить не приведенное им мнение Н.Я.Марра о языке чувашей как остатке булгаро-хазарской группы языков и мнение об уйгурской основе хазарского языка, нашедшее себе за последнее время горячего сторонника в лице американского хазароведа Д.М.Данлопа. В дополнение к высказанным последним соображениям следует добавить наблюдение известного осетиноведа В.И.Абаева о наличии уйгурского влияния в осетинской лексике - слово argonaq/argunaq - "породистая собака", "борзая". Но как бы ни были остроумны и эрудированны отдельные попытки найти это общее хазарское этнолингвистическое единство, представляется, что они неверны в самой своей основе. Несомненно, на более правильном пути находятся исследователи, усматривающие под названием *хазар* сложное соединение различных племен и народов. В определенный период исторической жизни язык того или иного племени мог называться хазарским языком. "Это может объяснить тот факт, - замечает В.Ф.Минорский в своей рецензии на книгу Д.М.Данлопа, - что он (этот язык. - *Б.З.)* исчез без следа, как только потерял политическую опору".

И сами восточные источники, наряду с указанием на этнолингвистическое единство хазар, отмечали эту сложность и многообразие. С Истахри начинается не особенно длинный перечень авторов, деливших хазар на два разряда. "Хазары не походят на тюрок, - пишет Истахри, - они черноволосы, разделяются на два разряда, один называется кара-хазар, они смуглы так сильно, что их смуглота отдает в чернь, они словно какой-либо разряд из Индии. Другой разряд - белые, красивые и совершенные по внешнему виду". Персидская редакция Истахри дает несколько отличное от арабского варианта начало: "Хазарские люди походят на тюрок, но они не тюрки", далее идет сокращенное изложение рассказа о делении хазар на два разряда. Ибн Хаукал в издании де

Гуе и Крамерса следует за полной редакцией Истахри. Иакут, относя, очевидно, это сообщение к Ибн Фадлану, также повторяет почти слово в слово Истахри. Закарийа' Казвини при описании двух разрядов хазар на первое место ставит белый разряд, отличающийся красотой внешнего вида, а на второе место - смуглый (красный) разряд, который и носит наименование *кара-хазар.* Ибн Ийас кратко разделяет хазар на белых по цвету и смуглых по цвету. Так же краток Хаджжи Халифа, позднейший из известных нам компиляторов, включивших тему в состав своего сочинения. Вероятно, отражением того же рассказа является упоминание у Димашки о двух видах войска у хазар.

Рассматривая это сообщение Истахри и последующих авторов, нельзя не обратить внимания с самого начала на заключенные в нем противоречия: с одной стороны, констатируется, что хазары - не тюрки, с другой - те же хазары именуются тюркским словом *кара* - черный, что само по себе говорит о тюркском происхождении поименованного так народа. Истахри и другие параллельные тексты в качестве критерия, по которому хазары разделяются на белых и черных, приводят цвет волос и внешний вид. Это объяснение слишком уж похоже на осмысление не совсем ясного явления, чтобы его можно было принять безоговорочно. Не является ли упомянутое деление хазар констатацией разности их родо-племенного происхождения? Тогда характеристику хазар как нетюрок, понимаемую некоторыми исследователями обще, можно отнести только к белым хазарам. Но и в этом случае вряд ли под белыми хазарами можно видеть тоже какое-либо нетюркское население. Скорее всего, под "белыми хазарами" можно понимать протюркскую языковую группу, далеким потомком которой является современный чувашский язык.

Представление об этническом разнообразии хазар находит косвенное подтверждение в сведениях, которыми снабжают нас восточные источники в отношении хозяйства, религии и быта населения Хазарии. Сведения эти также противоречивы. Так, оценивая общее положение хазар, Мукаддаси говорит об их чрезвычайной бедности - "нет ни скота, ни плодов", "Худуд ал-'алам" называет Хазарию чрезвычайно богатой страной. Разноречивы источники в показаниях о занятиях хазар. "Худуд ал-'алам" в только что приведенном отрывке говорит об овцах и рогатом скоте. Слава о хазарской овце, якобы обладающей способностью ягниться два раза в год, дошла даже до Испании (Бакри). Абу Хамид из Гренады, побывавший на Нижнем Поволжье в середине XII века, рассказывает о необычайной дешевизне здесь баранины - одна овца стоит половину даника, а ягненок продается за тассудж. Многочисленны указания на использование хазарами вьючного скота. Но было бы ошибкой думать, что скотоводство занимало значительное место в описании нашими источниками занятий хазар. Более подробно восточные авторы останавливаются на земледелии. Гардизи, характеризуя хазарское земледелие, говорит о многочисленности садов и пашен; об этом же говорит Мубарак-шах и Исхак ибн ад-Хусейн; о полях, виноградниках и садах сообщает также еврейско-хазарская переписка. Одним из центров виноградарства наши источники называют город Семендер (в северной части современного Дагестана), где было не то 4 000, не то 40 000 виноградных лоз (по другим источникам, "садов"). Хотя значительная часть Хазарии признавалась холодной - Мас'уди сообщает о большом снеге в стране, Абу Хамид называет климат Хазарии "чрезвычайно холодным", - все же в Итиле еврейско-хазарская переписка отмечает наличие садов, а тот же Абу Хамид говорит о произрастании очень сладких арбузов; жители Нижнего Поволжья, по словам того же автора, отличались умением сохранять арбузы в течение всей зимы. Источники довольно подробно описывают сельскохозяйственные работы населения города Ити-ля. Вокруг самого города, замечает Истахри, не было ни деревень, ни привычных для мусульманского мира волостей, рустаков. Поля находились далеко, примерно в 20 фарсахах от города. Жители направлялись на сельскохозяйственные работы весной. Еврейско-хазарская переписка называет временем отправления месяц нисан (соответствует приблизительно апрелю); по словам того же источника, "каждый из родов имеет определенное владение". В этих владениях итильцы пребывают все лето. Осенью по снятии урожая жители возвращаются в Итиль, транспортируя зерно на повозках или на судах по реке. При описании сельскохозяйственных работ итильцев наши источники употребляют привычные для арабо-персидской письменности термины и слова. Сеяли главным образом пшеницу.

Наличие больших водоемов, изобилующих рыбой, обусловило развитие в Хазарии рыболовства, Абу Хамид ал-Гарнати, живший долго на Нижнем Поволжье, описывает очень красочно рыболовство в волжских рукавах. "Всякое судно, - сообщает Абу Хамид, - ставит сети в устье речного протока (букв, - реки)... и хотя бы судов было до сотни, все равно все они будут полны различной рыбой из одного протока (реки)". Из рыбы приготовляют кушанье "вкуснее мяса жирного ягненка и мяса курицы", рыбу вялят и затем едят с хлебом "так, как она есть, не надо ее ни парить, ни варить". Истахри, Ибн Хаукал, Мукаддаси, а за ними Йакут и Насир ад-Дин Туей пшеницу и

рыбу называют также основным питанием хазар. О рыбном богатстве Хазарии говорит также еврейско-хазарская переписка (краткая редакция письма хазарского царя). Рыба шла не только на еду; рыбий жир употреблялся в светильниках, рыбий клей был одной из главных статей экспорта. "Хазарь-не производят ничего, - сообщает Истахри и Ибн Хаукал, - и не вывозят ничего, кроме рыбьего клея". Поразительна была дешевизна рыбы: громадная рыбина весом в 100 ман продавалась за половину даника.

Как ни скудны наши сведения о хазарах, но все-таки и они говорят довольно явственно, что рассматриваемое общество по развитию своего хозяйства стояло совсем не на такой низкой ступени, как иногда представляется некоторым исследователям. И не более ли прав В.В.Григорьев, писавший в 1834 г.: "Необыкновенным явлением в Средние века был народ хазарский. Окруженный племенами дикими и кочующими, он имел все преимущества стран образованных..."? Не следует, конечно, преувеличивать эти "преимущества", но все же нельзя не заметить, что в IX-X веках хазарское общество сделало шаг вперед по сравнению, скажем, с гуннами или Тюркским каганатом. Это было прежде всего оседлое или полуоседлое общество; кочевой образ жизни, конечно, имел место, особенно в степной полосе, не пересеченной большими речными магистралями, но и там уже обнаруживались тенденции к оседлому земледелию, соединенному с охотой и рыболовством. Сообщение наших источников о пшенице и рыбе как основной пище хазар явственно говорит, что сделавшие это сообщение наблюдатели соприкасались не с кочевниками-скотоводами. Это было классовое общество с делением на знать, белую кость (белые хазары) и простонародье, черную кость (кара-хазары). Истахри и Ибн Хаукал сохранили в своих сочинениях описание доходов хазарского кагана; среди перечня этих доходов значатся "налоги всякого рода на население кварталов и округов на то, в чем он (каган) имеет нужду из еды, питья и прочего". Слово это - букв. "обязанности" - означает в средневековых памятниках один из видов феодальных повинностей, иногда конкретно натуральную ренту. Имеются все основания предполагать, что форма эксплуатации посредством изъятия натуральных налогов была привилегией не только кагана, но и довольно широкого круга хазарской знати. Ибн Русте сообщает, что наместник кагана сам распоряжается полученными податями. Попытка де Гуе - второго издателя текста Ибн Русте - трактовать находящийся в отрывке термин ал-харадж как "выступление", "выход" - вряд ли правильна. Изданный после выхода в свет седьмого тома "Библиотеки арабских географов" Гардизи в параллельном персидском тексте говорит не о выступлении, а о налоге - харадже; по словам Гардизи, наместник хакана сам собирает харадж. Широко известным мусульманскому миру термином харадж, естественно, мог быть назван в применении к хазарам тот же самый налог или подать, которую под другим названием мы находим у Истахри. На широкое распространение феодальной формы эксплуатации в хазарском обществе указывает также система формирования хазарского войска. По словам Ибн Русте и Гардизи, наместник кагана обязывал поставлять и содержать на свой счет всадников - "людей силы и богатства (у Гардизи - тавангар "могущественных") сообразно имуществу их". В письме кордовского вельможи Хасдая ибн Шафрута одним из вопросов был, каково число войск хазарского кагана и его князей. Источники не дают нам почти никаких указаний на положение этой низшей эксплуатируемой части хазарского общества. Судя по тем отрывочным и не всегда ясным сообщениям, что дошли до нас, положение этой большей части хазарского населения поражало даже привыкших к разным видам классового неравенства мусульманских авторов. К такого рода сообщениям относится, например, рассказ об обычае у хазар падать ниц перед всеми, кто, мол, пользуется уважением. Очевидно, именно из этой наиболее задавленной ими эксплуатируемой среды черпались те резервы "живого товара", которым славилась Хазария на мусульманском Востоке; по словам "Худуд ал-'алам", из Хазарии происходят "рогатый скот, овцы и бесчисленные рабы". "Худуд ал-'алам" ограничивает среду, из которой черпался "живой товар", хазарскими печенегами: "хазарские рабы, ввозимые в страны ислама, по большей части оттуда". Но все другие источники говорят не о каком-либо отдельном племени, а вообще о хазарах-идолопоклонниках; это они, по словам Истахри, "разрешают торговлю детьми и обращение в рабство одного другим; что касается иудеев и христиан, то религия запрещает им, как и мусульманам, обращение в рабство одного другим". Все сказанное позволяет предположить, что эксплуатируемое хазарское население находилось в значительно более тяжелом положении, чем крестьянство на мусульманском Востоке, что сам хазарский феодализм был на той стадии развития, когда рабовладельческий уклад еще достаточно силен, а рабовладельческие институты не изжиты. Характерной чертой для этих ранних феодальных форм было наличие очень крепких родо-племенных отношений. Выше мы уже отмечали слова еврейско-хазарской переписки о родовом владении землей итальянскими земледельцами. Абу Хамид ал-Гарнати говорит о жителях Саксина, столицы Нижнего Поволжья после падения Итиля: "В городе существует сорок племен гузов, каждое из которых обладает собственным эмиром. И у них большие жилища, в каждом жилище громадная палатка, вмещающая сотню человек и укрытия войлоком". По описанию Ибн Фадлана, в Булгаре на Волге такой

род состоял из "пяти тысяч душ мужчин и женщин". Такое родовое объединение, имевшее общую родовую собственность и общий культ, представляло весьма крепкую и влиятельную организацию. Можно примерно предположить количество таких родовых объединений, существовавших в Хазарии. Абу Хамид, как мы видели, говорит о сорока эмирах, стоявших во главе племен или родов. У Иакута мы также встречаем одно место, в котором находится указание на число глав таких родовых объединений. У царя хазар, сообщает Йакут со слов Ибн Фадлана, двадцать пять жен, каждая жена - это дочь какого-либо из царей, соседящих с ним (или соперничающих. - *Б.З.),* которую он берет волей или неволей. Последние слова этого отрывка уводят нас к Ибн Фадлану. Само багдадское посольство, в котором принимал участие Ибн Фадлан, мотивировалось, как известно, стремлением булгар оборониться от хазарского царя, требовавшего себе "неволей" в гарем дочь булгарского владыки. В числе двадцати пяти царей, дочери которых находились в гареме кагана, могли быть не только главы собственно хазарских родовых объединений, но и соседних с ними народов и племен.

БОРЬБА ЗА ВЕРУ

При скудости известий о хазарах история верований Хазарии, имеющая такую богатую и разноязычную литературу, казалось бы, могла служить интересным источником для характеристики внутренней истории народа. К сожалению, специфическое использование известий о религиозной истории Хазарии придает большинству исследований тенденциозный характер, имеющий мало общего с подлинно научными задачами. Особое внимание исследователей хазарской истории привлекал вопрос об иудаизации хазар. Вопрос этот даже во многих современных работах, посвященных общей истории Хазарского каганата, продолжает играть доминирующую роль. Такова, например, работа Д.М.Данлопа, уже одно название которой говорит само за себя, или вышедшая позднее работа С.Шишмана, где основное место отводится также упомянутому вопросу. Между тем общеизвестно, что "распространение иудаизма среди хазар имело только ограниченную сферу применения и касалось одной вершины социальной пирамиды".

Не менее, нам представляется, нуждается в рассмотрении и второе явление, неоднократно подчеркиваемое всеми исследователями хазарской истории уже с начала прошлого столетия, - так называемая веротерпимость Хазарского каганата. Этот факт использовался до настоящего времени исследователями главным образом в качестве иллюстрации достоинств хазарского "образа правления". Между тем подобная этическая оценка не снимает естественного вопроса: что означало наличие многоверия в Хазарском каганате? Рассматривая это явление с исторических позиций, мы можем сделать только один вывод: хазарское многоверие, более чем что-либо другое, отражало силу родо-племенных пережитков. Отдельный союз племен, племя или род представляли собою замкнутое общество, отделенное от другого подобного племени или рода многочисленными перегородками; религиозная разобщенность служила целям этой изоляции. Таким образом, всякая попытка установления единой религии, обязательной для всех хазар, должна была сопровождаться прежде всего ломкою этих патриархальных, но крепких родо-племенных традиций. "Борьба за веру" отражала в идеологической сфере изменения, происходившие в социально-экономической области у хазар.

К сожалению, исследователь, занимающийся религиозной историей, не располагает достаточными данными даже для определения района распространения той или иной религии в Хазарии. Не лучше положение с установлением хронологических дат. Несмотря на значительное количество работ, посвященных хазарскому иудаизму, и в этой области нельзя чувствовать себя уверенным в точности выводов, хотя последние иногда делаются с большой степенью категоричности. В этих условиях анализ тех отрывочных и случайных сообщений, что дошли до нас, - единственная возможность составить какое-либо приблизительное представление о религиозной истории хазар.

И третий вопрос: о бытовании в Хазарии самой старой и широко распространенной веры - идолопоклонства. Сообщая об исповедании иудаизма каганом, его наместником и знатью, Ибн Русте оговаривает: все остальные хазары исповедуют веру, схожую с верою тюрок. Гардизи, повторяя Ибн Русте, уточняет последнее положение: вера остальных хазар походит на веру тюрок-гузов. В рассказе о принятии хазарами иудаизма Димашки также утверждает, что у хазар раньше была вера такая же, как у тюрок. Другие авторы сохранили лишь реликт темы, ее первую часть, упоминания об иудаизме царя и его свиты: Мас'уди, Мукаддаси, Бакри, Иакут, Мубаракшах, Исхак ибн ад-Хусейн и другие, о чем речь далее. Утверждение Ибн Русте - Гардизи - Димашки об исповедании

хазарами веры, схожей с верой тюрок (или тюрок-гузов), думается, дает правильный ориентир для определения наиболее старого и широко распространенного словя хазарских религиозных представлений. Эти представления, согласно данным нашего Свода, были близки также верованиям буртасов, которые Ибн Русте, Гардизи, "Худуд ал-'алам" и Бакри определяют как "схожие с верой гузов".

Весьма трудно по сохранившимся в мусульманской литературе данным восстановить даже самые общие черты этого древнего хазарского идолопоклонства или язычества. Относясь к разряду презираемых исламом, "не книжных" верований, старая хазарская вера почти не получила отражения в письменности на арабском и персидском языках. А если изредка что-либо и проникало в эту письменность, то тенденциозность, с которой преподносились мусульманскими авторами эти сообщения, вынуждает исследователя быть особенно осторожным в их использовании. Немалую роль в этом отсутствии сведений о старой хазарской вере играл и иудаизм правящей хазарской верхушки, через которую в значительной мере и проникали сведения о хазарах на мусульманский Восток.

В IX-X веках, когда в основном составлялся Свод, значительная часть хазар продолжала по-прежнему находиться в сфере древних религиозных представлений. Под этой значительной частью мы разумеем ту массу полукочевого-полуоседлого населения, что делилась на племена и роды и была рассеяна на значительные территории. Именно об этой массе и идет речь в цитированном выше отрывке о продаже хазарами-идолопоклонниками своих детей в рабство, в то время как представителям других религий запрещалась торговля потомством. В государственно-правовой области наличие значительного и влиятельного числа идолопоклонников отразилось в существовании в Итиле, столице каганата, судьи, предназначенного для судебного разбирательства среди русов, славян и иных идолопоклонников. По словам Мас'уди, в то время как судьи-иудеи судят по Торе, христиане - по Евангелию, последний судья судит согласно "традиции идолопоклонников" и "умозрительных прецедентов". Разница в наименовании идолопоклонников в первом из приведенных сообщений и во втором как будто свидетельствует, что итильские судьи были предназначены главным образом для идолопоклонников-иноземцев. Да и в самом деле, вряд ли член хазарского племени или рода нуждался для судебного разбирательства в особо назначенных верховной властью судьях. Как отмечено Д.М.Данлопом, у хазар существовали свои жрецы-шаманы, как и всюду, объединявшие в своих руках чисто жреческие функции с судебными. Особенностью хазарских жрецов-шаманов была их способность вызывать дождь. Эта способность очень рано была известна арабоязычной литературе: так, Табари под 110/728-29 г. рассказывает, что во время наступления Маслама ибн 'Абд ал-Малика потерпевший поражение хазарский каган отступил под покровом проливного дождя, и само сражение получило в дальнейшей историографии наименование "поход в грязи". Согласно другому рассказу того же Табари, тело убитого под Баланджаром в 32/652 г. арабского полководца 'Абд ар-Рахма-на ибн Раби'а ал-Бахили было помещено хазарами в особый сосуд и стало служить средством для вызывания дождя. Во всех этих сообщениях нельзя не видеть древней общетюркской легенды о чудесном дождевом камне, завещанном Ноем своему сыну Яфету, которая стала достоянием различных народов, часто никакого отношения к тюркскому генеалогическому древу не имеющих. Соединение магических действий, вызывающих дождь, с убиением врага характеризует еще одну черту хазарского идолопоклонства - наличие человеческих жертвоприношений. Эта черта отражена во многих источниках. Рассказывая о захоронении кагана, Иакут (как обычно в его хазарских сообщениях, со ссылкой на Ибн Фадлана) говорит, что, устроив место погребения, хазары рубили головы всем, кто участвовал в постройке. По свидетельству армянских авторов, человеческие жертвоприношения входили как обязательная часть в состав похоронного ритуала. Так, Моисей Каганкатваци сообщает о "разрезанных мечом и ножами трупах", "битве на мечах в нагом состоянии", а также о "скверной неистовой резне" и "беснующемся плаче" над мертвыми. Интереснейшее описание похорон сарира содержится у Ибн Русте и Гардизи. По их словам, умершего кладут на носилки, выносят на площадь и оставляют там лежать три дня. На третий день "они (т.е. сариры) приходят в полном вооружении, в панцирях, кольчугах и с оружием в руках, становятся на краю площади, приготавливают копья, прилаживают стрелы к лукам, обнажают мечи и [как бы] нападают на труп, но не ударяют".

Трудно, конечно, предполагать, чтобы при изолированности отдельного племени или рода религиозный ритуал был традиционно одинаков у многих племен и родов. Чем больше была изоляция, тем естественнее ожидать индивидуализации, разнообразия этого ритуала. Наряду с очень примитивными, архаичными верованиями, по мере экономического и культурного прогресса среди хазар возникали более сложные системы религиозных представлений, создавались предпосылки для борьбы за единоверие как

могущественный инструмент подавления былой племенной вольности. Моисей Каганкатваци рассказывает о роще священных деревьев близ города Варачан. Ибн Русте и Гардизи описывают священное дерево в стране сариров близ города Хамрин: каждую среду жители города приходят с дарами к дереву - предмету поклонения и совершают обряд жертвоприношения. В южных районах Хазарского каганата, особенно тесно соприкасавшихся с сасанидско-иранской культурой, древнее идолопоклонство могло уступить место зороастризму. В рассказе об обращении хазар в иудаизм Бакри сообщает, что до обращения каган хазар был магом. Нельзя также не вспомнить сохраненную Мирхондом легенду о культе огня, якобы существовавшем в древние времена у хазар: покойника бросали в огонь под звуки песнопений и барабанов. "Говорят, - добавляет Мархонд, - что этот обычай остался в тех странах по настоящее время". Но настоящая борьба за единоверие проходила в Хазарии в форме столкновения трех монотеистических религий: иудаизма, мусульманства, христианства. Наши источники сохранили интересный в этом отношении рассказ-анекдот, находящийся в составе сочинений Ибн Русте и Гардизи. Как и предыдущие цитаты из этих авторов, рассказ относится к сарирам. По словам обоих авторов, жители области Сарир были до такой степени "веротерпимы", что ходили по пятницам, следуя мусульманскому обряду, в мечеть, по субботам, по еврейскому обряду, в синагогу и, как христиане, по воскресеньям - в церковь.

Источники, входящие в состав Свода, сохранили несколько рассказов о перемене веры хазарами. Первый из этих рассказов принадлежит Мас'уди. "Царь хазар, - гласит этот рассказ, - обратился в иудаизм во времена халифа ар-Рашида, и стали стекаться к нему иудеи из разных мусульманских стран и из Рума; это потому, что царь Рума Роман в настоящее время, год 332 (=943-44), настаивал, чтобы иудеи, которые находятся в его царстве, перешли в христианство, и понуждал их". Автор прерывает в этом месте свое повествование обещанием в том же сочинении рассказать более подробно о византийских императорах, в особенности об упомянутом императоре Романе, и продолжает: "И бежали иудеи из земли Рума в землю хазар, как мы сообщали". Заканчивается рассказ отказом автора трактовать в данном месте своего сочинения более подробно историю обращения хазар в иудаизм ввиду тех соображений, что все это было уже рассказано в предыдущих сочинениях. В нашем изложении всего этого рассказа мы нарочито взяли в кавычки фразы Мас'уди, которые имеют прямое отношение к истории обращения хазар в иудаизм. Рассматривая эти фразы, а также сопровождающие их замечания автора, нельзя отделаться от впечатления, что перед нами лишь отрывочное изложение, с намеками и умалчиваниями, не всегда достаточно ясно понимаемыми. Ни "Китаб ат-танбих", ни какие-либо другие отрывки из сочинений Мас'уди, как известно, не содержат изложенной в данном рассказе темы. Следуя этому рассказу, мы должны констатировать два периода иудаизации Хазарии: первый - во времена Харуна ар-Рашида (786-809), когда иудаизм принял царя хазар, и второй - во время правления византийского императора Романа I Лекопина (919-944), когда под влиянием религиозных гонений в Византии в Хазарию бежало множество иудеев. Второй период, точно отмеченный рассказом 332/943-44 г., являлся годом, когда Мас'уди писал свой "Мурудж аз-захаб". Каким образом события, происшедшие никак не позднее 944 г. (дата смерти императора Романа 1) в Византии и Хазарии, могли быть близко известны Мас'уди, в каких сочинениях Мас'уди мог более подробно излагать их - вопросы, на которые мы не можем ответить. Единственным известным нам текстом арабской письменности, в котором как-то можно усмотреть если не параллелизм, то во всяком случае несомненное знакомство с рассказом Мас'уди, является текст Димашки. Констатировав, как уже было упомянуто выше, наличие у хазар такой же веры, как у тюрок, Димашки продолжает далее: "И вот случилось у них то, что рассказал Ибн ал-Асир: правитель Константинополя во дни Харуна ар-Рашида изгнал иудеев из своего государства, а те направились в страну хазар, где нашли умных и благочестивых людей, объявили им свою веру, а те признали ее наиболее правильной, присоединились к ней, оставались [в этой вере] некоторое время. Затем воевало с ними войско из Хорасана, захватило города их, страну их, они (т.е. хазары. - *Б.З.)* стали подданными. Рассказывает Ибн ал-Асир также, что они приняли ислам в 254 (868) году; он указывает, что причиной принятия ими ислама послужило военное нападение тюрок. Вот они (хазары) попросили помощи от людей Хорезма, а те ответили: "Вы - неверные, примите ислам, и мы поможем вам". Те приняли ислам, за исключением царя их, и помогли им хорезмийцы, и отступили от них тюрки. После этого принял ислам и царь их". То, что имя Ибн алАсира, у которого Димашки заимствовал рассказ, упоминается дважды, как будто не оставляет сомнения в правильности цитирования; эта уверенность не может быть поколеблена даже фактом отсутствия параллельного текста в издании Торнберга. И все же, даже при вполне допустимой возможности нахождения у Ибн ал-Асира параллельного текста, Димашки в своем рассказе о перемене веры хазарами представляет для нас интерес главным образом как консерватор исторической традиции, значительно более древней, чем время составления хроники Ибн ал-Асира. Уже в начальной фразе рассказа о гонении иудеев правителем Константинополя во время халифа Харуна ар-Рашида мы совершенно

явственно различаем текст Мас'уди, хотя у Димашки произвольно хронологически объединены аббасядский халиф и византийский император, жизнь и правление которых отделены друг от друга более чем столетием. К такой же древней традиции несомненно относится рассказ Димашки о войне с хазарами войска из Хорасана, Сообщение это не может не напомнить отрывочного рассказа Мукаддаси: халиф Ма'мун (813-833) совершил поход на хазар из Джурджании (Ургенча), завладел ими, обратил их в ислам. Значительный интерес представляет вторая половина рассказа Димашки о военной помощи хорезмийцев в 254/868 или 354/965 году. Напоминая по сюжету рассказ Мас'уди о мусульманско-хорезмийской гвардии в Итиле, версия Димашки отличается от Мас'уди многими существенными деталями. Рассказ Димашки, как явствует из всего вышесказанного, объединил три исторических сообщения и представляет собою как бы хазарскую религиозную хронику IX-X столетий.

К шестидесятым годам IX столетия относится последний из рассказов, находящихся в источниках нашего Свода и имеющих своим сюжетом религиозную историю хазар - мы имеем в виду один из вариантов знаменитого предания относительно спора о вере христианского епископа с еврейским раввином, сохраненный единственно в составе сочинений Бакри. В задачи данного очерка, имеющего своим предметом известия о Восточной Европе на арабском и персидском языках, естественно, не входит обследование как еврейско-хазарского варианта, так и варианта, сохранившегося в "Житии святого Кирилла". Среди многочисленных предположений нам кажется весьма основательной попытка видеть в "христианском епископе" именно Кирилла (в миру - Константина), побывавшего с миссионерскими целями в Хазарии в 860-861 годах. Весьма примечательно, что в то время как в еврейско-хазарском оригинале предания, где победителем прения выходит еврейский раввин, активное участие принимает некий мусульманский *ал-кади, в* мусульманском арабоязычном варианте роль представителя ислама сведена на нет; ловкий раввин, по словам Бакри, сумел уничтожить своего мусульманского противника еще на пути в Хазарию. Рассказ относительно спора о вере, перенесенный на арабскую почву, претерпел, таким образом, значительные изменения.

Обобщим все вышеизложенное. Анализ рассказов о "борьбе за веру" в Хазарии свидетельствует, что приблизительно за сотню с лишним лет до принятия христианства на Руси на Нижнем Поволжье была произведена такая же попытка ввести единую религию. Эта попытка окончилась неудачей. Даже принятие каганом и высшими правящими слоями каганата иудаизма не привело к установлению одной веры среди более или менее широкого круга хазарского населения. Иудаизм сделался верой лишь "верхушки хазарской социальной пирамиды". Четыре религии - иудаизм, христианство, мусульманство, шаманизм - по-прежнему и после обращения кагана в иудаизм вели ожесточенную и неустанную борьбу между собой,

Источники, составляющие прикаспийский Свод известий о Восточной Европе, на первое место в этой борьбе выдвигают ислам. Настоящим историографом активной деятельности мусульман на Нижнем Поволжье является Мас'уди. По его словам, начало проникновению мусульман на Поволжье положила массовая миграция из Хорезма, вызванная войной и чумой. Произошло это в "давние времена", но уже после появления ислама. Хорезмийская миграция в Хазарию была, согласно Мас'уди, организованной. Эмигрировавшие из Хорезма мусульмане остались в Хазарии на определенных условиях: открытое исповедание веры, во главе мусульман должен стоять везир-мусульманин, эмигранты-мусульмане не должны участвовать в войнах с единоверцами.

"В настоящее время, - говорит Мас'уди, - вместе с царем садится на коня около семи тысяч стрелков из лука, в латах, шлемах, кольчугах, имеются также копейщики, как то обычно у мусульман в отношении боевого оружия". Эти мусульмане составляют войско царя и известны под наименованием *ларисийа',* везиром их в то время, когда писал Мас'уди, был Ахмад ибн Кувейх. Кроме ларисийа в стране находится много мусульманских купцов, ремесленников, которые поселились в Хазарии по причине царствовавшей здесь безопасности и справедливых порядков. У мусульман в Итиле "соборная мечеть, минареты которой выше дворца царя, другие мечети, а в них мектебы, где учатся юноши Корану. Если бы, - оканчивает Мас'уди, - соединились мусульмане и те, кто здесь из христиан, не стало бы у царя над ними могущества". Мас'уди, описывая поход русов после 300/912-13 г. и возвращение их через Итиль, говорит о сражении, в котором, с одной стороны, принимали участие русы, а с другой - мусульмане и объединившиеся с ними христиане, всего в количестве 15 тыс. человек. Приведенные сообщения Мас'уди намечают две группы мусульманского населения в Хазарии. Первую из этих групп составляют семь тысяч воинов, выставляемых эмигрировавшими из Хорезма мусульманами. Данная цифра позволяет предполагать, что общая численность ларисийа вместе с женщинами и детьми равнялась

нескольким десяткам тысяч человек. Следовательно, мы имеем дело с поселением не отдельных лиц или семей, а целого и довольно значительного племени. Численное превосходство ларисийа среди других мусульман было таково, что, как подчеркивает Мас'уди, самих мусульман называли в Хазарии по имени того народа. И вряд ли можно согласиться с И.Марквартом, предлагавшим под словом "хорезмийцы" разуметь не собственно население Хорезма, а мусульманских ландскнехтов, вербовавшихся в гвардию хазарского бека. За последнее время в науке все более утверждается мысль, что ларисийа, или ал-арсийа у Мас'уди, - иранские аланы или асы (предки современных осетин), жившие в древности, по свидетельству некоторых авторов, к востоку от Каспия. Каково бы ни было этническое происхождение ларисийа, определить которое на основании анализа одного названия, по нашему убеждению, вряд ли возможно, все же ясно, что эти хорезмийские мусульмане в достаточной мере крепко были связаны с иранской традицией. На это прежде всего указывает титулатура главы их - везир. Титул этот, по иранскому преданию, впервые начал применяться при мифическом шахе - Кеяниде Виштасфе. Когда Мас'уди писал свое сочинение, уже давно прошла героическая пора аббасидского везирата, и в X веке, по сообщению Ибн Мискавейха (под 324/ 935-36 г.), вес этой должности значительно уменьшился. Тем не менее наименование везиром главы ларисийа было вполне понятно для современников - читателей Мас'уди. Йакут со слов Ибн Фадлана также утверждает, что над мусульманами Итиля начальствует один из рабов-гвардейцев царя, называемый *хаз,* - название непонятное, но долженствующее, очевидно, означать то же самое, что и везир Мас'уди, т.е. наместник, уполномоченный верховной властью. Связь ларисийа с иранской традицией подчеркнута Мас'уди именем везира - Ахмад ибн Кувейх. Во второй части этого имени мы структурно различаем то же иранское прикаспийское имя, что и у эпонима династии Бувейхидов. Ларисийа представляли собою в Хазарии замкнутую группу населения; согласно приведенному выше сообщению Йакута - Ибн Фадлана, стоявший во главе этой группы везир, или хаз, имел право юрисдикции. Судя по характеристике Мас'уди хорезмийцев как преимущественно конного войска, ларисийа были скотоводами, имели вьючный скот. Весьма заманчивым является предположение считать появление ларисийа в Хазарии связанным с теми событиями, которые описаны у Димашки под 254/965 г., а у Мас'уди датируется неопределенной формулой "в давние времена". Но, к сожалению, это предположение при современном состоянии изучения вопроса вряд ли может быть обосновано. Несмотря на реальную военную силу хорезмийских ларисийа, составлявших одну из главных опор центральной власти, мы не находим ничего, что говорило бы о стремлении этой группы хазарского населения превратить ислам в обязательную единую религию каганата. Даже Мас'уди, вообще склонный к различного рода преувеличениям в отношении силы и значения мусульман в Хазарии, должен был констатировать, что только объединение мусульман с христианами могло бы подчинить себе хазарскую верховную власть, этим самым косвенно давая понять, что одни мусульмане не представляли собою в Хазарии силу, способную подчинить все остальное население.

Другую группу мусульманского населения в Хазарии, как указывалось, составляли купцы и ремесленники. Главным местожительством тех и других, конечно, были города, и в первую очередь Итиль. Ибн Русте, рассказывая о столице хазар, разделенной на два города, говорит, что в обоих из них живут мусульмане, у которых есть имамы, муэдзины и школы. Гардизи, следуя в основном за текстом Ибн Русте, называет школы персидским термином *дабиристан* и дополняет текст сообщением об обложении хазарами мусульман некоей податью, "сообразно имуществу каждого", как переводит не совсем понятную фразу В.В.Бартольд. Истахри при описании Итиля дважды останавливается на мусульманах: первый раз, описывая восточную половину Итиля, Истахри говорит о рынках и банях, находящихся в этой восточной части, и о том, что число мусульман, живущих здесь, превышает десять тысяч человек, а мечетей - тридцать: второй раз Истахри упоминает мусульман в связи с сообщением о нахождении в восточной половине Итиля купцов и торговых мест. Персидский вариант Истахри поправляет арабский оригинал: число мечетей в восточной части Итиля не тридцать, а три. Ибн Хаукал следует за Истахри, повторяя, что в восточной части Итиля тридцать мечетей. Мукаддаси, сохранивший в описании Итиля ценные детали, в отношении интересующей нас темы ограничивается упоминанием о наличии множества мусульман. Также кратко сообщение "Худуд ал-'алам". Бакри отмечает наличие в Итиле "бань, рынков, имамов, муэдзинов", Идриси - "купцов, рынков, простого народа". Йакут следует в одном случае за Истахри, в другом упоминает о соборной мечети у итильских мусульман, где совершается молитва по пятницам и при которой находится высокий минарет (без сравнения по высоте с царским дворцом, как у Мас'уди). Очевидно, желая особо оттенить значение этой итильской мечети, Йакут говорит о нескольких муэдзинах, ее обслуживающих. Закарийа' Казвини, упоминая о рынках и банях в Итиле, поясняет, что стоянка купцов находится в устье реки. Знают итильских мусульман Ибн Ийас и Хаджжи Халифа. О наличии большого числа мусульман-купцов с товарами упоминает Ибн Хаукал в рассказе о захвате русами Булгара, Итиля и Семендера. О мусульманах и мечетях упоминают наши источники при

описании города Семендера. Наконец, из приведенного выше рассказа о жителях области Сарир, которые по пятницам ходят молиться в мечеть, а по субботам и воскресеньям в синагогу и церковь, также явствует наличие мусульманства на южных границах Хазарии. Если ларисийа представляли собою компактную группу населения, то ремесленно-купеческие колонии мусульман были разбросаны - дошедшие до нас сведения из восточных источников совершенно очевидно регистрируют далеко не полный список этих колоний.

Мы ничего не знаем о миссионерской деятельности итильской соборной мечети или мечети в Семендере. Надо полагать, однако, что упоминание нашими источниками, как указывалось выше, школ-мектебов, где молодые люди учатся чтению Корана, не случайно: как и всюду за пределами халифата, мусульманский религиозный центр развивал также и миссионерскую деятельность. Мас'уди сообщает о каком-то особом положении, которое занимал мусульманский судья в Итиле в отношении идолопоклонников: если судья, предназначенный судить идолопоклонников, не мог решить дела, то тяжущиеся отправлялись к мусульманину-судье, чтобы тот рассудил их согласно шариату. Но и при большой активности любого религиозною мусульманского центра в Хазарии все же само положение ислама - одной из допущенных, но единственной религии хазар - придавало особое значение деятельности миссионерства, базировавшегося на страны, где мусульманство занимало привилегированное положение. Согласно рассматриваемым источникам, два центра мусульманской религиозной пропаганды играли особую роль в деле укоренения ислама в Хазарии: Баб ал-абваб (Дербент) на юге и юго-восточное побережье Каспия - Хорезм и Горган. Как это ни странно, но первый из этих центров, непосредственно соседивший с Хазарией, проявлял себя значительно менее активно, чем Хорезм. Даже Семендер, находившийся всего в нескольких днях пути от Дербента, был известен более как христианский, а не мусульманский город: в городе преобладают христиане, утверждает Мукаддаси. Кажется, только Мас'уди свидетельствует недвусмысленно о связях Дербента с причерноморскими степями, рассказывая о пропагандистской деятельности купцов из Баб ал-абваб среди племен, вступивших затем в ожесточенную борьбу с Византией. Остальные из привлеченных нами к исследованию авторов центром мусульманской миссионерской деятельности в Хазарии считают юго-восточное побережье Каспия. Отсюда, как упоминалось выше, был совершен мусульманский рейд в Хазарию при халифе Ма'муне; именно к хорезмийцам относит предание и попытку установить мусульманство в Хазарии как государственную религию. И значительно позднее, в XII столетии, мусульманское Нижнее Поволжье было тесно связано с Хорезмом; так, гренадский путешественник-миссионер Абу Хамид, прибывший с западной окраины мусульманского мира в Хазарию через Дербент, в течение своего длительного пребывания в Восточной Европе, по собственным его словам, три раза плавал с Нижнего Поволжья в Хорезм. Только перерывом нормальных связей между юго-востоком Каспия и Хазарией можно объяснить факт, что Ибн Фадлан, спустившись из Хорезма в Горган, вместо привычного морского переезда отправился сухопутьем. В этом отношении совершенно исключительный интерес представляет сохранившееся у Иакута сообщение о том, что в 310/ 922-23 г. царь хазар велел разрушить минарет в Итиле и казнил муэдзинов. Репрессии хазарского царя были вызваны тем, что мусульмане разрушили синагогу в Дар ал-Бабунадж. Хазарский царь заявил: "Если бы, право же, я не боялся, что в странах ислама не останется ни одной неразрушенной синагоги, я обязательно разрушил бы [и] мечеть". Отсутствие дополнительного разъясняющего материала не дает права сделать какие-либо решительные выводы. Но все же нам кажется сомнительным утверждение, что "разрушение минарета и казнь муэдзинов в Хазарии произошли вскоре после приезда [багдадского. - *Б.З.]* посольства в царство булгар и, несомненно (sic! - *Б.З.),* были с ним связаны", а также что Дар ал-Бабунадж следует искать "или в Багдаде, или в каком-нибудь из городов Ирана". Исходя из всего вышесказанного, нам представляется правильнее считать разрушение синагоги и ответные репрессии хазарского царя реакцией на более крупные, а главное, более существенные события, чем появление в Поволжье багдадского посольства. Не было ли все описанное Йакутом одним из эпизодов длительной борьбы между Хазарией и юго-востоком Каспия? Религиозная оболочка этой борьбы как будто с более достаточным основанием, чем что-то другое, позволяет нам укрепиться именно в этом мнении. Тогда загадочный Дар ал-Бабунадж, где была разрушена синагога, - вероятно, центр хазарской колонии, - надо разыскивать, конечно, только в Хорезме или Горгане.

Естественно, что наличие христианства в Хазарии отражено в восточных источниках весьма смутно и недостаточно. Фраза Мас'уди, констатирующая опасность для хазарской суверенной власти объединения мусульман и христиан, показывает, что христиан в Итиле было не меньше, чем мусульман. Констатация Мукаддаси преобладания христиан в городе Семендере представляется вполне достоверной. Житие Або Грузинского, принявшего христианство и совершившего во второй половине VIII века путешествие к хазарам, показывает наличие, во всяком случае в южных областях Хазарии, христианских поселений. Моисей

Каганкатваци, рассказывая о событиях, происшедших примерно лет за сто до путешествия араба-христианина, приводит исключительно интересный отчет албанского епископа Исраиля, обратившего хазар Варачана, называемых им гуннами, в христианство. К категории мусульманских известий о христианах Хазарии мы относим рассказ, находящийся в составе написанной в 1206 г. в Индии хроники Фахр ад-Дина Мубарак-щаха. Оговорка о христианах не случайна: рассказывая о том, что хазары заимствовали письменность от русов и некоего племени, живущего близ них и носящего наименование *рум-и рус,* индийский автор совершенно неожиданно заключает: "те из хазар, что пишут этим письмом, по большей части иудеи". Сообщение о хазарской письменности, заимствованной от русов, подвергалось неоднократно переводу и комментариям. Одним из первых, занимавшихся этим сообщением, был В.В.Бартольд. В своей статье, специально посвященной этому сообщению, Бартольд, основываясь на описании загадочной письменности Мубарак-шахом - "пишут слева направо, не связывая буквы, которые числом 21", - пришел к заключению, что под очень несовершенным и расплывчатым описанием индийского автора скрывается указание на глаголицу. Несмотря на неоднократный перевод и разбор, сообщение Мубарак-шаха, как нам представляется, еще недостаточно обследовано. В частности, занимающийся этим сообщением не может не сопоставить его с известным рассказом жития Кирилла (Константина), где упоминается, что, направляясь к хазарскому кагану, Кирилл нашел в Крыму русский псалтырь. Наличие сочетания в тексте слов *рум-и рус* вместе с тем не может не напомнить Мукаддаси, где русы поименованы "войском Рума, называемым ар-рус". Все это, представляется, не может быть трактовано иначе, как сообщение о русской письменности до изобретения и введения кириллицы. В таком случае неожиданное заключение Мубарак-шаха об иудеях, пользующихся этой письменностью, может быть понято лишь как традиционная подмена названия "хазар" наименованием религии, исповедуемой правящей хазарской верхушкой. Заключительная фраза Мубарак-шаха - еще одно свидетельство каких-то не совсем выясненных связей между еврейско-хазарской традицией и Индией. Индийская хроника (написанная немногим более шестидесяти лет спустя "Китаб ал-хазари" Галеви 1140) приписывает иудаизм, как и испано-еврейский автор, не хазарской верхушке, а всему хазарскому народу в целом.

Подобная точка зрения чужда рассматриваемым нами источникам, входящим в состав Свода. Приверженцы третьей монотеистической религии - иудаизма, по сообщению наших авторов, представляли собою весьма ограниченную и малочисленную группу хазарского населения. "Царь их - иудей; говорят, что свита его составляет приблизительно четыре тысячи мужей, - сообщает Истахри. - Хазары - мусульмане, христиане и идолопоклонники; наименьший раздел их (т.е. хазар) - иудеи, а наибольший - мусульмане и христиане, только вот царь и приближенные его - иудеи". Персидский вариант Истахри представляет собою несомненное сокращение той же темы (пропущено место о разделах у хазар), и содержание всего сообщения оказалось таково: государь их - иудей, он имеет свиту из четырех тысяч мужей из мусульман, хазар, христиан и идолопоклонников, однако приближенные его иудеи. Ибн Хаукал буквально следует редакции Истахри; в издании Крамерса после слов о четырех тысячах мужей идет фраза "в тех двух областях - мусульмане" и т.д. Упоминание о четырех тысячах мужей, приближенных хазарского царя, исповедующих иудаизм, после Ибн Хаукала встречается в весьма немногих сочинениях; таковы Йакут, дословно повторяющий Ибн Хаукала, и Хаджжи Халифа, следующий персидскому варианту Истахри в том отношении, что фразу о свите царя из четырех тысяч мужей сливает с дальнейшим сообщением о делении хазар по вероисповедному признаку, благодаря чему, как и в персидском варианте, получается, что четыре тысячи приближенных мужей состоят из представителей различных религий. Начиная с Ибн Русте идет и другое описание части хазар, исповедующих иудаизм. По словам Ибн Русте, иудаизм исповедуют "наибольший глава" хазар, т.е. каган, его заместитель, а также те из предводителей и наибольших, кто близок к ним. Гардизи, как обычно, следует за текстом Ибн Русте. У Мас'уди - наиболее подробное перечисление категорий хазарской знати, исповедующей иудаизм: царь, свита и хазары царского рода. Реликты этой темы встречаются и у других авторов: Мукаддаси упоминает об иудаизме царя хазар; Бакри отмечает, что хазары - мусульмане, христиане, идолопоклонники, опуская упоминание об иудеях. Как правильно заметил Дефремери, Бакри пропустил несколько слов, и реставрацию текста следует производить с помощью Йакута. Таким же реликтом данной темы является фраза Исхака ибн ад-Хусейна: наибольший царь их (т.е. хазар) - иудейской веры.

Отмечаемое явление получило отражение и в еврейско-хазарской переписке: ни в краткой, ни в пространной редакции писем хазарского царя Иосифа мы не находим каких-либо оснований считать иудаизм широко распространенной хазарской верой. Судя по всем данным, имеющимся в нашем распоряжении, иудаизм в рассматриваемые периоды существования хазарского государства был признаком исключительности, привилегированности лиц, его исповедующих. Истахри и последующие варианты сохранили чрезвычайно

любопытный в этом отношении рассказ, ярко рисующий социальную основу хазарского иудаизма. Рассказ этот у Истахри не оригинален, представляет собою результат компиляции, на что, в частности, указывает перерыв в тексте. По словам этого рассказа, у хазар правом быть каганом пользуются только люди, принадлежащие к определенному роду или племени; одно происхождение определяет право быть кандидатом в каганы; каганом может быть избран любой человек, принадлежащий к определенному роду, если даже у него нет никакого положения и достояния. Со слов некоего лица, "заслуживающего доверия", Истахри приводит следующий рассказ: на базаре в Итиле был юноша, торговавший хлебом; этот юноша по смерти правившего кагана сам чуть не стал каганом, так как никого не было более достойного. Помешало ему лишь одно: юноша был мусульманином, а хазары не ставят в каганы никого, кто не исповедует иудейской веры. Ибн Хаукал точно следует за содержанием Истахри, по существу не внося в изложение ничего нового. Из приведенного рассказа прежде всего явствует, что социальной опорой иудаизма в Хазарии была та же родо-племенная общность, какую мы наблюдаем при обозрении мусульман-ларисийа. Мас'уди сообщает, что сан кагана принадлежит лишь членам рода, и это показывает, по мнению Мас'уди, что ему, т.е. этому роду, царство принадлежало в древности. Димашки повторяет ту же мысль, пользуясь уже приведенным термином - "известный род" или "племя". О связанности хазарского престола с определенным родом недвусмысленно говорит еврейско-хазарская переписка (письма Хасдая ибн Шафрута, вопросник и обе редакции ответа царя Иосифа). Не останавливаясь сейчас более на родо-племенной подоснове Хазарского каганата, заметим только, что во времена, когда составлял свой труд Истахри, члены этого знатного хазарского рода-племени далеко не все исповедовали иудаизм: юноша булочник, которого прочили в каганы, был мусульманином. Таким образом, хазарский иудаизм не только не обнаруживал тенденции к распространению, но, если верить мусульманским авторам, сам подвергался размыванию со стороны других монотеистических религий, в первую очередь мусульманства. Упоминавшееся выше уничтожение хазарской синагоги в Дар ал-Бабунадж в 390/922-23 г. - один из эпизодов этой длительной, но ожесточенной борьбы. Может быть, этим объясняется, что "ни один из армянских писателей не намекает на то, что хазары исповедовали религию евреев". Даже в Семендере, старинной резиденции хазарского кагана, насение, исповедовавшее иудаизм, как и мусульманство, находилось в меньшинстве по сравнению с населением, исповедовавшим христианство.

Используемые нами источники говорят о времени Харуна ар-Рашида как о самой ранней дате иудаизации хазар: сама иудаизация, согласно мусульманской исторической традиции, носила характер внешнего влияния, заимствования. Как известно, эта традиция противоречит данным еврейско-хазарской переписки. Анализ последней невольно уводит исследователя к старинным кавказским корням хазарского иудаизма, к самому началу каганата, когда предки ставшего впоследствии могущественным хазарского рода были малочисленны и слабы.

ИТИЛЬ. НАЧАТКИ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ

Как ни отстало в своем развитии хазарское общество, хранившее, по сообщению наших источников, все следы родо-племенного устройства, все же надо отметить, что в IX-X веках эти же источники регистрируют явления, показывающие несомненный прогресс. Через Хазарию, стоявшую на путях, связывавших Восточную Европу с Востоком, осуществлялась значительная транзитная торговля (о значении Хазарии для торговли русов см. раздел о русах). Сама Хазария также вела оживленный товарообмен. В разделе первом настоящего очерка мы уже упоминали о развитии в Хазарии сельского хозяйства, рыболовства, экспорте из Хазарии рыбьего клея. "Худуд ал-'алам", характеризуя Хазарию как страну "богатую, процветающую, с большим достатком", сообщает: "Из нее происходит рогатый скот, овцы и бесчисленные рабы". "Кабус-наме" в двадцать третьей главе, посвященной покупке рабов, упоминает о рабах восточноевропейского происхождения. Особое место в списке товаров, вывозимых из Хазарии, занимали меха. Добытые в "областях русов, булгар и Киева", эти меха у Истахри и Ибн Хаукала носят все же наименование "хазарских". Особенно значительным центром мехового экспорта был Итиль. Ибн Хаукал, следуя за текстом Истахри, в описании хазарской меховой торговли приводит интересные подробности и дополнения; по словам Ибн Хаукала, хазарские меха, которые расходятся по всему свету, это те же меха, что и в ал-Андалус; только в малой части эти меха происходят из славянских стран, большая и наилучшая часть их происходит из стран русов, а некоторые - причем самые лучшие - русы перекупают в странах Гог и Магог. За описанием меховой торговли у Ибн Хаукала следует сообщение о захвате и разорении русами Булгара и Итиля. Представляется, что связанность сообщений Ибн Хаукала о меховой торговле и захвате русами крупных волжских торговых центров не случайна. Тот же автор сообщает, что и по

захвате Итиля русами не уменьшился "прилив торговли". Разнообразен был также хазарский импорт. Среди ввозимых товаров Истахри называет мед и свечи, которые, по его словам, привозят от русов и булгар. Персидский перевод Истахри употребляет слово, которое можно перевести, как "воск"; указание на булгар как на поставщиков в персидском переводе опущено. Ибн Хаукал повторяет Истахри. Йакут дважды упоминает о ввозе хазарами меда и свечей (воска), дополняя список стран-поставщиков Киевом. Хаджжи Халифа содержит только реликт всей темы: от русов к хазарам привозят воск. Как уже нам приходилось упоминать, наряду с медом и воском со Среднего Поволжья на Нижнее экспортировался сплавом строительный материал: сосна, ель. Текстильные товары были главным предметом хазарского импорта с Ближнего и Среднего Востока. Истахри, описав хазарскую одежду, сообщает: из-за отсутствия у хазар материалов для этой одежды, последний привозят из Горгана, Табаристана, Армении, Азербайджана и Рума. Персидский перевод Истахри уточняет: то, что купцы привозят, происходит не из Хазарии, а из других мест; в перечислении последних в персидском переводе отсутствует Рум. Ибн Хаукал следует за Истахри с тем, однако, отличием, что в перечислении мест, откуда привозят к хазарам текстильные материалы, отсутствует Армения и добавлены слова, расширяющие список стран-поставщиков общей фразой "и из других соседних стран".

Довольно оживленный обмен между хазарами и этими "другими странами" подтверждается наличием таможенных сборов и значительных иностранных купеческих колоний в Хазарии. Истахри - наиболее ранний и самый полный вариант - сообщает о статьях дохода *(абваб ал-мал)* хазарского царя, указывает на таможенные заставы и торговую десятину, взимаемую согласно обычаю на дорогах, в морских и речных портах. Персидский перевод Истахри в рукописи ИНА передает то же сообщение с заменой арабских терминов персидскими: "доходы от таможен и таможенных застав для купцов, которые стерегут гавани моря и рек и взимают налог бадж"; персидский термин *бадж,* как явствует из сопоставления с арабским оригиналом Истахри, в данном случае передает значение торговой десятины. Ибн Хаукал следует за текстом Истахри с некоторыми сокращениями - отсутствует упоминание о гаванях моря и реки как источнике дохода хазарского царя. "Худуд ал-'алам" из всего сообщения сохранил лишь реликт: богатства и достояние царя хазар по большей части от морской подати. В послании Хасдая ибн Шафрута к хазарскому царю среди вопросов, на которые желал получить ответ кордовский вельможа, находился вопрос о количестве дани и десятины. Не менее убедительны сообщения наших источников о купеческих колониях в Хазарии. Йакут, как обычно в хазарских сообщениях со ссылкою на Ибн Фадлана, рассказывает об итильском главе мусульман, обязанном судить как проживающих постоянно, так и приезжающих по торговым надобностям. Выше мы уже говорили о русской купеческой колонии в Итиле, продолжавшей, по словам Ибн Хаукала, торговые операции и по захвате города Святославом. В Семендере и Итиле, о чем речь ниже, эти купеческие колонии были весьма многочисленны.

Все это показывает, что, несмотря на архаическую крепость родо-племенного уклада - серьезное препятствие для установления единоверия в Хазарии, - прогрессивные тенденции в социально-экономической жизни создавали предпосылки для появления такого новшества в Хазарии, как город - центр административной, религиозной и экономической жизни. Ибн Хордадбех - кажется, первый из восточных писателей, перечисляющий несколько хазарских городов. Описав путь из Джурджана по Каспию к западному побережью, Ибн Хордадбех приводит следующий список: Хамлидж, Баланджар, ал-Байда'. Вслед за списком Ибн Хордадбех цитирует стихотворение поэта Бухтури, в котором упоминаются также два хазарских города - Хамлидж и Баланджар, и сообщает, что за Баб ал-абваб (в тексте ал-Баб) расположены владения "царя Сувар, царя ал-лагз, царя аллан, царя Филан, царя Маската, сахиб ас-сарира и город Семендер". Список Ибн Хордадбеха не одинок в источниках. "Худуд ал-'алам", упомянув об Итиле (Atil) и лежащем на берегу моря Семендере, приводит перечисление остальных хазарских городов:

в транскрипции В.В. Бартольда	в транскрипции В. Минорского
Хамлидж	Khamlikh
Баланджар	Balanjar
Байда	Bayda

Савгар	Savghar
Хтлг	Kh.tl.gh.
Лкн	L.kn
Сур	Swr
Масмада	Ms-t (M-sq-t?)

Как явствует из сравнения списка Ибн Хордадбеха со списком "Худуд ал-'алам", большинство названий совпадает не только по начертанию, но и по последовательности упоминания. В отличие от Ибн Хордадбеха, анонимный среднеазиатский географ считает все эти названия не царствами, а "городами с крепкими стенами". В.Ф.Минорский дал подробнейший комментарий к списку "Худуд ал-'алам", указав на несомненное влияние Ибн Хордадбеха. Как и у Ибн Хордадбеха, в списке "Худуд ал-'алам" мы находим смешение хазарской, северокавказской и ширванской топонимики. Из приведенного выше списка городов к собственно хазарским мы можем причислить лишь четыре наименования: Хамлидж, или Хамлих, Баланджар, Байда' и Семендер. Рассматриваемые списки говорят о широко распространенном в восточной географической науке убеждении в существовании у хазар городов. Мысль о наличии у хазар городской жизни получила отражение в сочинениях и последующих авторов: так, Димашки (со ссылкой на Ибн ал-Асира) перечисляет четыре города хазар: Хамлидж, Баланджар, Семендер и Итиль. Исхак ибн ад-Хусейн сообщает о многих хазарских городах, приводя, впрочем, название одного лишь города Б.лйар, под которым можно разуметь Булгар, Баланджар или даже Итиль. Ибн Ийас говорит о хазарских городах во множественном числе, считая наиболее известным из них город Семендер.

Это убеждение восточной географической науки, насколько известно, до настоящего времени не имеет подтверждения со стороны археологии. Несмотря на многочисленные догадки, ни одно из этих названий не получило категорического прикрепления к какой-либо группе сохранившихся до наших дней памятников. Сказанное, конечно, ни в малейшей мере не колеблет основного, - остатки строительных сооружений и другие памятники материальной культуры, обнаруженные на территории, на которой в древности распространял свою власть каганат, подтверждают существование в Хазарии значительных по тому времени населенных мест. Но локализация этих мест, прикрепление того или иного наименования, сохранившегося в источниках, к определенным географическим пунктам - все еще дело будущего, дело, в котором роль филологического исследования отнюдь не меньше, чем археологическая находка.

Старейший "городской список", сохранившийся в сочинении Ибн Хордадбеха, особенно примечателен тем, что подтвержден отрывком из панегирического стихотворения. При отсутствии более веских доказательств такие стихотворные панегирики по своей исторической достоверности могут трактоваться наравне с любым документом: строгий стихотворный размер, сама целевая направленность панегириков - лучшие условия для консервации различного рода фактических данных. Имя лица, которому посвящен такой панегирик, его титулатура, название местностей, связанных со славословием, - все это лишь в очень редких случаях подвергается последующей фальсификации. Панегирик Бухтури посвящен Исхаку ибн Кундаджу. Последний, по словам поэта, почести (во франц. переводе - "le litres de noblesse"), которых он удостоился в Ираке, добавил к тем, которых был удостоен в Хамлидже или в Баланджаре. Упоминание Исхака ибн Кундаджа у Ибн Хордадбеха отсутствует. Более чем три столетия спустя Иакут обратил внимание на этот стихотворный отрывок, приведя его дважды в своей географической энциклопедии, первый раз в разделе, посвященном Баланджару, второй - в разделе о Хамлидже; в отличие от Ибн Хордадбеха, Иакут сообщил имя лица, которому посвящен панегирик, назвав его Исхак ибн Кундаджик; в самом диване Бухтури, дошедшем до нас, то же лицо названо Исхак ибн

Кундадж ал-Хазари. Это - известный командующий войсками аббасидского халифата конца IX века, современник Бухтури, по происхождению из хазар. Не входя в обсуждение интересных для его биографии данных, находящихся в сочинениях поэта, остановимся только на анализе топонимических названий отрывка из панегирика. В отличие от многих панегирических стихотворных произведений, все более и более в настоящее время привлекаемых в качестве достоверного документа к историческому исследованию, панегирическому отрывку Бухтури не повезло. Рассматривая наименования Хамлидж и Баланджар, встречающиеся у Бухтури, И.Маркварт, своими фундаментальными сочинениями надолго определивший судьбы изучения восточных источников по Восточной Европе, подверг сомнению оба рассматриваемые топонимические названия. Первое из этих названий, как отметил Маркварт, а за ним последующие исследователи, подменяется в некоторых вариантах текста ал-Бухтури наименованием ал-Байда'. Что касается Баланджара, то, как заметил Маркварт, очень сомнительно, знал ли его поэт действительно или взял это название из рассказов времен первых арабских завоевательных походов. К выраженным Марквартом сомнениям можно добавить еще то обстоятельство, что у самого Ибн Хордадбеха строкам, где приведен отрывок из панегирика, предшествует перечисление хазарских городов, в котором вместо Хамлиджа находится ал-Байда'. И все же нам представляется, что достоверность топонимических данных панегирика вряд ли может быть опровергнута. Уже тот факт, что Иакут цитирование отрывка панегирика связал со словом Хамлидж, говорит сам за себя; подобное приурочивание свидетельствует, что в XIII веке, когда писал Иакут, в традиционном цитировании отрывка или в рукописи стихотворений ал-Бухтури упоминался Хамлидж, а не ал-Байда'. Да и Ибн Хордадбех в известном своем маршруте русов - купцов, вывозивших меха из славянских стран на Восток, упоминает также Хамлидж в качестве хазарского города, служившего перевалочным пунктом на пути в Горган. Отсюда начинается морской путь, что может характеризовать Семендер, по сообщению некоторых авторов, находящийся на берегу моря. Грудно думать далее, чтобы поэт не знал, как предполагал И. Мар-кварт, точно места, где получил свои почести прославленный им Исхак ибн Кундадж. Кстати сказать, тот же Иакут в разделе своей географической энциклопедии, посвященной Баланджару, приводит и другое стихотворение, где упоминается "могила в Баланджаре", место захоронения 'Абд ар-Рахмана ибн Раби'а ал-Бахили; по словам прозаического объяснения Иакута, эта могила находится "в окрестностях Баланджара". Все это вместе взятое говорит о живости передаваемой Бухтури традиции, о ее исторической достоверности. И в конце IX века Хамлидж и Баланджар были наименованиями, которые обозначали не поэтический символ, а реалию. Более того, из всего противоречивого материала, которым мы располагаем в отношении именований у Бухтури методически представляется нам теми незыблемыми вехами, по которым только и следует ориентироваться в зыбком океане всяческих гипотез и предположений.

Отождествление Хамлиджа с Итилем получило после И.Маркварта дальнейшее обоснование у В.Ф.Минорского, увидевшего в топонимическом термине Ибн Хордадбеха одну из форм названия восточной части хазарской столицы, читаемой у Ибн Русте и Гардизи как *хан-балык* - ханский город. Д.А.Зайончковский в своей монографии о проблемах хазароведения поддержал и развил мысль Минорского. Несмотря на возможность подобного отождествления, вряд ли оно все же может быть признано правильным. Восточная часть Итиля, как известно, была по преимуществу купеческим центром; каган и все его приближенные помещались в западной части Итиля. Какие почести мог получить знатный хазарский воин, Исхак ибн Кундадж, от торгового населения? Как могут эти почести быть сравнены с теми, которые тот же хазарский командующий войсками получил из Ирака, т.е. от халифа? Да и формально само содержание рассматриваемых строк панегирика не может не насторожить исследователя: Исхак ибн Кундадж, по словам Бухтури, получил почести в Хамлидже или Баланджаре. Что означает в данном случае наличие союза "или"? Первое, что приходит на ум: оба помянутые названия были равны по своему назначению, они обозначали места, откуда знатный хазарский воин мог получить свои почести; Хамлидж и Баланджар были местами, в которых одинаково резидировала верховная власть. Эти размышления, очевидно, были не чужды И.Марквартy, который, идентифицируя Хамлидж с Итилем (ал-Байда'), отмечал, что в Баланджаре, быть может, находился летний лагерь *(йайлак)* хазарского кагана.

История изучения Баланджара и попыток его локализации представляет собою одну из значительных и плодотворных страниц европейского хазароведения. За длительный период работы был изучен широкий круг арабоязычных источников, что дало возможность выяснить существенные данные по истории Баланджара. В 32/652-653 г. под Баланджаром разумелось укрепленное сторожевою башнею место, где сосредоточивались значительные военные силы хазар, нанесшие сокрушительное поражение наступавшим арабам под командованием 'Абд ар-Рахмана ибн Раби 'а ал-Бахили. В Баланджаре, как рассказывают хронисты, до взятия и разгрома его арабами под командой Джарраха в 104/722-723 г. были сосредоточены значительные богатства.

Арабоязычным источникам кроме города Баланджара известна была также река того же названия. Еще Маркварту удалось с достаточной убедительностью показать идентичность Баланджара арабских источников с Варачаном "Истории агван" Моисея Каганкатваци; к этому же названию, по его мнению, восходит имя реки Варашан еврейско-хазарской переписки и гор Варшан "Хазарской книги" Галеви. Особенно важной была, несомненно, идентификация арабских источников с армянской летописью, содержавшей обильный различными деталями материал путешествия албанского епископа Исраиля в 681-682 гг. в Варачан для обращения проживавших там "гуннов" в христианство. Все это, внесенное в науку не одним поколением исследователей, позволяет теперь говорить о Баланджаре с большей точностью, чем когда-либо ранее. Вряд ли, впрочем, эта точность дает основание ставить вопрос с такой решительностью, как это сделано во втором издании Большой Советской Энциклопедии, где Баланджар локализован на Северном Кавказе на реке Удон (Кума), а Семендер в "северной части Дагестана, к югу от нижнего течения р. Сулак". Эта категоричность нам представляется тем более преждевременной, что вопрос о существовании двух хазарских городов - Баланджара и Семендера - до настоящего времени не может считаться окончательно разрешенным, хотя соображения, высказанные по этому поводу М.И.Артамоновым, и не встретили сочувствия со стороны писавших позднее А.Зайончковского и Д.М.Данлопа. При необычайной скудости аргументации, находящейся в распоряжении исследователя, кажется, что только общие методические положения могут служить более или менее надежной опорой при выводах. Таким методическим положением для нас является локализация каждой группы источников или сведений за определенными районами, где эти сведения могли сохраниться. Как название ранней хазарской столицы, так и сведения об этой столице полностью отсутствуют в источниках, составляющих наш Свод; хранителем этих сведений является по преимуществу, начиная с ат-Табари, историография на арабском языке, уходящая своими корнями еще в ранние омейядские традиции. Завоевательные походы VII-VIII веков, когда Баланджар оказывал значительное сопротивление арабским войскам, - вот тот период, когда город был известен халифатской письменности. Захват арабами Баланджара в 104/722- 723 г., вызвавший перенос хазарской столицы, был временем, когда наши сведения, почерпнутые из нарративных источников о Баланджаре, обрываются; последнее упоминание о Баланджаре под 119/737 г. говорит о знаменитом походе Марвана, когда, по свидетельству наших источников, пройдя Баланджар и Семендер, будущий халиф достиг ал-Байда'. Источники, составляющие Свод, знают преимущественно Семендер, о котором говорят так же подробно, как автор "Истории агван" о Варачане. Конечно, все это лишь догадки, но догадки, нам кажется, имеющие основание и в самом материале. Упоминание Ибн Хордадбехом Семендера носит все следы позднейшей интерполяции: город Семендер появляется у Ибн Хордадбеха после перечисления царств, не относящихся, собственно говоря, к Хазарии. А совместное упоминание в том же источнике Хамлиджа, Баланджара и Семендера объясняет многое в последующем бытовании подобных сочетаний: не отсюда ли знаменитый маршрут похода Марвана 119/ 737 г. - Баланджар, Семендер и далее на ал-Байда', где резиденция хазарского кагана? Малоубедительным является и аргумент от математической географии. С его помощью некоторые исследователи пытаются обосновать тезис о неидентичности Баланджара и Семендера, - приводимые у Бируни показания в градусах долготы и широты (73° и 44°50' и 72°30' и 44°55') настолько мало разнятся между собой, что вряд ли могут быть приняты во внимание. Кстати сказать, примерно такие же показания мы находим в других географических сочинениях (Хамдаллах Казвини: 85°20' и 46°30'; Абу-л-Фида': 75°20' и 46°30'; 78°0' и 44°50'); при некоторой неустойчивости исчисления географических координат у средневековых мусульманских географов разница между всеми проводимыми цифрами не так значительна. Короче говоря: в отношении ранней столицы хазар, как и позднее, при анализе описаний Итиля, мы встречаемся с тем же многообразием топонимических названий. И не достаточно ли обосновано предположение, что упомянутый Бухтури в паре с Баланджаром - Хамлидж составлял такой же двойной хазарский город, каким был впоследствии Итиль? Фигура Исхака Кундаджа, получившего почести "в Хамлидже или Баланджаре", показывает, что и в конце IX века, когда упомянутый знатный хазарский воин служил в халифатских войсках, оба старинных хазарских центра не утеряли своего значения. Не находились ли здесь какие-либо почитаемые объекты культа? О священной роще Варачана и не совсем понятных похоронных обрядах рассказывает "История агван". Рассказ о Семендере, сохранившийся в наших источниках, еще сильнее подкрепляет высказанное предположение; являясь как бы прототипом позднейших рассказов об Итале, самандарская коллекция сообщений обладает и своими нюансами и оригинальными, отсутствующими в рассказе об Итале деталями.

Схематически рассказ о Семендере представлен в источниках, составляющих Свод, в следующем виде:

1) Город Самандар, основанный Хосровом Ануширваном, находится на расстоянии 4(8) дней пути от Баб ал-

абваб и 7(8) дней пути от Итиля, расположен на морском берегу (у озера). 2) Некогда город был столицей хазар, но завоевал его Сулейман (Салман) ибн Раби'а ал-Бахили, и тогда царь перешел в Итиль, но и до настоящего времени в городе хазарское население. 3) В городе много садов и около 4(40) тысяч виноградных лоз (виноградников). 4) Здесь живут мусульмане, у которых мечети, иудеи, у которых синагоги, христиане, у которых церкви, 4а) В городе больше всего христиан, народ низкорослый (?), любит странников, если они не лазутчики. 46) Город громадный, больше чем у хазар. 5) Городские жилища - палатки и строения из дерева с горбатыми кровлями. 6) Царь их из иудеев, состоящих в приближении царя хазар. 7) От Самандара до страны сариров расстояние в два фарсаха, цари Самандара и сариров в мире друг с другом.

Участие каждого из авторов в разработке отдельных разделов рассказа о Семендере может выражено схематически следующим образом:

	1	2	3	4	4а	4б	5	6	7	Д
Истахри	+		+				+	+	+	+
Ибн Хаукал	+		+				+	+	+	+
Мас'уди	+	+								
Мукаддаси	+		+		+	+	+			
"Худуд ал-'алам"	+									+
Бакри	+	+		+						+
Идриси	+		+							+
Йакут	+	+	+				+	+	+	+
Насир ад-Дин Туей	+		+				+	+	+	
Ибн Ийас						+				
Хаджжи Халифа							+	+	+	+
Евр.-хаз. переписка	+									

Истахри, первый из упомянутых в нашем перечне авторов, в своем сочинении дважды останавливается на определении расположения Семендера; в первом случае таковое определяется как 4 дня пути от Баб ал-абваб и 7 дней пути от Итиля, во втором случае Семендер определяется в общих чертах как расположенный "между Итилем и Баб ал-абваб". В персидском переводе Истахри указание на местоположение Итиля отсутствует, да и сам город поименован Самид или Тасмид (или Исмид). Определив в первом разделе своего рассказа Семендер как город, Истахри далее повествует совершенно очевидно о всем районе, простиравшемся по его словам "до границы с сарирами"; только имея в виду это более широкое определение, можно понять последующее сообщение о наличии четырех тысяч виноградников (лоз?); персидский перевод доводит это число до сорока

тысяч. Виноград, по словам того же источника, преобладает над остальными культурами. В самом конце рассказа персидский перевод Истахри добавляет фразу, отсутствующую в арабском оригинале; "в области хазар я не знаю [такого] другого населенного места, как Тасмид (или Самид)". Ибн Хаукал близко следует за текстом Истахри: после раздела 3 у Ибн Хаукала находится знаменитая вставка о том, что в 358/968- 69 г. в Джурджане он слышал рассказ о нападении русов на Итиль и бегстве жителей на берега Каспийского моря. Вставка - интересная иллюстрация метода работы Ибн Хаукала: оставляя в основном без изменения компилируемую редакцию рассказа, автор добавляет личные наблюдения, не заботясь ни в малейшей мере о целостности и непрерывности повествования. По сравнению с обоими рассмотренными авторами, Мас'уди несколько краток, но детали, находящиеся в его варианте, так же ценны, как и у Ибн Хаукала; по словам Мас'уди, расстояние от Семендера до Баб ал-абваб определялось в 8 дней пути, а расстояние между Самандаром и Итилем - в 7 дней. Мас'уди приводит историю города: некогда Семендер был столицей хазар, но в "начале времен" Сулейман ибн Раби'а ал-Бахили завоевал город, и царь хазар перешел в Итиль; и в то время, когда Мас'уди писал, в Семендере находилось хазарское население. Мукаддаси продолжает дальнейшую свободную разработку темы о Семендере, хотя весь рассказ по сравнению с Истахри и Ибн Хаукалом дается в сокращенном виде: Семендер характеризуется Мукаддаси как большой город, расположенный "у озера", - так называет Мукаддаси Каспий, - между рекою хазар и Баб ал-абваб; сообщение о жилищах не представляет непрерывного повествования, а разделено сообщением о христианах, не имеющим, насколько нам известно, параллельных текстов; о садах и виноградниках упоминается без указания на какое-либо число. "Худуд ал-'алам" определяет местоположение Семендера "на берегу моря" и характеризует город как богатое место, где находится базары и есть купцы. О расположении Семендера "на берегу моря" сообщает также пространная редакция ответного письма царя Иосифа. Бакри, повторяя уже известные расчеты о восьмидневном расстоянии Семендера от Баб ал-абваб и семи днях пути от Итиля, сообщает вслед за Мас'уди о завоевании города "в начале ислама", вследствие чего царь вынужден был уйти в Итиль. Впоследствии, уверяет Бакри, город снова вернулся к ним, т.е. хазарам. Дополнение Бакри отсутствует у Мас'уди и, насколько нам известно, не имеет параллельных текстов. Раздел 4 у Бакри сокращен: в городе - всякие веры. Идриси сохранил в сокращенном виде разделы 1 и 3; в конце сообщения о Семендере Идриси передает, очевидно со слов Ибн Хаукала, известие о разорении города русами, не упоминая даты. Йакут в своем подробном описании Семендера ссылается на Азхари и Истахри, но по существу дела черпает свои сведения у Истахри и Мас'уди. Это двойное влияние объясняет, в частности, противоречия в определении местоположения Семендера. В начале повествования Иакут указывает расстояние Семендера от Баб ал-абваб в 8 дней пути, а от Итиля - в 7 дней; в конце повествования Иакут определяет расстояние от Баб ал-абваб до Семендера в 4 дня пути, от Семендера до Итиля - в 8 дней. В отличие от Мас'уди, Йакут именует завоевателя Семендера не Сулейман, а Салман ибн Раби'а. Более ясно, чем у предшествующих авторов, говорится у Иакута о самандарском виноградарстве: под цифрой 4 тысячи разумеются сады. Насир ад-Дин Туей, как и во многих других отмеченных случаях, почти полностью копирует персидский вариант Истахри. Ибн Ийас сохранил лишь упоминание, что в древности Семендер был громадным городом; после этого у Ибн Ийаса следует "сообщение о троне", заменяющее, очевидно, разделы 6 и 7 рассказа, повествующие об отношении Семендера со страною сариров; в древние времена, по словам Ибн Ийаса, в городе был золотой трон такой красоты, что не поддается описанию; по завоевании города Румом (sic!) трон остался на своем месте. Хаджжи Халифа, последний из известных нам компиляторов, включивших в свое сочинение текст о Семендере, сохранил лишь реликт темы: город, поименованный у Хаджжи Халифы Исмид, имеет много домов из дерева, у мусульман есть мечеть, царь - иудей, зависит от хазар и сариров.

Как явствует из всего вышесказанного, рассказ о Семендере, встречающийся в различных восточных источниках, входящих в Свод, представляет собою сложное явление. Составленный из разновременных и нередко противоречащих наблюдений, этот рассказ тем не менее дает основание считать, что город, служивший хазарам первой столицей и известный в раннесредневековой письменности под различными наименованиями (Хамлидж, Баланд-жар, Варачан, Семендер), продолжал существовать после захвата и разрушения его арабами в 104/722-723 г., много спустя после переноса столицы на Нижнее Поволжье, в Итиль.

Географические сочинения на арабском и персидском языках, дошедшие до нас полностью или в отрывках позднейших компиляторов, представляют собою бесценный источник, особенно для периодов, о которых молчит или недостаточно полно рассказывает письменность на других языках. Нижнее Поволжье, где находилась столица Хазарского каганата, с глубокой старины было связано с гаванями Каспийского побережья. Отсюда неоспоримая ценность тех сообщений, которые сохранились в раннесредневековой географии на

арабском и персидском языках.

К сожалению, несмотря на неоднократное использование упомянутых памятников письменности и, казалось бы, их достаточную изученность, все же приходится замечать, что даже в серьезных специальных исследованиях сплошь и рядом отсутствует предварительная сравнительно-текстологическая работа. Только всем этим можно объяснить факт, что до настоящего времени считается аксиомой высказанное еще девяносто лет тому назад Д.А.Хвольсоном положение: "разные известия о частях хазарской столицы несогласны между собою", как и многое другое, что несомненно разъяснилось бы при сравнительно-текстологической разработке.

Самое первое рассмотрение восточных известий об Итиле показывает, что, несмотря на видимое их разнообразие и множество вариантов, в сущности мы имеем дело с несколькими рассказами, - варианты этих рассказов или отдельные элементы их и представляют все разнообразие дошедших до наших дней описаний Итиля в восточной письменности.

Извлеченные путем сопоставления одних текстов с другими, эти рассказы, обозначенные литерами А, Б, Б 1, В, выглядят в схематическом виде (подобный схематизм присущ каждой реконструкции) примерно так.

А. У хазар имеется два города, расположенных рядом: население этих городов весною отправляется в степь и возвращается в города лишь к зиме.

Рассказ представлен в литературе сочинениями Ибн Русте, Гардизи, Бакри, Идриси, Марвази, Мубарак-шаха Марварруди (XIII в.).

Б. Одновременно с этим рассказом в арабо-персидской письменности бытовал второй рассказ, - его можно поименовать рассказом о двух частях Итиля. Схематически этот рассказ представляется в следующем виде:

1) Хазар - название климата, столица же именуется Итиль, так же называется река, текущая от русов и булгар, один из рукавов которой вливается в Понт; 2) город Итиль делится на две части, одна часть на запад от реки, она - большая, это и есть собственно Итиль, другая часть к востоку от реки зовется Хазаран, или Восточный Итиль; царь вместе с войском и приближенными живет в западной части города, на языке хазар царь именуется *б.к., бак,* размер этой части города приблизительно фарсах, эта часть окружена стеной, в стене четверо ворот, обращенных к реке и в степь; 3) жилища в городе - шатры из войлока или из глины (дерева); дворец царя далеко от берега, сложен из обожженного кирпича, - царь не разрешает строить из этого материала; 4) в восточной части города много купцов, торговых мест, здесь живут мусульмане, число которых превышает десять тысяч, у них соборная мечеть, мечети, муэдзины, училища, в этой же половине Итиля живут христиане, иудеи, идолопоклонники.

Изложенный рассказ повторяют многие авторы: в X в.- Ибн Русте, Истахри, Ибн Хаукал, Мас'уди, Мукаддаси, "Худуд ал-'алам" среднеазиатского анонима; в XI в.- Гардизи, Бакри; в XII в.- Идриси; в XIII в. - Йакут, Закарийа' Казвини, Насир ад-Дин Туей; в XVI в. - Ибн Ийас; наконец, в XVII в. рассказ повторяет Хаджжи Халифа.

Б1. Естественным дополнением к этому рассказу является повествование о том, что подле хазарской столицы нет деревень, - с наступлением весны население Итиля отправляется за 20 фарсахов, где и занимается земледельческими работами; собрав урожай, хазары везут его в Итиль - или по реке на судах, или по степи на повозках. Повествование это сохранилось в сочинениях Истахри, Ибн Хаукала, Иакута, Насир ад-Дина Туей, Хадджжи Халифы и в еврейско-хазарской переписке.

В. Третий рассказ, сохранившийся в сочинениях Мас'уди, Мукаддаси, еврейско-хазарской переписке, а также у испанского географа XIII века Ибн Са'ида, повествует о делении Итиля на три части; сам город расположен на двух берегах реки, вытекающей из страны тюрок, в середине реки находится остров, где "дом правителя" и дворец царя; с острова на один из берегов перекинут мост из лодок.

Наиболее старым из известных сочинений, содержащих рассказы об Итиле, является географическое

сочинение Ибн Русте. Уже в этом наиболее старом варианте наблюдается смешение рассказов А и Б; сообщив о двух хазарских городах, один из которых носил название Сар'ш.н., а другой Х.б. нл', Ибн Русте утверждает в конце рассказа, что в обоих этих городах находятся мусульмане, у которых имеются мечети, муэдзины, школы. Близкий его современник Истахри совершенно не знает рассказа А и приводит лишь первый из известных нам полных вариантов рассказа Б, сопровождая его повествованием Б 1. По словам Истахри, хазар - название "климата"; сама же столица именуется Итиль, таково же наименование реки, текущей от русов и булгар к хазарам. Раздел 2 рассказа Б изложен у Истахри дважды, что указывает на неоригинальность и этого очень старого из известных нам вариантов. Краткое изложение раздела 2 ограничивается у Истахри сообщением о пребывании в западной части Итиля царя, войска и вельмож. Подробное изложение того же раздела повествует о делении города на две части, к западу и востоку от реки; западная часть - большая, здесь резиденция царя, именуемого на языке хазар б.к. или бак, размер этой части в длину приблизительно один фарсах, окружает эту часть стена, в стене - четверо ворот, через которые выход к реке и в степь, на юг от города. Раздел 3 рассказа Б сообщает указанные выше данные о жилищах в Итиле. Рассказ этот не является у Истахри целостным повествованием - он прерывается сообщением о мусульманах, у которых 30 мечетей. Факт этот еще раз указывает на неоригинальность текста Истахри. В дальнейшем, останавливаясь еще раз на описании восточной части Итиля, Истахри сообщает, что число мусульман превышает десять тысяч, в восточной части находятся рынки и бани. Сочинение Истахри вместе с тем содержит наиболее старый вариант рассказа Б 1, повествующий об отсутствии у хазар селений около города. Для земледелия они уходят летом за 20 фарсахов, а посеяв и собрав урожай, перевозят его по реке и в повозках по степи. Рукопись Института народов Азии, сохранившая персидский извод сочинения Истахри, дает интересные параллельные разночтения, в некоторых случаях помогающие яснее понять содержание.

Ибн Хаукал, как обычно, весьма точно следует за текстом Истахри, дополняя последний ценными деталями. Издание голландским ориенталистом И.Х.Крамерсом стамбульской рукописи сочинения Ибн Хаукала показало, что между отдельными вариантами рукописей Ибн Хаукала не менее существенные отличия, чем между сочинениями Ибн Хаукала и Истахри. Так, например, рассказывая об истоках реки Итиль, Ибн Хаукал издания Крамерса дополняет издание де Гуе: истоки этой реки в области мрака, никто не доходил до них. Существенное дополнение по сравнению с Истахри содержит Ибн Хаукал в разделе 2 рассказа Б, называя западную часть города - Итиль, а восточную - Хазаран. Размер обеих этих частей (а не одной, как у Истахри) составляет приблизительно один фарсах; обе части города (а не одна западная, как у Истахри) окружены стеной. Интересным отличием текста Ибн Хаукала от Истахри является также описание типа городских жилищ; по словам Ибн Хаукала, эти жилища напоминали "как бы шатры из дерева". Как у Истахри, повествование Б1 о выходе итильского населения за 20 фарсахов из города для земледельческих работ оторвано на значительное расстояние от текста, содержащего рассказ Б; как и персидский перевод Истахри, Ибн Хаукал при указании перевозок по реке упоминает о судах. Мас'уди в свой рассказ об Итиле включил описание течения р. Итиль; река, по его словам, вливается в залив Понта, именуемый "море русов". Сообщение о наличии в Итиле многих мусульман-купцов и ремесленников, поселившихся здесь на постоянное жительство, Мас'уди дополняет пояснением о царящей в стране справедливости и безопасности. Мас'уди содержит в своем сочинении самый ранний вариант рассказа В; по словам Мас'уди, Итиль делился на три части громадной рекой, вытекавшей из страны тюрок; между двумя берегами, на которых был расположен город, находился остров, где был "дом правителя" и "дворец царя"; на берег с острова был перекинут мост из лодок. Мукаддаси сохранил из всего рассказа об Итиле очень немногое, дополнив вместе с тем свои скупые сообщения ценными и оригинальными наблюдениями; вместо стены, окружающей западную часть Итиля, Мукаддаси сообщает о "дворце султана" из обожженного кирпича (ср. Мас'уди, рассказ В); по его словам, именно дворец, а не стена, имел четверо ворот, одни из этих ворот выводили на речное побережье к стоянке судов. Не менее интересно сравнение у Мукаддаси Итиля с городом Джурджаном на юго-восточном побережье Каспийского моря. Последний из известных нам памятников письменности X века, содержащих рассказ об Итиле, - "Худуд ал-'алам" - очень краток; обращает на себя внимание лишь наименование хазарского царя: *тархан-хакан* из детей *анса.* К десятому же веку относятся два отрывка из еврейско-хазарской переписки (письмо царя Иосифа): первый из этих отрывков говорит об острове как месте резиденции хазарского кагана (рассказ В), второй отрывок рассказывает о ежегодном выходе хазарского населения Итиля в месяце нисан (=апрель) на земледельческие работы (рассказ Б1).

Разработка рассказов об Итиле продолжалась и в XI столетии. Гардизи в основном повторил Ибн Русте, несколько видоизменив названия двух городов - Сарг.ш и Хил' - и расширив заключительную часть, где

сообщение о мусульманах дополняется указанием на какие-то подати. Второй компилятор, живший и писавший в том же XI веке, Бакри, следуя варианту Ибн Русте, называет два хазарских города: Бар'иш и Х.с.л.г.; в остальном Бакри в еще большей степени, чем Ибн Русте и Гардизи, смешивает рассказы А и Б, повторяя во многом Истахри - Ибн Хаукала. Близок к Бакри, хотя и относится к последующему столетию, Идриси - то же смешение рассказов А и Б, то же отсутствие разграничения между западной и восточной частями города: по словам Идриси, купцы и простой народ населяют обе части города. В отношении консервации рассказа А значительно большее значение, чем Идриси, имеет другой компилятор XII века - Марвази. В изданной пятнадцать лет назад части его обширного естественнонаучного сочинения сохранился и рассказ о двух хазарских городах; в отличие от Ибн Русте и Гардизи, Марвази не упоминает о мусульманском населении; сами города поименованы у него Сар'с и Х..л'. Марвази вместе с тем являет-ся последним компилятором, сохранившим полностью рассказ А. Мубарак-шах Марварруди (XIII в.) не упоминает уже о названиях обоих городов, весь рассказ у этого автора является скорее сокращенным изложением, чем компиляцией в точном значении этого слова.

К тому же XIII веку относятся Иакут, Насир ад-Дин Туей и Закарийа' Казвини. На первое место несомненно следует поставить Иакута, во-первых, потому, что в своих сообщениях о хазарах он ссылается на Ибн Фадлана, во-вторых, "географический словарь" Иакута несравненно полнее, чем какое-либо другое сочинение того же характера, отражает все известные варианты Истахри и Ибн Хаукала. Из отдельных разночтений у Иакута интересно упоминание имен хазарского царя; Иакут наряду с термином *бак* упоминает также *илк.* Но особенно достойным внимания является сообщение Иакута о главе итильских мусульман, *хаз,* избираемом каганом из состава своей гвардии, имеющем право руководства делами мусульманской общины, в том числе право юрисдикции. Это сообщение, не имеющее параллельных текстов, позволяет с еще большим вниманием отнестись к замечанию Иакута об Ибн Фадлане как источнике его сведений о хазарах. Менее полон, но также интересен текст, сохраненный географическим сочинением Насир ад-Дина Туей. Повторяя в общем персидский перевод, Насир ад-Дин Туей приводит параллельную Иакуту терминологию на персидском языке; как и у Иакута, хазарский царь поименован *бак.*

Представитель следующего за Йакутом поколения географов Закарийа' Казвини сохранил немногое из рассказа Б об Итиле. Из отдельных разночтений Казвини интересны наименование хазарского царя *б.л.к.* и сообщение о том, что стоянкою купцов (очевидно, заморских) была местность в устье реки. Последующие компиляторы Ибн Ийас и Хаджжи Халифа уже не вносят ничего нового и в детали рассказа.

Сравнение всех приведенных выше рассказов как в схематическом виде, так и в конкретной форме, бытовавшей в литературе Средневековья, показывает, что рассказ А резко отличается от других рассказов своей архаичностью и схематизмом. Не надо быть слишком проницательным, чтобы увидеть в нем отражение древнего предания об основании города. Легенды, как и монеты, стираются от длительного бытования - перед нами еле различимый, но все же заметный контур, эталоном для которого служит миф, с наибольшей яркостью запечатленный и персонифицированный в классических Ромуле и Реме, основателях Рима. Отличием хазарской легенды от римской является то, что возникла она не в среде оседлого земледельческого населения, а среди кочевников, для которых земледелие являлось не основным, а дополнительным занятием. Отсюда большая примитивность, сухость - создатели этой легенды еще не добрались до культурных высот римских мифотворцев. Архаизм и примитивизм - таковы характерные черты этого наиболее древнего по истории Итиля материала. Но и здесь и там - одно и то же: основание города приписывается двум именам. Что означают эти плохо фиксированные арабской графикой имена - названия героев-эпонимов? племен?

Попытка расшифровать эти загадочные начертания была предпринята еще французским издателем Бакри, арабского автора, впервые познакомившего европейскую филологию с рассказом о двух хазарских городах. В первом из двух названий французский издатель прочел имя - Ar'aich. Позднее И.Маркварт, используя мало отмеченное до того наблюдение Г.Вамбери о возможности понимания тюркского sary как "белый", прочел то же начертание, как "белый город". Еще позднее Ф.Вестберг, В.В.Бартольд и В.Ф.Минорский продолжили этимологический анализ Маркварта, читая встречающееся впервые в записках Абу Хамида ал-Гарнати название хазарского города Саксин как позднейший вариант имени первого города, упомянутого в рассказе А. Представляется, что этимологически эти гипотезы непременно должны быть связаны с расшифровкой названия Саркел. Название это, как известно, встречается в греческой форме в сочинении Константина Багрянородного и в форме *Ш.р.кил* в еврейско-хазарской переписке. История расшифровки этого названия

настолько почтенна, что сама по себе может стать темой для очерка. Среди отдельных предположений, высказанных разными исследователями и с весьма различных позиций, нас особенно привлекает расшифровка названия, как "белый дом", а также возможность идентификации Саркела с Итилем. Не входя в обсуждение вопроса о местонахождении хазарского Саркела - Ш.р.кила - "Белой Вежи" русских летописей, упомянем только, что название хазарского города в арабской графике из рассказа А Сарг.ш в обеих заметках вполне совпадает со значением Саркел, если принять во внимание, что чувашскому *л* (а через чувашские *шура* "белый", *кил* "дом" и расшифровывается Саркел) в тюркском языке соответствует *ш.* Слово *Сарг.ш,* короче говоря, может быть, как и Саркел, расшифровано "Белая Вежа". Как известно, сочетание "белая вежа" не такая уж редкость в топонимическом обиходе Восточной Европы, и на наш взгляд, нет ничего удивительного, если и крепость на Дону, и город на Волге носили одно и то же название. Такое предположение в значительной мере подтверждается выражением "Повести временных лет" о походе в 965 г. князя Святослава на хазар, когда он "и град их и Белу Вежю взя". Трудно предположить, чтобы летописец, назвав по имени донскую крепость, позабыл поименовать сам "град". Не правильнее ли предположить, принимая во внимание дату похода, что и в первой и во второй части перечисления захваченного Святославом разумелось одно и то же: не два города, а две части города, расположенные на разных берегах Итиля? В X веке, как явствует из рассказа Б, на правом берегу помещалась резиденция верховной хазарской власти, на левом был торгово-ремесленный "конец" Итиля. Летописец, соединяя союзом "и" слова "град" и "Белая Вежа", имел в виду захват Святославом не двух городов, а правую и левую стороны или концы одного и того же города.

Упоминание о правом конце, как о "белом", не является единственным в литературе. Рассказывая о походе в 119/737 г. халифа Марвана на хазар, Ибн ал-Асир говорит, что, пройдя хазарские города Баланджар и Семендер, арабские войска достигли ал-Байда' (в переводе "Белая"), где находилась резиденция кагана. Порядок и наименование городов, приведенных Ибн ал-Асиром, не одиноки в арабской литературе - те же самые города с добавлением отсутствующего у Ибн ал-Асира Хамлиджа мы находим у Ибн Хор-дадбеха (IX в.), о чем речь шла в предыдущем разделе. Что могло послужить для оправдания прозвища правого конца Итиля, как "Белая" или "Белая Вежа"? Первое, что приходит на ум, это, конечно, дворец, построенный из обожженного кирпича и находившийся, по словам рассказа Б, далеко от берега.

Происхождение названия "белая" может получить и другое объяснение. Истахри, Ибн Хаукал, Йакут и последующие компиляторы сохранили бесценное указание на деление хазар на два разряда, - один из этих разрядов именовался черными хазарами, другой состоял из белых хазар, "совершенных и красивых по внешнему виду". Это явно выступающее социальное деление у позднейших компиляторов совершенно элиминировалось, заменившись делением по цвету кожи: так, Ибн Ийас утверждает, что хазары делятся по цвету кожи на белых и смуглых. Имеются достаточные, нам кажется, основания предполагать, что название "белая" могло прилагаться к итильскому правобережью не только благодаря наличию там "вежи", т.е. башни, дворца, а просто потому, что это был центр, столица белых хазар. Если это наше предположение правильно, то на левом берегу мы должны разыскивать центр черных хазар.

Попытки расшифровать название второго хазарского города начались одновременно с расшифровкой первого наименования. Дефремери в названии второго хазарского города увидел слово *Hatslog.* Позднее В.В. Григорьев предложил то же начертание читать, как *хан-балык,* т.е. ханский город. В наше время высказывалось мнение о возможности чтения данного наименования как *хатун-балык,* т.е. город царицы. Как и все попытки, основанные на одном только чтении графически непонятного начертания, вышеупомянутые расшифровки не идут дальше предположения. Тем не менее предложенное В.В.Григорьевым решение, думается, может быть оправдано не только графической схожестью, но и соответствующим фактическим материалом. В этом отношении представляет значительный интерес рассказ о юноше, торговавшем хлебом на итильском базаре. Юноша, по словам источников, сохранивших этот рассказ, имел все основания занять вакантное место кагана, так как принадлежал к роду, из которого только хазары и выбирают каганов. Но, к несчастью, юноша исповедовал ислам, а престол хазарского кагана мог быть занят лишь тем, кто исповедовал иудаизм. Таким образом, присутствие члена рода кагана на базаре левобережья в качестве торговца хлебом свидетельствовало о несомненном упадке влиятельности этого рода. При отсутствии в те далекие времена легких переправ через Волгу можно предположить, что булочник - кандидат в каганы не переправлялся ежедневно с правого берега на левый для хлебной торговли, а проживал на левобережье, где находились и его родичи. Если все эти предположения правильны, то становится понятным, почему второй город рассказа А мог именоваться ханским городом, - здесь, именно на левом берегу, издревле был центр правящего рода, столица

кара-хазар.

В данном очерке мы не касаемся вопроса, "когда и как установлен был сей чудный образ правления", при котором верховный правитель, каган, произвольно избирался на престол, так же произвольно лишался и престола и жизни, а вся полнота власти сосредотачивалась в руках наместника, управлявшего всеми делами государства и командовавшего войсками. Одно нам кажется совершенно несомненным, что упомянутый образ правления означал преобладание одного знатного хазарского рода или племени над другим - белых хазар над черными хазарами. Итильская "Белая Вежа" уже во времена похода на хазар халифа Марвана означала своим названием не только наличие белой башни, но и перемещение фактической верховной власти в руки белых хазар. Этим только и можно объяснить сообщение "Худуд ал-'алам" о происхождении кагана или тархан-кагана из потомков наместника. В конце X века, когда составлялась среднеазиатским анонимом географическая компиляция, очевидно, факт поглощения верховной власти белохазарами уже завершился; во всяком случае, для посторонних наблюдателей, не принадлежавших к хазарскому придворному кругу, понятия "каган" и "наместник" объединились - каган превратился в потомка наместника, сам же титул наместника стал именем эпонима династии. Мы встречаемся с фактом смешения титула наместника и царского звания также в рассказе Б в сообщении о наименовании царя у хазар.

Наряду с названиями двух хазарских городов наши источники сохранили и другие топонимические обозначения для второй хазарской столицы. Прежде всего о самом слове "Итиль". Как явствует из раздела 1 рассказа Б, термином *Итиль* в арабо-персидской письменности называли реку, текущую, по словам географов, "от русов и болгар" к хазарам, а также город, расположенный на этой реке. В источниках мы встречаем несколько начертаний этого имени: Итиль, Исиль, Атиль, Афиль. Разнообразие начертаний, наблюдающееся главным образом в отношении первой и второй буквы слова, показывает, что само название Волги и хазарской столицы попало в арабо-персидскую письменность из чужого языка; записывавшие это слово арабской графикой, очевидно, не знали, как изобразить имеющимися в их распоряжении графическими средствами первый гласный и второй согласный звуки. Лишь с течением временем орфографическая традиция приняла начертание *Итиль,* и Иакут в своем "Географическом словаре" уже приводит это начертание как обязательное, сопровождая слово подробным орфографическим наставлением. Пространная редакция письма хазарского царя Иосифа содержит также название *Итиль,* правда, лишь в приложении к реке. Вряд ли все же это слово можно считать хазарским; как отмечал И.Маркварт, близким к слову Итиль именем в разных источниках назывались Дон и Днестр. Само содержание раздела 1 рассказа Б показывает, что в ранней письменности на арабском и персидском языках был период, когда название *Итиль* в применении к городу требовало пояснения, иначе незачем было авторам IX-X веков пускаться в те пространные объяснения, какие мы находим в их сочинениях. Ибн Хаукал - первый по времени автор, который не только свободно оперирует с понятием Итиль-город, но и конкретизирует его, сообщая, что под понятием *Итиль* разумелось лишь правобережье, западная часть, в то время как левобережье, или восточная часть, именовалось Хазаран, или восточный Итиль.

Перечисляя все эти отдельные наименования хазарской столицы, мы не должны забывать об отсутствии самих хазарских источников. Если не считать кратких и общих упоминаний в еврейско-хазарской переписке, то все, что мы знаем о топонимике Итиля, исходит из иноземной, по преимуществу мусульманской, колонии. Быть может, даже само разнообразие этих названий объясняется в значительной мере не происходившим исторически процессом замены одного названия другим, а таким случайным обстоятельством - откуда и каким путем попадало это название в восточную письменность. И все же, несмотря на все эти оговорки, преобладание в географической литературе на арабском и персидском языках общего наименования для правобережья и левобережья означало очень многое. Это значило прежде всего, что существовавшие ранее полуоседлые населенные пункты превратились в единый город. Это значило далее, что Итиль начал играть все большую и большую роль не только как центр каганата, но и как крупнейший торговый центр, о котором хорошо было наслышано все купеческое каспийское побережье.

Разделы 2, 3, 4 рассказа Б рисуют структуру этого города. Было бы, конечно, неосторожно, если бы мы попытались передать полностью этот рисунок как вполне понятный и ясный. Увы! Многие, и притом очень существенные, вопросы топографии и истории Итиля не могут быть разрешены даже в гипотетическом виде, и неизвестно, найдутся ли когда-либо материалы, необходимые для их разрешения. Но все же кое-что, хотя не совсем четкое и ясное, может быть определено и в настоящее время.

Раздел 2 и отчасти 3 рассказа Б касаются западной части города, где находилась, по словам наших источников, резиденция царя и ближайшего его окружения. Эта часть города, сообщает Истахри, была окружена крепостной стеной, из которой четверо ворот вели к реке и к югу, в степь. Ибн Хаукал, обычно следующий за текстом Истахри, утверждает, что не одна, а обе части города были окружены стеной; по-видимому, тот же смысл мы должны видеть у Мукаддаси в не совсем ясной фразе о городе, окруженном стенами. Представляется, что утверждения Ибн Хаукала - Мукаддаси вряд ли могут быть оправданы реальными фактами и являются, по-видимому, результатом каких-либо недоразумений с текстом, быть может, даже не по вине самих авторов. Побывавший в XII веке в хазарском городе гренадский путешественник Абу Хамид приводит точные промеры ширины реки зимою - 1840 шагов. При наличии приблизительно полутора километров речной глади, отделявших одну сторону Итиля от другой, можно ли всерьез говорить о единой крепостной стене? Из построек внутри этой крепостной стены мы довольно явственно различаем два дворца; о двух дворцах говорит Истахри, утверждая, что дворец кагана выше, чем дворец царя-наместника; два дворца мы встречаем у Мас'уди в рассказе В. Называя эти сооружения дворцами, мы имеем в виду, что это были не шатры или глинобитные сооружения, а строения, сооруженные по последнему слову строительной техники того времени, резко выделявшиеся своим внешним видом из среды других городских сооружений. Наши источники единодушно утверждают, что дворец кагана был сооружен из обожженного кирпича и что никому больше в Итиле не разрешали строить из упомянутого материала. Сообщения арабо-персидских источников весьма убедительно перекликаются с известным рассказом Константина Багрянородного о построении византийцами по просьбе хазарского кагана крепости из кирпича. Локализация этого рассказа за временем правления императора Феофила (829-842) дает представление о времени построения крепостной стены и кирпичных дворцов итильского правобережья; естественно думать, что столичные царские сооружения были поставлены не позже, чем крепостные стены Саркела, понимая под последним крепость на Дону. На значительность размеров этих дворцов указывают и косвенные данные: число людей, составлявших ближайшее окружение кагана и царя-заместителя, достигало четырех тысяч, кроме того, у кагана было 25 жен и 60 наложниц, и, конечно, весь состав гарема располагал своим штатом прислуги. Источники считают, что западная часть равнялась примерно одному фарсаху, из чего можно заключить, что внутри крепостной стены были не только здания, но и сады. Из четырех ворот, выходивших из крепости, особенное значение имели ворота, ведшие на речное побережье, - так мы переводим выражение Мукаддаси. Эти ворота вели к стоянке довольно обширного у хазар флота и к местности в устье реки, которую Закарийа' Казвини называет стоянкой купцов (очевидно, заморских); здесь с приезжих гостей бралась торговая десятина.

Общие изменения в государственном устройстве хазар, очевидно, оказали свое влияние и на структуру западной части города. По словам Мас'уди, каган вместе со своим гаремом находился внутри дворца царя-наместника, не имея права сесть на коня или показаться народу. Только учитывая такую изолированность кагана, можно понять обряд ежедневного торжественного посещения кагана царем-наместником. Мукаддаси называет вообще всю крепость "дворцом султана"; именно у этого дворца, по его словам, а не у крепости, были ворота с выходом на речное побережье к стоянке судов. Мас'уди также принадлежит сообщение о дальнейшем росте резиденции хазарского кагана - два дворца оказались теперь не далеко от берега, как описывали их местоположение Истахри и Ибн Хаукал, а на острове. С острова на берег (на правобережье) был протянут мост из лодок (рассказ В). Краткая и пространная редакция письма царя Иосифа также содержит упоминание о трех городах, составляющих хазарскую столицу: в одном из этих городов жил царь, в другом - царица и в третьем - представители разных племен и народов; если "дворец царя" помещался на острове, то надо думать, что "городом царицы" стало беловежское правобережье, куда, наверное, и вел с острова мост из лодок. Поздним, но небезынтересным в сравнительно-текстологической работе является сообщение Ибн Са'ида (XIII в.) об Итиле, состоящем из трех частей. В отличие от всех предшествующих источников, Ибн Са'ид делит хазарскую столицу не на западную и восточную часть, а на южную, где, по его словам, жили мусульмане, северную, занятую иудеями, христианами, магами, и остров, где проживал каган. Описание Ибн Са'ида заканчивается пересказом сообщения Ибн Хаукала об уничтожении русами "султанства" хазар.

Влияние мусульманской колонии в Итиле, через которую и проникали главным образом сведения о хазарах и их столице в географическую науку Прикаспия, сказалось всемерно на характеристике Хазарана, восточной части города. Суммируя эти сведения, один из современных авторов, занимавшихся историей Итиля, пишет следующее: "Наиболее подробно описана в источниках восточная часть Итиля, носящая имя Хазаран. Это торговая и наиболее оживленная "сторона". Здесь жили ремесленники, которых хазарский каган облагал податями *(ваза'иф),* купцы и масса чернорабочего люда". По словам Мас'уди, купцы и ремесленники, не говоря

уже об *арсийа,* пришли в страну хазарского царя по причине его справедливости и безопасности. По составу своего населения Хазаран был весьма пестрый город, каким должен быть огромный рынок, куда стекались товары из Восточной Европы от русов, славян, буртасов, хорезмийцев и других народов Средней Азии, Китая, Ирана и Закавказья. Среди купцов более всего было мусульман; по словам Ибн Хаукала, их здесь было больше десяти тысяч человек, не считая наемной гвардии из хорезмийцев. Подобная характеристика Хазарана, а за ним и всего Итиля твердо вошла в научный обиход и может быть при надобности иллюстрирована многими примерами. Не отрицая ни в малейшей степени международного торгового значения Итиля (Хазарана), влиятельности его купеческой колонии, в том числе и в первую очередь мусульманской, мы все же полагаем, что основную и самую большую часть итильского населения составляли не купцы-иноземцы, не ремесленники и даже не хорезмийцы, а собственно хазарское население, стоявшее, как то видно из рассказов А и Б1, на грани между скотоводческим и оседлым земледельческим бытом. Это именно то население, которое историки именуют простонародьем и которое, по словам Идриси, находилось как в восточной, так и в западной части города. Многие рассыпанные здесь и там в наших источниках намеки указывают на жизнь и деятельность этого населения.

По сравнению с роскошными царскими дворцами из обожженного кирпича общий вид городских жилищ представлял довольно унылое зрелище. По большей части это были шатры, вряд ли чем существенным отличавшиеся от шатров настоящих кочевников, да глинобитные, врытые в землю мазанки, не менее примитивные, чем и сами шатры. Скотоводство, которым продолжало заниматься население Итиля и по оседании в городе, наложило свой неизгладимый отпечаток на весь облик хазарских "улиц" и "площадей", названия которых не знает ни одно описание хазарской столицы. Да и можно ли было так назвать песчаное пространство, покрытое кое-где жидкой степной растительностью, на котором нередко можно было встретить пасущиеся отары овец и верблюдов. И в X веке, в период самого расцвета международной торговли, итильское население славилось умелой выделкой кошм; по словам Ибн Ийаса, покрывавшие шатры кошмы отличались такой прочностью, что их не мог промочить дождь.

Но все же, как ни примитивно было по своему занятию и образу жизни большинство итильского населения, но и оно ушло далеко вперед от своих предков, запечатлевших свое существование легендой о двух хазарских городах. Весьма характерно для традиционности средневековой литературы, что то новое, что пришло в жизнь итильского населения, отпечаталось структурно в той же форме, что и рассказ А. Но если в рассказе А скотоводческое население двух хазарских городов уходило в степь для выпаса скота, то население рассказа Б1 идет весною не в степь, а на поля для сельскохозяйственных работ, оно собирает урожай, "повершье", как правильнее всего следует переводить арабский термин, и этот собранный урожай везет на лодках и повозках в город.

Наличие повозок и лодок говорит о местном плотницком, столярном деле - все это невольно заставляет вспомнить замечательное наблюдение Ибн Хаукала об итильских "шатрах из дерева", заменивших, очевидно, шатры из кошмы.

Скотоводы и земледельцы, жители Итиля, были одновременно рыбаками и отважными мореходами. Не случайно после захвата князем Святославом хазарского "града" итильское и самандарское население бежало на острова Каспийского моря - очевидно, путь на эти острова был хорошо знаком местным капитанам и лоцманам.

Часть 2.

КАГАН и БЕК

Анализируя в предыдущем разделе топонимические названия первой хазарской столицы, мы уже упоминали, что рассказ о Семен-дере является прототипом схожего структурно рассказа об Итиле. Отсюда - наша уверенность, что Хамлидж и Баланджар - две части одного и того же хазарского центра, начавшего именоваться в более поздней традиции единым, как и Итиль, названием Семендер. В основе этого явления находился симбиоз двух господствующих в Хазарии родов и племен. Время расцвета Хамлиджа - Баланджара (Варачана) - Семендера было временем первоначальной организации каганата. Направленное своим острием на обеспечение прав знати, это первое хазарское государство не отличалось, конечно, централизованностью, а представляло союз между двумя сильными господствующими племенами. Слова панегирика Бухтури о Хамлидже или Баланджаре говорят, что и в конце IX века, т.е. почти два столетия спустя после захвата первой хазарской столицы арабами, еще свято хранилась традиция равноправности обоих центров, где, как обычно в таких случаях, находились святые места и почитаемые могилы обоих хазарских племен, стоявших во главе каганата.

Наши источники сохранили видимые следы этого периода истории хазар. У хазар - два царя, утверждает широко распространенная в арабо-персидской литературе традиция: один - наибольший, другой - его заместитель (наместник). Наименьший царь- государь только по имени, он не общается ни с кем, кроме высших вельмож, не показывается народу, не решает дел и не управляет. Заместитель управляет государством, предводительствует войсками, появляется перед народом, сносится с царем.

Приведенная характеристика хазарского двоевластия представляет собою только схематическое обобщение. Наблюдая бытование этого сообщения конкретно в дошедшей до нас письменности на арабском и персидском языках, мы встречаемся не с одним, а с двумя - и довольно разными в деталях - рассказами. Первая редакция восходит к сочинению Ибн Русте. По его словам, наибольший хазарский государь носит наименование *хазар-хакан,* а его заместитель - *иша.* Последний предводительствует войском и решает дела, "не обращая внимания на кого-либо выше его". Следует отметить, что текст Ибн Русте в определении функций второго правителя не совсем исправен, и Д.А.Хвольсон при передаче его должен был прибегнуть к конъектурам. Мало в данном случае разъяснила и последующая публикация текста Гардизи. Именуя наибольшего царя, как и Ибн Русте, *хазар-хакан,* Гардизи называет его заместителя *абшад* и считает его функциями руководство (букв. средоточение) всеми делами управления и свиты. Суверенность абшада определяется формулой "никого нет больше абшада". Вторую редакцию того же рассказа о хазарском двоевластии следует вести от Ибн Фадлана. И в деталях и терминологически редакция Ибн Фадлана, как она не полностью представлена в мешхедской рукописи и полностью у Иакута, весьма отлична от первой редакции. Наибольший царь назван у Ибн Фадлана "великий хакан", а его заместитель - *хакан-бех',* последнего, по словам Ибн Фадлана, замещает вельможа, именуемый *к.нд.р-хакан,* а этого последнего - *джавшигар.* Но несмотря на очевидную оригинальность и детальность второй редакции в том виде, как она дошла до нас, она не представляет собою единого концентрированного повествования. Впервые с этой темой у Иакута мы встречаемся в повествовании опять-таки со слов Ибн Фадлана о хазарской столице. Описывая конец Итиля, где живет царь, Йакут замечает: "называется царь на их языке *алк,* а также *бак".* Последний термин не может не напомнить приведенного выше *бех, бах.* Государственная структура, подобная хазарской, упоминается Иакутом при описании обычая царя русов, у которого якобы имеется такой же заместитель. Наконец, сам основной текст о двух царях у Иакута также не является непрерывным - он разорван сообщением о ежедневном посещении верховного правителя царем-заместителем. Все это указывает, что Иакут черпал свои сведения на нескольких источников, восполняя по ним то, что отсутствовало в использованной им рукописи Ибн Фадлана. Отсюда, быть может, черты сходства между первой и второй редакциями: функциями заместителя кагана как по мешхедской рукописи, так и у Иакута являются предводительство войском (выражение, совпадающее с текстом Ибн Русте) и руководство государством - выражение, совпадающее с текстом Гардизи. Мас'уди близок в описании кагана к тексту Иакута; по его словам, каган и "не понимает", что значит сесть на коня, он не показывается ни знати, ни простому народу, не выходит из своей резиденции, ничего не приказывает. Истахри, как и Йакут, дважды останавливается на теме. Первый раз - при описании Итиля, где сообщается, что живущий в западной половине города царь именуется на язы^е хазар *б.к.* или *бак,* - в персидском переводе Истахри оба термина

соответственно изображены *м.л.к.* и *бал.* Второй раз Истахри специально говорит об образе правления у хазар. В отличие от Ибн Русте, он называет наибольшего царя не *хазар-хакан,* а *хакан-хазар,* заместитель наибольшего царя назван "царь хазар". Определение негативных функций кагана сведено лишь к указанию об отсутствии у него права приказа и запрещения. Ибн Хаукал следует достаточно точно за текстом Истахри. Последующие авторы мало что вносят в разработку темы. Мукаддаси в хазарской части своего описания не упоминает вовсе о двоевластии. Даже, казалось бы, чисто хазарские документы - письма царя Иосифа - лишь очень глухо говорят об интересующей нас теме. В рассказе об обращении хазар в иудаизм упоминается наряду с царем Буланом некий "главный князь", в котором можно видеть царя-заместителя арабо-персидских источников. "Худуд ал-'алам" путает хазар с буртасами, у которых, по словам среднеазиатского анонима, - два царя, не общающихся друг с другом. Более ценно сообщение того же источника, находящееся в описании Итиля, о проживающем в западной половине царе, который называется *тархан-хакан* и происходит из детей анса. Последний термин графически легко сопоставляется, как уже было упомянуто с *иша* Ибн Русте. Закарийа' Казвини в рассказе об Итиле сохранил лишь реликт темы: великий царь у хазар называется *б.л.к.* Глухим отголоском той же темы следует считать другой отрывок из космографии Закарийа' Казвини, посвященный описанию города Бахи. Как и Итиль, город Бахи населен последователями различных религий: мусульманами, христианами, иудеями и идолопоклонниками, во главе правления находится великий царь, преисполненный силы и справедливости, называемый *бахи* - слово, которое не может не напомнить титул хазарского царя-заместителя у Ибн Фадлана - Иакута. В параллельном отрывке Ибн Ийаса, несколько сокращенном по сравнению с текстом Закарийа' Казвини, отсутствует наименование царя, обладающего, по словам Ибн Ийаса, "великим могуществом". Последний из известных нам компиляторов, включивших в свое сочинение тему о двух царях у хазар, был Димашки. Следуя за вариантом Истахри - Ибн Хаукала, Димашки именует наибольшего царя хакан-хазар; по словам Димашки, он "управляет царством, но нет у него права распоряжения".

Как явствует из всего вышесказанного, тема о двоевластии, широко распространенная в арабо-персидской литературе X века, начинает затем вырождаться, пока не исчезает совершенно. Для мусульманских писателей, воспитанных на монархическом принципе организации государственной власти, хазарское двоевластие было фактом достаточно экзотическим и малообъяснимым. Близкие связи с Нижним Поволжьем служили реальным основанием для популярности рассказа о двоевластии в соседних с хазарами странах. Уничтожение принципа двоевластия и падение самого каганата стали решающим фактором для потери интереса к рассказу. Реальное наблюдение мало-помалу превращалось в побывальщинку, эпизод из полуфантастических "чудес" - любимого чтения того времени. И все же дошедшие до нас сообщения хранят весьма ценный фактический материал, несмотря на многочисленные исследования все еще мало использованный и не приведенный в систему. В особенности сказанное касается терминологии. В настоящее время мы можем говорить без всякого преувеличения о школах в исследовании хазарской терминологии, включая в это понятие топонимику, имена собственные, титулатуру. Среди этих направлений, точек зрения и всякого рода суждений все большую и большую роль начинает занимать тюркология. Именно тюркологам с наибольшей ясностью удалось показать значение того или иного термина, выяснить его этимологию. И все же, несмотря на произведенную наукой большую и плодотворную работу, многое еще остается неясным, требует дальнейших сопоставлений и обобщений.

Верховный глава государства, сравниваемый некоторыми источниками с суверенными владыками Китая и Византии, каган носил титул, который отнюдь не являлся его личной монополией, а был, если так можно выразиться, расхожим титулом многих тюркских и нетюркских государей. Ибн Хордадбех, замечая, что цари тюрок, Тибета и хазар именуются хакан, приводит далее в разделе, описывающем почетное прозвище царей Хорасана и Востока, еще шесть лиц, носивших тот же титул. "Худул ал-'алам" в число лиц, носивших титул кагана, кроме повелителей Тибета, киргизов, хазар, включает также и русов, что дало повод одному из исследователей говорить о "докиевском" норманнском государстве на Средней Волге под главенством кагана. Но что еще примечательнее - это существование в самой Хазарии нескольких лиц с тем же титулом: таковы упоминавшиеся выше в отдельных вариантах рассказа заместитель хазарского царя - *хакан-бех,* а также *к.н.др. - хакан.* Титул этот обычно ставился на втором месте, следуя за названием-определением. Исключением из этого правила являются текст Истахри - Ибн Хаукала, где вместо хазар-хакан находится хакан-хазар, что несомненно отражает тенденцию арабизиро-вать тюркское строение двучленного титула, и тексты Йакута - Ибн Фадлана, где первый заместитель кагана поименован хакан-бех. Следует также отметить, что мы не замечаем в наших источниках какого-либо стремления употреблять слово *хакан* в ином смысле, чем для обозначения царя. Это только царский титул. Таков вывод, который напрашивается сам собою из просмотра источников,

составляющих Свод. Очевидно, малым знакомством арабской и персидской письменности IX-X веков с тюркской титулатурой можно объяснить, что термин *бек,* зафиксированный у Йакута в начертании^.к. (пех - Константина Багрянородного), встречается у того же Йакута и других авторов как *б.л.к, бак,* даже *бахи.* Результат ли это слепой компиляции? Или под неразборчивыми начертаниями кроется другой малоизвестный титул? При отсутствии хазарской письменности ответить на этот вопрос невозможно. Но уподобление второй части титула *хакан-бех коган-беку* решает, во всяком случае, вопрос о варианте наименования хазарского царя-заместителя - *аиша* или *иша* у Ибн Русте, *абшад* у Гардизи. Очевидно, что стремление видеть в первой части этого наименования разновидность того же бех не выдерживает серьезной критики. Отсюда весьма закономерна попытка ряда исследователей читать термин, как *иль-шад* (Маркварт), *аба-шад* (З.В.Тоган), *алп-шад* (Зайончковский). Эта дешифровка представляется убедительной, ибо термин *шад,* как отмечалось в литературе, встречается как в памятниках древнетюркской письменности, так и в армянских источниках, повествующих о хазарских набегах. И все же, сколь бы убедительна ни была упомянутая дешифровка, она не может окончательно рассеять сомнения, особенно если мы, оторвавшись от чисто лексического анализа, обратимся к тексту, где этот термин находится. Рукопись сочинения Ибн Русте уникальна; Гардизи известен лишь по двум поздним рукописям. Ни в каких других сочинениях, скомпилировавших сообщение, мы не находим интересующих нас терминов. Какие же серьезные основания имеются в этих условиях для предпочтения Гардизи Ибн Русте? И уж если говорить об основаниях, то не Гардизи, а именно Ибн Русте может быть в чтении интересующего нас слова сопоставлен с "Худуд ал-'алам": слова эти разнятся друг от друга лишь в диакритических знаках, легко смешиваемых при переписке. В этих условиях трудно освободиться от соблазна видеть в непонятных знаках не титул, а имя собственное типа арамейского Ир'шуа, отличное от привычного арабского начертания имени Иисус. Конечно, это только догадка, на которой вряд ли можно настаивать обоснованно. Но возможность такого толкования не исключена, во-первых, вследствие существования иудаизма среди хазарской верхушки в это время и, во-вторых, из-за употребления этого слова в "Худуд ал-'алам" в качестве имени собственного.

Среди интересных, но все еще загадочных сообщений "Худуд ал-'алам" безусловно фраза о происхождении хазарского царя *тархан-хакана* от потомства или детей анса принадлежит к самым важным и наименее разобранным исследователями. Прежде всего о самом титуле *тархан-хакан,* заменившем в "Худуд ал-'алам" титул *хазар-хакан* других источников. Такая замена в "Худуд ал-'алам" не является чем-либо оригинальным и новым. Ибн Хордадбех, совершенно очевидно повлиявший на "Худуд ал-'алам" в отношении списка каганов, оказался и в данном случае явным источником среднеазиатского анонима. В сохранившемся в сочинении Ибн Хордадбеха знаменитом описании путешествия Саллама ат-Тарджумана в страну Йаджуд и Маджудж [Гога и Магога] хазарский царь поименован также *тархан,* хотя тот же Ибн Хордадбех в цитированом уже перечислении тюркских царей-хаканов упоминает титул *тархан* как обозначение "малых тюркских царей". Как случилось, что хазар-хакан, один из могущественных государей Востока, переменил свой титул на меньший по значению, объясняет нам вторая половина рассматриваемого сообщения "Худуд ал-'алам". Во времена, когда составлялось географическое сочинение среднеазиатского анонима, верховная власть была сосредоточена в руках династии заместителя царя. Иначе говоря, двойственная организация верховной власти, оставаясь, быть может, еще в какой-то мере соблюдаемым ритуалом, фактически изжила себя. Царь-заместитель объединил в своих руках всю возможную полноту власти. И второе: реальная власть стала наследственной в одной определенной династии. Понимая так рассматриваемый отрывок "Худуд ал-'алам", мы получаем объяснение противоречию, находящемуся в отрывках Истахри и Ибн Хаукала о двух царях у хазар. Истахри сообщает о праве царя-заместителя возводить на престол кагана. Ибн Хаукал, в противоположность Истахри, считает, что каган назначает царя-заместителя, предварительно испытав, "в состоянии ли тот перенести тяготы царствования, каковы его недостатки и не будет ли от него какого-либо упущения или пренебрежения в деле правления". Весьма примечательно, что исследователи, занимавшиеся письмами-ответами хазарского царя Иосифа, тоже выражают недоумение - являлся ли Иосиф каганом или царем-заместителем. Все это свидетельствует о весьма важном периоде Хазарского каганата: каган Иосиф представлял собою ту историческую фигуру, при которой, очевидно, получил окончательное завершение длительный и болезненный процесс, когда хазарское двоевластие уступило место единовластию. В этих условиях вполне объяснимо многое, остающееся до сего времени непонятным в содержании еврейско-хазарской переписки. Объединив в своих руках всю полноту верховной власти, хазарский тархан-хакан в письмах, направленных к кор-довскому вельможе, заявлял претензии на генеалогическое древо, где смешались самым причудливым образом библейские предания с тюркским фольклором, и провозглашал одновременно монархический принцип наследования верховной власти: "Чужой не может сидеть на престоле наших предков, но [только] сын садится

на престол своего отца". Задаче популяризации этой же идеи в значительной мере посвящен отрывок из письма неизвестного хазарского еврея X века, так называемый кембриджский документ. С достаточной долей уверенности можно высказать предположение, что рассказ Закарийа' Казвини - Ибн Ийаса о городе Бахи, т.е. принадлежащем баху, беку, связан с этим же периодом, когда царь-наместник превратился в полновластного тархан-хакана, а формально суверенный владыка - хазар-хакан, по словам Мас'уди, содержался вместе со всем гаремом внутри дворца царя-заместителя.

Наши источники не дают связного повествования обо всем этом процессе. Мы собрали отдельные сообщения о кагане и царе-заместителе. Разрозненные и противоречивые, эти сообщения, тем не менее, - неотъемлемый материал одной и той же темы.

1. Выше нам уже пришлось говорить об условиях, которым должен был удовлетворять кандидат в каганы: принадлежность к одному определенному (древнему) роду и исповедание иудаизма. Зная эти условия, подтвержденные провозглашением принципа наследования власти в письмах царя Иосифа, несколько неожиданно читать в наших источниках о правилах и обычаях, которыми регулировалось начало и продолжительность царствования кагана. Истахри - самый ранний из авторов, сообщающих об оригинальной традиции, связанной с интронизацией кагана. По его словам, претендента на сан кагана приводят к царю-заместителю и душат шелком чуть не до смерти, одновременно спрашивая, сколько лет желает испытываемый царствовать. Цифра, которую называет в этих условиях претендент, считается обязательной: если каган переживает названную им цифру лет, его умерщвляют. Персидский перевод Истахри уточняет: обряд удушения производится, когда этого государя, т.е. хазар-хакана, посадят на царство. Рассказ Ибн Хаукала значительно пространнее и в основном сообщает те же детали, что Истахри. Однако по смыслу, как уже указывалось выше, текст Ибн Хаукала прямо противоположен Истахри, так как у него каган назначает и он же, испытуя, душит царя-заместителя. Димашки сообщает детали, отсутствующие у Истахри и Ибн Хаукала: ответ испытуемого записывается и свидетельствуется присутствующими при процедуре удушения. Невольно сопоставляешь сказанное с одним из вопросов Хасдая ибн Шафрута хазарскому царю: "Каким путем получается царская власть?" - не этот ли диковинный обряд хазарской интронизации имел в виду культурный кордовский царедворец?

К этому же десятому столетию принадлежит и другой рассказ, впервые встречающийся в сочинениях Мас'уди. Если случилась засуха, сообщает Мас'уди, война с каким-либо народом или другое несчастье (букв. дело из дел), то направляются простой народ и знать к царю с требованием убить правящего кагана. Мас'уди утверждает, что царь иногда передавал кагана в руки народа, иногда сам убивал, но случалось, что царь и защищал кагана. От Ибн Фадлана в передаче Йакута идет еще одна версия рассказа – о сроке правления кагана. Если правление кагана превосходит сорок лет, то такого кагана убивают, мотивируя убийство уменьшением разума кагана. Ибн Ийас считает, что наряду с убийством возможно простое смещение кагана.

2. Несмотря на условность и зависимость хазарской верховной власти, царствующий каган был окружен необыкновенным пиететом. Даже царь-заместитель, от волеизъявления которого зависел выбор кагана и длительность его пребывания на троне, в присутствии кагана должен был соблюдать самые унизительные церемонии. Источники, составляющие Свод, сохранили нам два варианта рассказа о церемонии посещения кагана. Первый вариант принадлежит Ибн Фадлану и находится в составе мешхедской рукописи и у Иакута. В мешхедской рукописи текст неисправен и может быть реставрирован только путем сравнения с текстом Иакута. Но и у последнего не все ясно. Согласно Йакуту, царь-заместитель - хакан-бех - ежегодно посещает кагана босой, "держа в своей руке дрова", которые и зажигает. Покончив с этой необычной в царском ритуале церемонией, царь-заместитель садится на трон с правой стороны от кагана. Далее у Иакута следует описание хазарской иерархии, приведенное выше. Так как это описание идет непосредственно после рассказа о церемонии с дровами, можно предполагать, что таков был вообще распорядок мест в присутствии кагана: *хакан-бех, к.нд.р.-хакан, джавшиг.р.* Второй вариант рассказа представлен текстами Истахри, Ибн Ха-укала и их позднейшего компилятора Димашки. Все тексты лишь в весьма незначительной степени разнятся друг от друга. Согласно второму варианту, правом посещения кагана пользуется царь-заместитель, а также те, кто относится к его разряду, - последнее выражение не разумеет ли тех же лиц, что упомянуты Йакутом? В отличие от текста Иакута, посещение кагана царем-заместителем происходит не ежедневно, а в зависимости от необходимости. Войдя в помещение, где находится каган, посещающие должны опуститься на землю, поклониться, затем встать поодаль; только по совершении всего этого ритуала посетители получают разрешение приблизиться к кагану.

3. К Ибн Фадлану восходит одно из старейших описаний выезда кагана. В мешхедской рукописи текст неисправен и может быть реконструирован по Йакуту; такая реконструкция тем более законна, что сам Иакут весь отрывок о хазарах приписывает Ибн Фадлану. Тема у Иакута приводится в сокращенном изложении: когда каган ("великий царь") едет верхом, за ним на расстоянии одной мили движется все войско, при приближении царского кортежа поддан ные падают ниц и лежат так, не поднимая головы, пока не проследует царский поезд. Параллельным текстом к варианту Иакута является Закарийа' Казвини, сохранивший более полную редакцию: по словам Закарийа' Казвини, хазарский царь выезжает один раз в четыре месяца; когда он едет верхом, между ним и войском расстояние в одну милю, встречные обязаны падать ниц и оставаться в таком положении, пока царь не проедет мимо. Четыре месяца, упомянутые Казвини, фигурируют также в еврейско-хазарской переписке, как указание на протяженность хазарской страны при ее ежегодном объезде царем. Наряду с общим для еврейско-хазарской переписки и наших источников наблюдением мы встречаем другое, старейшая версия которого находится у Истахри. Согласно Истахри, каган выезжает лишь в том случае, если разразится великая война; ни тюрки, ни другие народы (букв. неверные), находящиеся на пути кагана, не могут взирать на кагана, а должны из уважения к нему удаляться и прекращать усобицу. Персидский перевод Истахри причиною выезда кагана считает "некое большое дело". Этот же мотив упоминает и Ибн Хаукал; встречные, по словам Ибн Хаукала, обязаны были при виде царя падать ниц, воюющие - прекращать усобицу. Димашки повторяет вариант Истахри - Ибн Хаукала с тем, однако, отличием, что причиною выезда кагана называет не войну, а великое несчастье.

4. Выше мы приводили слова Мас'уди о местопребывании кагана внутри дворца царя-заместителя. Источники сообщают некоторые детали, связанные с резиденцией кагана. По словам Истахри, у кагана был трон и золотой кубба; Ибн Хаукал помещает трон внутри кубба. Слово *кубба* А.П.Ковалевский при разработке терминологии в тексте Ибн Фадлана - Иакута принимал в большинстве случаев за "палатку", "юрту". Такое именно толкование слова при переводе текста Иакута, рассказывающего о гареме хазарского кагана, переносит читателя скорее в быт степняка-кочевника, чем в дворцово-крепостную обстановку итильского правобережья. Думается, что в рассматриваемых сообщениях под словом *кубба* можно разуметь балдахин, намет. В таком толковании слова становится понятным определение - золотой, из золота. В рассказах о Семендере Ибн Ийас также упоминает о троне хазарского царя из золота, "для которого не хватает описания из-за красоты его". Сообщение о троне и кубба заканчивается у Истахри - Ибн Хаукала указанием: место кагана всегда выше места царя-заместителя.

5. Своеобразным положением кагана в государственно-правовых воззрениях объясняется, очевидно, тот странный ритуал, что сопровождал похороны суверена. В переводе А.П.Ковалевского отрывок Йакута представляется в следующем виде: "...обычай [относительно] наибольшего царя [тот, что] если он умрет, то строится для него большой двор, в котором [имеются] двадцать домов, и в каждом из этих домов для него вырывается могила. Измельчаются камни настолько, что они делаются похожими на глазной порошок, и расстилаются в ней, и поверх этого накладывается негашеная известь. А под [этим] двором [имеется] река, и [эта] река большая, [быстро] текущая, и они помещают [проводят] эту реку над этой могилой и говорят: "Чтобы не добрался до нее ни шайтан, ни человек, ни черви, ни насекомые". Когда он похоронен, то рубят шеи тем, кто его хоронит, чтобы не было известно, в каком из домов [находится] его могила. Могила его называется рай, и говорят "Он вошел в рай". Текст цитированного отрывка не совсем ясен; слова *дар* и *бейт,* переведенные соответственно как *двор, дома,* могут быть трактованы как одно помещение, деленное на двадцать покоев. Так трактовал эти слова Х.М.Френ, что сначала было принято и переводчиком данного текста, а потом категорически отвергнуто. Вызывает сомнение фраза о реке, которую проводят над могилой. И все же основной смысл всего этого отрывка ясен: возводимый на трон несколько необычным для суверенного правителя способом, хазарский каган по смерти "уходил в рай"; принимались все меры, дабы стереть какой-либо намек на его физическое существование.

Наряду с этим безвестным захоронением существовали царские могилы, являвшиеся местом поклонения. Истахри рассказывает: никто не может проехать верхом мимо царской могилы, не спешившись, никто не садится на коня, пока не удалится на достаточное расстояние. Ибн Хаукал и Димашки повторяют Истахри. В сообщении упомянутых авторов не указано точно, о каком из двух царей идет речь. Сравнение с рассказом Йакута показывает, что речь в данном случае идет о могиле царя-заместителя.

Рассмотрение всех этих сообщений дает основание утверждать, что во времена, когда составлялся наш Свод,

хазар-хакан представлял собою скорее символ суверенной власти, чем самую власть. Возникнув в глубокую старину (слово *хакан* встречается в орхонских надписях), каганат объединял племена, правящий род которых и был носителем верховной власти; как мы предполагаем, таким родом был один из кара-хазарских родов, продолжавший и в X веке поставлять кандидатов в каганы. Два обстоятельства могут указывать на древность и архаичность этого института: первое - это роль народных масс в судьбе кагана. Как сообщает Мас'уди, простой народ может требовать не только смещения, но и казни кагана, в правление которого хазар постигло какое-либо значительное несчастье. Передаваемая Мас'уди традиция отражает те времена хазарского общества, когда первобытная военная демократия могла назначать и смещать своего верховного главу. Это, в свою очередь, не может не напомнить следующих строк из так называемого кембриджского документа: "И не было царя в стране хазар, а того, кто одерживал победы на войне, они ставили над собою военачальником...". К тем же примитивным архаичным временам уводит нас и второе наблюдение: наличие древних тюркских воззрений, отразившееся как на генеалогии кагана, так и в особом почитании цифры четыре и производных от нее: сорок лет правления кагана; выезд кагана из резиденции на четыре месяца; четыре тысячи мужей - ближайшее окружение кагана и т.д.

Трудно или, вернее, даже просто невозможно наметить время, когда это архаическое примитивное общество превратилось в классовое, когда, выражаясь терминологией наших источников, из среды простого народа выделилась знать и среди хазар установился, как указывалось выше, обычай, поражавший даже восточных писателей, падать ниц перед уважаемыми людьми. Изменение в военной хазарской организации и узурпация всей полноты власти царем-заместителем - таковы отдельные, но яркие показатели происходивших процессов.

Истахри и параллельные ему тексты сохранили указание на старинную форму этой военной организации. По словам Истахри, войско царя состояло из двенадцати тысяч мужей; когда умирал один из воинов, на его место приходил другой; у этого войска не было определенного постоянного содержания, воины получали что-то очень незначительное, и то лишь в случае войны или приказа собраться к царю. Персидский перевод Истахри включает детали, отсутствующие в арабском оригинале: двенадцать тысяч мужей, составляющих войско царя, в персидском переводе названы дружинниками; сообщая, как и арабский оригинал, об отсутствии у войска определенного содержания, персидский перевод добавляет, что, пока не начиналась война или не происходило другое какое-либо событие, каждый из дружинников занимался своим делом. Термин, переводимый нами в арабском оригинале как "определенное содержание", передан в персидском переводе через сочетание "жалованье и кормление". Тенденция к модернизации, намечающаяся в персидском переводе Истахри и у Насир ад-Дина Туей, еще более усиливается в арабском тексте Ибн Хаукала, где говорится о получении воинами определенного кормления и даже в определенный месяц. Иакут в параллельном тексте упоминает уже о "реестре войска царя". Доводя модернизацию до абсурда, И.Хаммер, издатель последнего известного нам параллельного текста, находящегося в сочинении Хаджжи Халифы, переводит: "король питает двенадцать тысяч человек феодального ополчения", Все это показывает достаточно ясно, что широкая народная основа формирования хазарского войска уже во времена составления источников нашего Свода ушла в далекое прошлое; авторы, писавшие после Истахри, подправляли и изменяли старинный текст, стараясь приспособить его к имевшимся в их распоряжении наблюдениям.

Эту новую хазарскую военную структуру с наибольшей полнотой впервые зафиксировал в своем повествовании Ибн Русте. По словам этого источника, царь-заместитель - *иша* - возложил обязанность на людей сильных и богатых поставлять всадников соразмерно их имуществу и возможностям прокорма. Иша самолично распоряжался хараджем и выходил на войну со своими воинами, у которых красивый внешний вид. Когда они выступают куда-либо, рассказывает Ибн Русте, то отправляются в полном вооружении, со знаменами, копьями, в крепкой броне. Иша сопровождают десять тысяч всадников, из числа тех, которым он выдает регулярное содержание, и тех, кого выставляют богатые. Впереди войска на значительном расстоянии едет сам царь, перед которым всадник или всадники несут не совсем понятное сооружение, обозначаемое в источниках словами "зонтик", "бубен", "диск"; сообщая об этих отдельных толкованиях, В.Ф.Минорский в своей рецензии на книгу Д.М.Денлопа обращает внимание на "Та'рих-и Бейхак", где со слов одного жителя Дейлема упоминается позолоченный щит, который "несли перед государем во время движения".

Когда хазарские воины захватывали добычу, то собирали ее в лагерь, затем царь-заместитель выбирал себе, что ему любо, а остальное из добычи они делили между собою. Ближайшим параллельным текстом для изложенного отрывка Ибн Русте является Гардизи. В отличие от Ибн Русте, рассказ Гардизи не имеет

вступительной фразы о поставке сильными и богатыми людьми всадников, а начинается сообщением о сборе царем-заместителем, именуемым *абшад, хараджа,* этот харадж, по словам Гардизи, царь разделяет среди войска. Текст Гардизи подтверждает правильность чтения Д.А.Хвольсона - харадж, а не - "выход", "выступление", как пытался читать то же слово де Гуе при издании сочинения Ибн Русте в VII томе "Библиотеки арабских географов". Испорченный далее текст не дает возможности разобрать содержание сообщения, предшествующего описанию вооружения хазарского войска; по словам Гардизи, хазарское войско имело знамена, копья, крепкие панцири и добрые кольчуги. Так же как и у Ибн Русте, в рассказе Гардизи вместе с царем-заместителем движется войско в количестве десяти тысяч всадников, часть из которых получает жалованье - *бистагани,* а часть состоит на содержании знатных и имеет возможность идти с царем со своим вооружением и снаряжением.

Интересную деталь сообщает Гардизи и относительно хазарской системы охраны тыла - когда хазары уходят куда-либо в поход, они оставляют отдельное значительное войско дома для охраны семей и обоза. Перед самим войском движутся авангардные отряды, а впереди царя несут свечи и светильники, сделанные из воска, дабы он шел при их свете. В сообщении о разделе добычи Гардизи точно следует тексту Ибн Русте, если не считать терминологического варианта: вместо *абшад* в сообщении упомянут просто командующий - *салар.* О саларе идет речь и в последнем сообщении Гардизи (полностью отсутствующем у Ибн Русте) об устройстве хазарами походного лагеря; по словам Гардизи, салар приказывает каждому мужу из войска, чтобы тот взял с собою кол с заостренным концом и три веревки. Когда войску приходится где-нибудь остановиться, то колья втыкают, на каждый кол вешают щит, так что лагерь окружается как бы стеной, и если враг вознамерится произвести ночное нападение, то он ничего не сможет сделать, лагерь превращается в крепость.

Рассказ о хазарской военной структуре, переданный с такой полнотой Ибн Русте и Гардизи, в той или иной своей части известен многим из источников, составляющих Свод. Масуди, рассказывая о хазарском войске, утверждает, что среди царей Востока нет ни одного, кроме царя хазар, у которого войско находилось бы на содержании. Марвази, упоминая о том, что хазарский царь выступает в поход во главе десяти тысяч всадников, и пропуская все остальные детали рассказа, подробно излагает устройство хазарского походного лагеря. В их обычае, рассказывает Марвази, когда идут куда-либо походом, чтобы вез каждый из всадников двадцать колов (шестов) тамариска, длина каждого кола должна равняться двум *зарам*; когда войско где-либо останавливается, то втыкает каждый всадник свои колья в землю и прикрепляет к ним щит; таким образом, менее чем за час устраивалась вокруг лагеря стена, за которую никто не мог проникнуть. Шукрулла также из всего большого рассказа сохранил лишь сообщение о десяти тысячах всадников, сопровождающих царя, и об устройстве походного лагеря: каждый всадник, по словам Шукруллы, везет с собой один железный кол, который и втыкает в землю для устройства лагерной ограды. Мехмед За'им повторяет почти дословно Шукруллу. В еврейско-хазарской переписке среди вопросов, заданных кордовским вельможей хазарскому царю, был также и вопрос "о числе войск царя и князей".

Сравнивая рассказ, сохраненный с наибольшей полнотой в сочинениях Ибн Русте - Гардизи, с рассказом у Истахри и в параллельных ему текстах, мы не можем не отметить многих существенных изменений, происшедших в общественной организации хазар и всемерно отразившихся на военной структуре. Не народ, не военная демократия племени, а знать, могущественные люди являются теперь организаторами и руководителями хазарского войска. Эту господствующую группу наши источники терминологически обозначают; *клан* (Гардизи). Такое несколько описательное обозначение представителей господствующего класса в письменности на арабском и персидском языках вполне объяснимо: привыкшие к определенным формам классового господства у себя на родине, средневековые мусульманские наблюдатели могли только так, описательно, поименовать знать хазарских племен. Это не были эмиры в том значении, как это разумела мусульманская социальная терминология, а уж если с кем сравнивать хазарскую знать, то, конечно, в первую очередь приходят на память *ра 'исы* Дербента, о которых так ярко повествует изданная недавно В.Ф. Минорским хроника Ширвана и Дербента. Было теперь и нечто новое в хазарской военной организации, что несомненно сближало ее с привычной, мусульманской, - это наличие оплачиваемых более или менее регулярно воинов. Во времена, когда хазарское войско состояло из двенадцати тысяч мужей, не существовало этой оплаты. Сообщение об определенной оплате воинам появляется только в рассказе, где ритуальное число 12 тысяч (три раза по четыре тысячи) воинов заменилось цифрой 10 тысяч, традиционной для тех исчислений мусульманской средневековой письменности, где надо было округлить цифру, указать на значительное по тем временам явление. Упоминание во втором рассказе о распределении царем лично хараджа не является

случайным, так же как и употребление термина *бистагани.* Последний, как известно, является предметом особого рассуждения в "Сийасат-наме", где также выдача платы связывается с личным вручением ее воину; "предпочтительно, - рассказывает Сийасат-наме, - чтобы государь своей рукой клал в руки и полы их (т.е. воинов), благодаря этому в их сердцах будет расположение и любовь, во время службы и сражений они будут более преданы и проявят стойкость. У древних царей был такой порядок: они не давали *икта,* а каждому соответственно выдавали из казнохранилища наличными его плату четыре раза в год. И те всегда были в довольствии и благоденствии. 'Амили собирали налоги и сносили в казнохранилище; из казнохранилища же выдавали таким способом каждые три месяца один раз; называли это *бистгани".* Новым было и наличие гвардии рабов, гулямов, - института, начиная с IX века широко известного по всему мусульманскому Востоку. Иакут со слов Ибн Фадлана упоминает о некоем "муже из царских гулямов", который находится во главе мусульман. Мас'уди сообщает о русах и славянах, входящих в войско царя, что они - войско и рабы его. Иакут то же выражение передает описательно; по его словам, славяне (упоминание о русах отсутствует) находились "в рабском состоянии". Весьма вероятно, что в привычное понятие "раб-гвардеец" мусульманские авторы зачисляли и просто наемников, какими были, например, хорезмийцы-ларисийа, поступавшие на службу к хазарам на условиях, исключавших какое-либо сравнение с рабским состоянием.

Последним, но, пожалуй, самым важным во втором рассказе наших источников о военной структуре хазар, было утверждение, что войском в том или ином виде располагал не только царь, но и многие знатные, могущественные люди. Они обязаны были даже поставлять царю воинов и содержать их сообразно своему имущественному положению и возможностям. Вряд ли будет особенно гипотетичным предположить, что под этими знатными людьми, располагавшими собственной военной силой, подразумевались все те же главы знатных родов, о которых речь шла уже в первом разделе настоящего очерка.

В процессе происходивших изменений, рядом с хазар-хаканом, узурпируя его суверенитет, вырастает фигура хакан-беха. Судя по разнообразию в начертании имени второго царя хазар, сам термин проник в мусульманскую письменность задолго до того, как тюркские языки стали "своими" на Ближнем и Среднем Востоке. После падения Хазарского каганата компиляция, наиболее широко распространенный прием литературного творчества в Средние века, содействовала консервации неправильного начертания термина. При царе Иосифе, т.е. приблизительно в середине X века, процесс этот вступил в следующую фазу. Нам неизвестно, был ли в это время уничтожен совершенно порядок правления, существовавший ранее, или тархан-хакан, как называет верховного хазарского правителя "Худуд ал-'алам", по-прежнему содержал внутри дворца марионетку-кагана. Письма из еврейско-хазарской переписки, а также так называемый кембриджский документ не говорят о каком-либо двоевластии; более того, основной задачей и писем и документа, по-видимому, было доказать незыблемую наследственность трона в династии хазарских царей, древность самой династии, ведущей свое происхождение от библейских пророков и тюркских государей. Эти перемены, происшедшие в положении хакан-беха, отразились и в составляющих Свод источниках, где наблюдения, относящиеся к первому царю, начали концентрироваться около фигуры царя-заместителя. В частности, это относится к сообщению о выезде царя в поход, нередко трактуемому как один из вариантов сообщения о ритуальном выезде хазарского кагана.

Рассказ Ибн Русте - Гардизи дает возможность сделать вывод о значительном прогрессе в военном деле у хазар в это время. Судя по приводимой обоими упомянутыми авторами терминологии, хазарское войско располагало оружием, хорошо знакомым на мусульманском Востоке. Определенный разработанный распорядок обусловливал движение царского войска. Строгие, если не сказать свирепые обычаи, кстати, весьма близкие к тем, что были в ходу у монголов при Чингисхане, определяли поведение воина в походе: всякий, кто во время похода обращается в бегство, достоин смертной казни - повествует Йакут со ссылкой на Ибн Фадлана; если обратится в бегство предводитель и его заместитель, все его близкие и домочадцы продаются в рабство, а он сам подвергается мучительной казни. Если передовой отряд, добавляет Закарийа' Казвини, бежит с поля сражения, то убивают всех беглецов, их детей и домашних.

Несмотря на указания наших источников о том, что значительная часть царского войска состояла из отрядов, содержимых за счет знати, хазарский царь отнюдь не был "первым среди равных". Пережитки родового строя были весьма сильны в феодализирующемся хазарском обществе, и это определяло в значительной мере то обстоятельство, что даже при наличии многих знатных родов царь пользовался неограниченной властью. Когда царю случится приговорить к казни кого-либо из знатных, рассказывает Истахри, царь приказывает,

чтобы он сам убил себя; приговоренный отправляется в свое жилище и кончает самоубийством. В позднейших компиляциях право на самоубийство в случае царской немилости не ограничивается только знатью; у Димашки всякий приговоренный царем пользуется этим правом.

Иакут (со слов Ибн Фадлана) свидетельствует наличие в Хазарском каганате определенной иерархии чинов; именно так следует понимать текст о лицах, пользовавшихся привилегией сидеть вместе с "великим царем". Эта иерархичность в тексте подчеркнута употреблением глагола "замещать": хакан-бех замещает "великого царя", так же как к.нд.р.-хакан замещает хакан-беха, а джавшигар - к.нд.р.-хакана. Неоднократные попытки раскрыть оба последние названия не привели к результатам, которые можно было бы назвать бесспорными, не требующими дальнейшей разработки. Тем не менее все эти попытки, на наш взгляд, имеют то неоспоримо положительное качество, что, во-первых, связывают названия с тюркскими корнями и, во-вторых, обосновывают свои выводы не абстрактными сравнениями, а имеющимся в наличии текстовым материалом. Установленным, очевидно, следует считать связь названия первого заместителя хакан-беха с титулом главы мадьяр, упоминающимся неоднократно в источниках нашего Свода в начертаниях *к.нд.а* (Ибн Русте, Гардизи, Бакри, Марвази), *кид* (Шукрулла) и *кит* (Мехмед За'им), так же как вряд ли вызывает сомнение возможность связывать это название с отчеством упоминавшегося нами уже неоднократно Исхака ибн Кундаджа (или Кундаджика). В свете этих рассуждений весьма ценной является находка В.Ф.Минорским этого же названия в "Шах-наме", где *к.нд.р* сражается в туранском войске справа от кагана. А.А.Зайончковский, исходя из тюркологического анализа рассматриваемого имени, приходит также к заключению о возможности раскрыть его как глава или судья. Не меньший интерес представляет имя или титул второго заместителя хакан-беха, сопоставляемого со времени Х.М.Френа с турецким термином. Термин этот в Турции и мамлюкском Египте означают, как справедливо заметил А.П.Ковалевский при комментировании мешхедской рукописи Ибн Фадлана, "полицейский и военный чин не особенно высокого ранга". Вряд ли поэтому без дополнительной аргументации может быть принято предположение Д.М.Денлопа о расшифровке всего имени, как *чауш уйгур,* или "маршал уйгуров". Нам представляется значительно более оправданным разыскать разгадку интересующего нас имени в том же тексте, где находятся параллельные формы к имени к.нд.р-хакан. Согласно упомянутому тексту, у мадьяр, подобно хазарам, существовало двойное правление: *к.нд.а* правил только по имени, а действительным предводителем войск был муж, называемый *дж.ла* (Ибн Русте, Гардизи) или *х.л.т* (Худуд-ал'алам). Текст этот с обозначением двух мадьярских правителей ограничен лишь немногими авторами: во всех позднейших после "Худуд ал-'алам" вариантах мы не встретили упоминания о втором мадьярском правителе. Не является ли термин *джавшигар* в первой своей части обозначением того же *дж.ла? Алиф* и *лам,* как известно, не так уж редко смешиваются переписчиками. Анализируя термин у Ибн Русте, транскрибируемый как *джила,* Д.А.Хвольсон сопоставил его с термином *гылас* у Константина Багрянородного, приводя в русском переводе следующие строки: "Кроме князя, начальника войска, который всегда из племени Арпада, у мадьяр бывают двое судей, Гылас и Кархан, из которых первый стоит выше второго". Весьма примечательно, что А.А.Зайончковский также пришел к заключению, что в загадочном термине скрывается искажение тюркского слова, которое означает судью, примирителя, посредника.

Наличие бюрократии явствует не только из анализа названий или имен отдельных сановников, но и из самого существа функций царской власти в Хазарии. Упоминавшиеся в предыдущем разделе настоящего очерка таможенные заставы на реке и море, взимание хараджа и т.д. требовали опытного фискального аппарата, как и другие функции управления (раздел захваченной и собранной в лагере военной добычи, посольская служба). Уже излагавшийся нами рассказ о судьях в Итиле содержит в некоторых источниках интересную деталь, свидетельствующую о вмешательстве царской власти в судебное разбирательство. Между судьями и царем, рассказывает Истахри, в день судебного разбирательства имеется посредник, сафир, который и сообщает мнение судей по разбираемому вопросу; через него же царь передает свой приказ, а судьи приводят этот приказ в исполнение. Персидский перевод Истахри и текст Насир ад-Дина Туей интересны в терминологическом отношении: слово "тяжба", "судебное разбирательство" передается в этих вариантах Истахри старинным словом [указание]. Ибн Хаукал следует за Истахри, разъясняя, что судебное разбирательство производится у хазар не регулярно, а по мере надобности, "Худуд ал-'алам", называя тяжбу, как и персидский вариант Истахри, (большой суд), обозначает приказ царя таким же старинным словом (указание). Письмо Хасдая ибн Шафрута также содержит вопрос: "Судит ли свой народ царь сам или назначает судей?" О вмешательстве царя в судебное разбирательство говорит и Иакут.

Подытоживая все вышесказанное, мы можем с достаточным основанием сделать заключение: уничтожение

хазарского двоевластия означало рост и укрепление хазарской власти, имело в своей основе поступательное развитие хазарского общества. Не таково ли было также значение попыток установить единоверие? Как "борьба за веру", укрепление двоевластия носило в Хазарии, конечно, робкий, первичный характер. Но все же и в этом своем виде оно не может не привлечь внимания как яркий показатель феодализма общества, в значительной степени связанного с кочевым образом жизни, с крепким родо-племенным строем.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ВВ - Византийский временник. Л.- М.

ВДИ - Вестник древней истории

ЖМНП - Журнал Министерства народного просвещения

ЗВОРАО - Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. СПб., Пг.

ЗИАН - Записки Императорской Академии наук. СПб.

ЗИВАН - Записки Института востоковедения Академии наук СССР. Л.

ИАН ООН - Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. М-Л.

ИАН СИФ - Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. М.

ИВГО - Известия Всесоюзного географического общества. Л.

ИГГО - Известия Государственного географического общества.

ИЗ - Исторические записки. М.

ИНА - Институт народов Азии АН СССР

КСИВ - Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР. М.-Л., М.

КСИИМК - Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.

ПС - Палестинский сборник. М.-Л.

ПСРЛ - Полное собрание русских летописей

СА - Советская археология. М.

СВ - Советское востоковедение. М.-Л., 1-VI (1940-1949) М. (1956-1959).

СЭ - Советская этнография

BGA - Bibliotheca geographorum arabicorum. Ed. M.J. de Goeje, pars I-VIII, Lugduni Batavorum

BSOAS - Bulletin of the School of Oriental and African Studies (University of London) EI - Enzykiopaedie des Islam. Geographisches, ethnographisches und biographisches Worterbuch der muhammedanischen Volker. Bd. I-IV. Leiden-Leipzig, 1908 (1913) -1934 (1936)

GMS NS - E.J.W. Gibb Memorial Series. New Series

JA - Journal Asiatique. Paris

JRAS - Journal of the Royal Asiatic Society. London

БИБЛИОГРАФИЯ

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958.

Бартольд В. Новое мусульманское известие о русских // ЗВОРАО. Т. IX. 1896. С 262-267.

Бартольд В.В. Арабские известия о русах // Советское востоковедение. Т. 1. М -Л 1940. С. 15-50.

Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку. 1925.

Бартольд В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. II. Исследование. СПб., 1900.

Беляев В.И. Арабские источники по истории туркмен и Туркмении IX-XIII вв. // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. М.-Л., 1939.

Гардизи - Бартольд В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893- 1894 г., СПб., 1897 // ЗИАН. VIII серия по историко-филологическому отделению. Т. 1. N 4.

Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII до конца X века по Р.Х.). СПб., 1870.

Гарнати / Изд. Дублера - Aba Hamid et Granadino y su relacion de viaje por tierras Euraslaticas. Texto arabe, traduccion e interpretacion por Cesar E. Dubler. Madrid, 1953.

Гарнати / Изд. Феррана - Le Tuhfat al-albab de Aba Hamid ai-Andalusi al-Garnatted parG. Ferrand. Paris, 1925 (JA. CCVII. P. 1-148, 193-304).

Григорьев В.В. О двойственности верховной власти у хазаров // Россия и Азия. Сб. исследований и статей по истории, этнографии и географии, написанные в разное время В.В.Григорьевым, ориенталистом. СПб., 1876. (Первое издание - ЖМНП. 1834. Ч. III. С. 279-295.)

Григорьев В.В. О древних походах русов на Восток // Росия и Азия. СПб., 1876.

Димашки - Cosmographie de Chems ed-din Abou Abdallah Mohammed ed-Dimichqui. Texte arabe, puble d'apres l'edition commencee par M. Fraehn et d'apres les inanuscrits de St.-Petersbourg, de Paris, de Leyde et de Copenhague par M.A.F. Mehren, SPb., 1866.

Дорн Б. О походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на прибрежья Каспийского моря. СПб., 1875 (Приложение к XXVI т. ЗИАН. N 1).

Еремян С.Т. Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу // ЗИВАН. Т. VII. М.-Л., 1939.

Заходер Б.Н. Еще одно раннее мусульманское известие о славянах и русах IX-X вв. // ИВГО. Т. 75. Вып. 6. 1943.

Заходер Б.Н. Из истории бытования текста с древнейшим упоминанием имени "рус" в арабской письменности // Краткие сообщения Ин-та востоковедения АН СССР. Вып. XXII. М„ 1956. С. 7-12.

Заходер Б.Н. Из истории волжско-каспийских связей древней Руси // Советское востоковедение. 1955. N 3. С. 108-118.

Заходер Б.Н. Среднеазиатско-хорасанская география IX-X вв. о Поволжье и Восточной Европе // Уч. зап. Ин-та востоковедения АН СССР. Т. XIV. М., 1956. С. 5-30.

Ибн Баттута - Voyages d'Ibn Batoutah. Texte arabe, accompagne d'une traduction par C.Defremeryet B.R. Sanguinetii. T. I-IV. Paris, 1853-1858. [I - 1853; II -1854; III - 1855; IV - 1858] (Collection d'ouvrages orientaux publiee par la Societe asiatique).

Ибн Ийас - Chrestornathia arabica quam e libris mss. vel impressis rarioribus collectam. Ed. F.A.Arnold, I, Halis, 1853.

Ибн Мискавейх - The concluding portion of The Experiences of the Nations by Miska-waihi... Arabic text ed. by H.F. Amedroz. Vol. I-II; Translated from the Arabic by D.S.Margoliouth. Vol. 1-11, Oxford, 1920-1921 (The Eclipse of the 'Abbasid Caliphate. Original Chronicles of the Fourth Islamic Century, vol. I-IV).

Ибн Фадпан 1 Изд. 1939. - Путешествие Ибн Фадлана на Волгу/Перевод и комментарий А.П.Ковалевского, под ред. акад.И.Ю. Крачковского. М.-Л., 1939.

Ибн Фадлан / Изд. 1956. - Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956.

Ибн Хаукал - The Oriental Geography ofEbn Haukal, an arabian traveller of the tenth century / Translated from a Manuscript in his own possession, collated with one preserved in the Library of Eton Collage, by Sir William Ouseley. London, 1800.

Истахри / Изд. Меллера - Liber Climatum auctore Scheicho Abu-Ishako el-Faresi vulgo el-Issthachri / Curavit J.H. Moeller. Cothae, 1839.

История Агван Моисея Каганкатваци, писателя X века / Пер. с арм. К.Патканьяна. СПб., 1861.

Исхак ибн ал-Хусейн - Il compendio geographico arabo di Ishaq ibn al-Husayn / Noto di A.Codazzi // Reale Accademia Nazionale dei Lincei. Ser. VI. Vol. V. Fase. 11-12. ^ Roma, 1929. P. 373-463.

Йакут - Jacut's geographisches Worterbuch aus den Handschriften zu Berlin, St. Petersburg und Paris hrsg. von F. Wilstenfeld. Bd I-VI. Leipzig, 1866-1870.

Кабус-наме / Перевод, статья и примеч. Е.Э.Бертельса. М., 1953.

Казвини - Zakarija Ben Muhammed Ben Mahmud al-Cazwini's Kosmographie. II The-il... Die Denkmaler der Lander. Aus den Handschriften des Hn. Dr. Lee und der Bibli-otheken zu Berlin, Gotha und Leyden hrsg. von F.Wustenfeld. Gottingen, 1847.

Коковцов U.K.. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.

Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература // Избранные сочинения. Т. IV. М.-Л., 1957.

Кудряшов К.В. Половецкая степь. М., 1948.

Марвази - Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India / Arabic text (circa A.D. 112) with an English translation and commentary by V.Minorsky. London, 1942 (James G. Forlong Fund. Vol. XXII).

Мас'уди, Мурудж - Macoudi. Les prairies d'or / Texte et traduction par C.Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. T. I-IX. Paris, 1861-1877 [1-1861,11- 1863, III - 1864, IV - 1865, V - 1869, VI-1871, VII-1873, VIII - 1874, IX - 1877].

Мас'уди, Мурудж/ Пер. Шпренгера - El-Ma^'udi's Historical Encyclopaedia entitled "Meadows of gold and mines of gems" / Translated from the arable by Aloys Sprenger. 1. London, 1841.

Мас'уди, Танбих - Ma^oudi. Le Livre de l'avertissement et de la revision / Traduction par B.Carra de Vaux. Paris, 1896. (Collection de l'ouvrages orientaux publiee par la Societe asiatique.)

Мубаракшах Марварруди - Ta'rikh-i Fakhru'd-Din Mubarakshah being the historical introduction to the Book of Genealogies of Fakhru'd-Din Mubarakshah Marwarrudi completed in A.D. 1206 / Ed. from a unique Manuscript by E. Denison Ross. London, 1927 (James G. Forlong Fund).

Мунаджжим-баши - Minorsky V. A History of Sharvan and Darband in the 10-th - 11-th centuries. Cambridge, 1958.

Наджиб Хамадани / Пер. А.П.Ковалевского - Извлечения из энциклопедии Над-жиба Хамадани "Диковинки творений" // *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956. С. 151-154.

Наршахи Мухаммад. История Бухары / Пер. с персидского Н.Лыкошин под ред. В.В.Бартольда. Ташкент, 1897.

Новиков Н.И. Опыт исторического словаря // Избранные сочинения. М.-Л., 1951.

Насир ад-Дин Туей. - Das sudliche Ufer des Kaspischen Meeres oder die Nordprovin-zen Persiens. Von. G.Melgunoff. Leipzig, 1868. S. 291-296.

Повесть временных лет. Ч. I-II. М.-Л., 1950.

Попов А.И. Буртасы и мордва//Уч. зап. ЛГУ. N 105. Сер. востоковедч. наук. Вып. 2. 1947.

Розен. 1. - Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Часть 1 (Статьи и разыскания А.Куника и барона В.Розена). СПб., 1878 (Приложение к XXXII т. ЗИАН. N 2).

Розен. II. - Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Часть 2 (Разыскания А.Куника). СПб., 1903.

Сафаргалиев М.Г. Заметка о буртасах (К вопросу о происхождении мордвы) // Зап. Науч.-исслед. ин-та при Совете министров Мордовской АССР. Вып. 13. Саранск, 1951.

Сиасет-наме. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-мулька / Пер. Б.Н.Заходера. М.-Л., 1949.

Смирнов И.Н. Мордва. Историко-этнографический очерк. Казань, 1895.

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья // МИД. Вып. 28. М., 1952.

Смирнов А.П. Финно-угорские племена северо-востока // Очерки истории СССР III-IX вв. М., 1958.

Срезневский И. Следы давнего знакомства русских с Южной Азией. Девятый век // Вестник Имп. Русского географического общества. Кн. 1. Ч. 10. СПб., 1854.

Табари - Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari cum aliis / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum. ser. 1-111. 1879-1890.

Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузеном и обработанные А.А.Ро-маскевичем и С.Л.Волиным. М.-Л., 1941.

Толстов С.П. Новогодний праздник "каландас" у хорезмийских христиан начала IX века (В связи с историей хорезмийско-хазарских отношений). Из историко-этнографических комментариев к ал-Бируни // СЭ. 1946. N 2. С. 87-108.

Томсон Дж.О. История древней географии / Пер. с англ. Н.И.Скаткина под ред. А.Б.Дитмара иД.Г.Редера. М., 1953.

Туманский А. Буртас и Бердас // Прилож.] к кн.: *Марков А.В.* Отношения между русскими и мордвою в истории и в области народной поэзии, в связи с вопросом о происхождении великорусского племени. Тифлис, 1914.

Умняков И. Компендиум испанско-арабского географа Исхака ибн ад-Хусейна и его сведения о хазарах и тюрках // ИГГО. Т. 71. Вып. 8. 1939.

Фарс-наме - The Farsnama ofIbnu'l-Balkhi /By G. Le Strange and R.A.Nicholson. London, 1921 (GMSNS, 1).

Фихрист - Kitab al-Fihrist. Mit Anmerkungen hrsg. von. G.Flugel, nach dessen Tode besorgt von J.RoedigerundA. Milller. Bd. 1. Leipzig, 1871; Bd. II. Leipzig, 1872.

Хвольсон. Ибн-Даста - Известия о Хозарах, Буртасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста / В первый раз издал, перевел и объяснил Д.А.Хвольсон. СПб., 1869.

Хорезми - Das Kitab Surat al-ard des Abugafer Muhammad ibn Musa al-Huwarizmi / Hrsg. on M.Mzik. Leipzig, 1925 (BibliothekarabischerHistorikerund Geographen. Bd. III).

Худуд / Изд. Бартольда - Худуд ал- 'алем. Рукопись Туманского. С введением и указателем В.Бартольда. Л., 1930.

Худуд / Изд. Минорского - Hudud al-'Alam. The Regions of the world. A Persian Geography 372 A.H. - 982 A.D. / Transi. and explained by V.Minorsky. London, 1937 (GMS NS, XI).

Якубовский А.Ю. Ибн Мискавейх о походе Русов в Бердаа в 332 г.- 943/44 г. // Византийский временник. Т. XXIV. 1926.

Якубовский А.Ю. К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгар // СА. Т. X. 1948.

AbuIfedae. Annales muslemici arabice et latine / Opera et studiis J.J. Reiski. Ed. J.G. Chr. Adier. T. I-V. Hafaiae, 1789-1794.

BGA. I - Viae Regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri / Ed. M.J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1870 (BGA, 1).

BGA. II - Viae et regna. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu'l-Kasim Ibn Hau-kal. Lugduni Batavorum. 1873. Ed. M.J. de Goeje (BGA, II).

BGA. II - Opus geographicum auctore Ibn-Haukal / Ed. J.H.Kramers. fasc. 1-2, Lugduni Batavorum. 1938, 1939 (BGA, II, 1-2). BGA. III - Descriptio imperil moslemici auctore... al-Mokaddasi / Ed. M.J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1877 (BGA, III).

BGA. V - Compendium libri Kitab al-Boldan auctore Ibn al-Fakin al-Hamadhani / Ed. M.J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1885 (BGA, V).

BGA. VI - Kitab al-Misalik wa'l-Minalik... auctore Abu'1 Kasim Obaid allah ibn Abdal-lah ibn Khordadhbeht Excerpta exKitab al-Khardrum. 1889 (BGA, VI).

BGA. VII - Kitab al-a'lak an-nafisa VII auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar Ibn Rosteh / Ed. 2, Lugduni Batavorum, 1892 (BGA, VII).

BGA. VIII - Kitab at-tanbih wa'l-ischraf auctore al-Masudi / Ed. M.J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1894 (BGA, VIII).

Blachere R. et *Darmaun H.* Extraits des principaux geographes arabes du Moyen Age. 2 ed. Paris, 1957.

Brockelmann C. Geschichte derarabischen Literatur. Erster Supplementband. Leiden, 1937.

Charmoy - Relation de Mas'oudy et d'autres auteurs musulmans sur les anciens Slaves / Par F.B.Charnov // Memoires de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Petesbourg. VI ser. T. II. 1834. P. 297-408.

Defremery - Fragments de Geographes et d'Historiens arabes el persans inedits, relatifs aux anciens peuples du Caucase et de la Russie meridionale, traduits et accompagnes de notes critiques par Ch.Deftemery//JA. Quatrieme serie. T. XIII. Paris, 1849. P. 457-522; T. XIV. Paris, 1849. P. 447-513.

Dunlop D.M. The History of the Jewish Khazars. Princeton - New Jersey, 1954 (Prince-ton Oriental Series, vol. 16).

Dvornik Fr. Les legendes de Constantin et de Methode vues de Byzance. Prague, 1933.

Fahmi Aly Mohamed. Muslim Sea-Power in the Eastern Mediterranean. [S. 1]. 1950.

Fraehn - De Chasaris. Excerpta ex scriptoribus arabicis interprete C.M.Fraehnio. Parti-cula 1. Petropoli, 1822.

Fraehn Ch.M. Die aeltesten arabischen Nachrichten Uber die Wolga-Bulgharen aus Ibn-Foszlan's Reiseberichte // Memoires de l'Acad. Imp. des Sciences. VI ser. T. 1. 1832. P. 527-577.

Ibn-el-Athiri. Chronicon quod perfectissimum inscribitur / Ed. C.J.Tornberg. Vol. I- XIV. Upsaliae et Lugduni Batavorum, 1851-1876.

Ibn-Foszlan's und anderer araber Berichte (iber die Russen alterer Zeit. Text und Uberset-zung mit Kritisch-philologischen Ammerkungen; nebst drei Beilagen von C.M.Frahn. SPb., 1823.

Frye R.N. Notes to Islamic sources on the Slavs and the rus // MW. Vol. XL. N 1. 1950.

De Goeje M.J. Die Istakhri-Balkhi Frage // ZDMG. Bd. XXV. 1871.

Hadi Hasan. A History of Persian Navigation. London, 1928.

Hammer J. de. Sur les origines russes. Extraits de Manuscrits Orientaux. SPb., 1827.

Haw G. Les Manuscrits, conserves a Sofia, des remaniements medievals de Marvazi et "Aufi // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T. VII. Fasc. 2-3. Budapest, 1957. P. 157-197.

Klaproth J. von. Russland's Vergrosserungen unter Alexander dem Ersten durch den neu-lich mit Persien abgeschlossenen Friedestracht. Berlin, 1814.

Kowalski - Relatio Ibrahim ibn Ja'kub de itinere Slavico, quae traditur apud al-Bekri / Edidit, commentario et versione polonica atque latina instruxit Thaddaeus Kowalski cum adnotationibus J.Kostrzewski, K.Stolyhwo, K.Moszynski, K. Nitsch. Cracoviae, 1946 (Monumenta Poloniae Historica, Nova series, T. 1).

Ki-amers J.H. La question Balkhi-Istakhri et l'atlas de l'Islam // Acta Orientalia. Vol. X. I.lisdiini Ralavonim. 1932. S. 9-30.

MarquartJ. Osteuropaische und ostasiatische Streifzuge. Ethnologische und historisch-to-pographische Studien zur Geschichte des 9 und 10 Jahrhunderts (ca. 840-940), Leipzig, 1903.

MezA. Renaissance of Islam. London, 1937,

Minorsky V. Geographes el Voyageurs musulmans. Le Caire, 1951 (Extrait du Bulletin de la Societe royale de Geographie d'Egypte. T. XXIV. Octobre. 1951).

Minorsky V. A New Book on the Khazars // Oriens. Vol. XI. N 1-2. 1958. Leiden. P. 122-145.

Minorsky V. Addenda to the Hudud al-'Alam // BSOAS. Vol. XVII. Pt. 2. 1955. P. 250-270.

Minorsky V. Studies in Caucasian History. London, 1953 (Combridge Oriental series. N6).

Mzik H. V. Ptolomaeus und die Karten der arabischen Geographer) // Mitteilungen der K..K. Geographischen Gesellschaft in Wien. Bd. LVIII, 1915.

D'Ohsson C. Des peuples du Caucase et des pays au nord de la mer Noire et de la mer Caspienne, dans ie dixieme siecle, ou Voyage d'Abou el-Cassim. Paris, 1828.

Pelliot P. Notes sur l'histoire de la Horde d'Or. Suivies de Quelques noms turcs d'hommes et de peuples fiissant en "ar". Paris, 1949 (Oeuvres posthumes de Paul Pelliot, II).

Seippel - Rerum Normannicarum fontes Arabici / Ed. A.Seippel. Osloae, 1896-1928.

SprengerA. Some original passages on the earle commerce of the Arabs // Journal of the Asiatic Society of Bengal. Vol. XIII. P. II. Calcutta, 1844.

Szyszwan S. Les Khazars, Problemes et controverses // Revue de l'histoire des religions. T. 152. Paris, 1957. N 2.

A. Zeki Midi Togan. Ibn Fadlan's Reisebericht. Leipzig. 1939 // Abhandlungen filr die Kunde des Morgenlandes. Bd. XXIV. N 3.

ZajaczkowskiA. Ze studiow nad zagadnieneim chazarskim. Krakow, 1947. Zrodia arabskie do dziejow slowianszczyzny / Widal i opracowal Tadeusz Lewiiki. T. 1. Wroclaw - Krakow, 1956.

Хазары и турки

Первые сведения о хазарах в византийских источниках относятся ко времени войны Ираклия с Персией, когда хазары выступили союзниками Византийской империи. Надеясь возвратить захваченную персами Армению и проникнуть в центр персидских владений, император Ираклий в 623-624 гг. перенес войну в Закавказье и здесь принимал все меры к тому, чтобы увеличить свои силы присоединением кавказских христиан. Оттесненный от персидской границы и покинутый кавказскими союзниками, Ираклий искал новых союзников, с помощью которых можно было бы поправить дело, и нашел их в лице хазар. По одной версии, хазарский каган, явившийся с войском в окрестности Тбилиси (Тифлиса), где находился тогда император, имел с последним свидание и, получив щедрые подарки, оставил в помощь ему сорокатысячное войско под предводительством Зиевила (Зигевила), который, по словам Феофана, был вторым человеком после кагана. По другой версии, переговоры с императором вел именно Зиевил, и он же оставил вспомогательное войско во главе со своим сыном. Хазары оказали существенную поддержку византийской армии. В 631 г. император отправил к кагану свою дочь Евдокию в жены, что было обусловлено договором с хазарами, но так как каган к этому времени умер, то Евдокия была возвращена с пути [+1].

С большей подробностью и яркостью, чем в византийских источниках, рассказано о союзе Ираклия с хазарами в армянском историческом сочинении - "Истории агван" Моисея Каганкатваци [+2]. Хотя это сочинение и относится в целом к X веку, несомненно, что оно представляет компиляцию более древних литературных произведений. Для многих частей его источники заимствования можно указать, другие, в частности те страницы, на которых рассказывается о походах хазар в Закавказье, могли быть написаны только современником, настолько они переполнены подробностями и насыщены чувством автора: его ужасом перед варварами и скорбью о страданиях родной земли. О том же свидетельствуют и внешние признаки изложения: рассказ ведется от первого лица, встречаются, например, такие выражения: "мы видели их сидящими поджавши колени" или "взяв из рук наших приветственные подарки", "слышал от верного человека" и т.д. [+3] К сожалению, текст "Истории агван" до сих пор не проанализирован и состав его полностью не определен. О компиляторе, которому он обязан своим появлением, ученый переводчик "Истории агван" на русский язык, К. Патканов, отзывается следующим образом: "Он собирает разнообразные сведения, где только может достать, и группирует их как попало, не обращая внимания на внутреннюю связь факторов, на их хронологическую последовательность" [+4]. Это замечание совершенно справедливо относительно имеющихся в "Истории агван" сообщениях о хазарах. Поэтому я несколько подробнее, чем это было бы необходимо для развития поставленной темы, остановлюсь на изложении этих сообщений, с тем чтобы расположить их в той последовательности, какая определяется взаимной связью описываемых событий и их хронологией.

У Феофана, оставившего наиболее подробный в византийских источниках рассказ о войне Византии с Персией при Ираклии и Хосрове II Парвизе, сношения Ираклия с "восточными турками, называемыми хазарами", с целью заключения военного союза отнесены к 617 г. или (т.к. хронология этого писателя отстает от действительной) лучше сказать, к первому году второго похода Ираклия в Закавказье, т.е. к 626-му - тому самому несчастному для Византии году, в который соединенные силы персов и авар едва не взяли Константинополь. Император в это время был уже в Закавказье и совместно с хазарами осаждал город Тбилиси [+5]. Однако указание Феофана едва ли точно. Едва ли Ираклий возобновил войну в Закавказье раньше, чем заручился поддержкой со стороны хазар. Опыт первого похода должен был показать Ираклию с достаточной очевидностью, что рассчитывать на серьезную помощь в борьбе с Персией со стороны закавказских христиан не приходится. Под персидским владычеством они чувствовали себя не хуже, если не лучше, чем под властью Византии. Можно думать, что после неудачи первого похода второй поход, и притом через Закавказье, был предпринят Ираклием потому, что у него заранее была уверенность найти здесь сильную поддержку со стороны хазар. Трудно верится поэтому, что сношения с хазарами были начаты только в 629 г., когда Ираклий уже находился в Лазике и готовился к возобновлению войны с Персией в закавказских областях.

В "Истории агван" сообщение об обмене посольствами между Византией и хазарами приведено после рассказа о неудачной осаде Тбилиси византийскими и хазарскими войсками. Прекрасный знаток армянской исторической литературы К.Патканов, нисколько не сомневаясь в такой последовательности событий, излагает рассказ "Истории агван" о войне с Персией в том же самом порядке [+6]. Другие историки ссылкой на Моисея

Каганкатваци подкрепляют датировку византийского посольства к хазарам 626 года . Действительно, в "Истории агван" это посольство указано под 36-м годом царствования Хосрова, который вступил на престол в 590 году. На первый взгляд, данные об этой дате в "Истории агван" и у Феофана совпадают, и нет решительно никаких формальных оснований сомневаться в ее достоверности. При ближайшем рассмотрении текста "Истории агван", однако, оказывается, что порядок в изложении последовательных событий в ней перепутан, что события 36 года царствования Хосрова рассказаны после случившегося в 38 году. Осада Тбилиси, которая, по Феофану, происходила в один год со сношениями Ираклия с хазарами, отнесена здесь к 38 году царствования Хосрова, т.е. на два года позже, чем обмен посольствами между Византией и хазарами. Так как осада Тбилиси падает на 626 год, то, исходя из указания "Истории агван" на заключение союза с хазарами двумя годами ранее этого события, обмен посольствами между Византией и хазарами надо отнести не к 626-му, а к 624 году, т.е. ко времени первого похода Ираклия в Закавказье, что и по другим вышеизложенным соображениям является более вероятным.[+7]

В "Истории агван" об этих посольствах рассказывается следующее: на 36-м году царствования Хосрова император Ираклий "снарядил и отправил одного из вельмож своих Андрея", с тем чтобы "подрыть великие Кавказские горы", "открыть врата Чога (Дербентский проход), вызвать различные варварские народы и с ними изгнать гордого Хосрова, царя персидского". Обещаниями "величайших несметных сокровищ" "умный, изобретательный" посланник склонил к союзу с Ираклием джебу-кагана - наместника северного царя, предводителя "звероподобного, златолюбивого народа косо-носцев". Для утверждения условий договора джебу-каган вместе с византийским посланником отправил 1000 отборных всадников, которые, прорвавшись через Дербентский проход, "как орлы устремились к великой реке Куре, не щадя никого из встретившихся и, направив свой путь по стране иверцев, егерцев, перешли море и достигли царской резиденции. Они предстали перед великим императором, утвердили друг с другом клятвы по законам обоюдным и взяли от него пропуск, чтобы не быть никем подозреваемыми" [+8].

В специальном примечании к своей "Истории Византии" Ю.Кулаковский, пересказывая это сообщение, считает его простым вымыслом автора с целью придать своему изложению большую связность и цельность. "Так как, - пишет он,- Ираклий завязал сношения с хазарами из Лазики (Колхиды), т.е. устроил дело при посредстве алан, как бывало то не раз в течение VI века, то одно уже упоминание о том, что послы хана явились к нему в Константинополь, в достаточной степени подрывает достоверность этого сообщения" [+9]. Кулаковский в приведенной оценке сообщения "Истории агван", без сомнения, не прав. Если бы автор "Истории агван" изобрел его для стройности изложения, то он не перепутал бы даты так, как это нами указано. К тому же, для связности изложения этот рассказ в том месте не нужен. Мы имеем дело, следовательно, не с позднейшим вымыслом, а с сообщением, которому можно верить в той же мере, как и другим частям включенного в "Историю агван", хотя и в перепутанном виде, повествования о войне Ираклия с персами при участии хазар. Если другие части этого повествования носят все признаки близости его к описываемым событиям и достоверности в их передаче, то и эта часть заслуживает той же степени доверия. Что касается существа сообщения, то его невероятность зависит только от неправильного приурочения описываемых событий к 626 году. В этот год хазарскому посольству, действительно, незачем было отправляться в Константинополь, так как император находился в Закавказье, незачем было силой прорываться через находившийся в персидских руках Дербент, когда до императора можно было добраться через дружественные Византию и Лазику.

В 624 г. императора также не было в Константинополе. Этот год он провел с войском в беспрерывных маневрах в восточной Армении. Под давлением персов византийская армия отступала к Кавказу. Феофан об этом говорит, что "царь пошел в страну гуннов, в страны их непроходимые, по дорогам неровным и трудным". Здесь лазы и абазги, союзники Византии, оставили византийское войско. Положение Ираклия было настолько трудным, что в речах к войску он говорил уже о "мученических венцах". Отступая перед наседавшими персами, Ираклий пришел в области персидской Армении и здесь уже зимой ему, наконец, улыбнулось счастье. Неожиданным нападением Ираклий разбил персидское войско в г. Аречеше, на северном берегу озера Ван [+10].

По всей вероятности, неудачи похода 624 г. заставили Ираклия обратиться в поисках союзников к хазарам. Его посланнику Андрею удалось склонить хазарского вождя к союзу с Византией. Для утверждения договора, говорится в "Истории агван", хазарами было послано ответное посольство в сопровождении отряда в 1000

человек. Такой отряд был необходим, чтобы пробиться сквозь враждебную персидскую территорию и, очевидно, должен был добраться до императора, находившегося с войском в персидских владениях, так как в Константинополь посольство можно было бы отправить другим путем и не столь опасным способом. Тем не менее хазарское посольство, пройдя Грузию, добралось до моря и здесь на кораблях прибыло в столицу Византии. Надо полагать, что изменение его цели было вызвано невозможносью добраться до самого императора, отступившего в глубь Армении по направлению к границам Византии. Первоначально местом встречи с императором, видимо, намечалась та сама "страна гуннов", о которой говорит Феофан. По мнению Маркварта, она находилась в северном Дагестане и туда именно доходили византийские войска". Совершенная невероятность этого предположения очевидна. Если бы дело было так, то Ираклию незачем было бы посылать к хазарам послов; он мог бы все решить личными переговорами с хазарами, которые владели северным Дагестаном. Ю.Кулаковский ищет страну гуннов в Закавказье, в области Сакашен, там, где теперь находится город Ганджа, и куда, по сообщению Менандра, в 576 г. были переселены гунны-савиры [+12], считая вместе с тем невероятным, чтобы византийские войска доходили до правого берега реки Куры [+13]. Локализация страны гуннов между реками Курой и Араксом хорошо согласуется с направлением пути хазарского посольства. Прорвавшись через современный Азербайджан и достигнув "великой реки Куры", хазары не нашли Ираклия в Сакашене и, не рискуя следовать по пути теснимого персами византийского войска, отправились через Грузию к морю, чтобы выполнить свою миссию в Константинополе. В "Истории агван" говорится, что хазарские послы "предстали перед великого императора". Однако в Константинополе они его видеть не могли, так как туда Ираклий вернулся только после окончательной победы над Хосровом. Здесь, действительно, в "Истории агван" можно видеть неточность, ибо свидания с императором могло не быть вовсе или же оно происходило не в Константинополе и не в 624 г., а только в следующем, 625 г. - после того как византийское войско, отступая перед персами, добралось до Киликии, а сам император прибыл в Севастию и, может быть, в Трапезунд. Должно быть, к концу 625 г. договор с хазарами был уже утвержден, так как, по сообщению "Истории агван", в конце 37 года царствования Хосрова, т.е. на следующий год после отправления посольства, "царь севера" уже начал войну с Персией. Он "отправил обещанное воинственное войско под предводительством племянника своего, которого в честь его княжеской власти называли Шад". Пройдя Агванию и разорив часть Атрпатакана, хазарское войско остановилось у реки Араке, и шад послал к Хосрову вестника с объявлением о союзе с Ираклием, с требованием прекращения враждебных действий против Византии и возвращения ей всех захваченных стран и городов, а также находящихся в руках персов пленников [+14]. Ответ Хосрова, в передаче "Истории агван", очень интересен. Он гласит следующее: "Поди и скажи своему царю и брату моему кагану, что дом ваш с давних времен был уважаем предками моими и мною, как дом любимого брата, потому мы сыновьями и дочерьми часто сроднялись друг с другом. Следовательно, тебе не нужно было и не следовало оставлять своих членов и увлекаться словами раба моего, молодца римского" [+15].

По-видимому, к тем же переговорам Хосрова с хазарским шадом относятся и те увещевания и угрозы Хосрова, которые в "Истории агван" изложены несколько ранее, в главе XI. Хосров угрожал вызвать с запада полководца своего Шахрбараза и с несметными полчищами двинуть его против хазар [+16]. Это тот самый Шахрбараз, который изгнал византийское войско под предводительством Ираклия из Персии и в 626 г. осаждал Константинополь. По сообщению "Истории агван", хазары, получив грозящую грамоту Хосрова, перестали грабить и возвратились обратно [+17]. Первый поход хазар на помощь Византии, по всей вероятности, имел целью отвлечь Персию от Византии и дать возможность Ираклию приготовиться к возобновлению войны совместно с новым союзником. Эта задача, как показывают дальнейшие события, была хазарами выполнена. Ираклий, вернувшись на территорию Византии, со второй половины 625 г. деятельно занялся подготовкой второго похода и в 626 г. был уже в Лазике, готовый к совместному с хазарами решительному выступлению против персов.

Осаду византийским и хазарским войском Тбилиси Феофан относит к тому же году, что и согласованное нападение авар и персов на Константинополь [+18]. Предугадывая замыслы Хосрова, Ираклий подготовил столицу к обороне и увеличил ее гарнизон новыми войсками. Поручив ведение войны с персами в Передней Азии своему брату Феодору, он сам отправился в Закавказье, в Лазику, с тем чтобы, опираясь на хазар, нанести решительный удар Персии"История агван" следующим образом описывает вторжение хазар в Закавказье в этом году. Когда войско шада вернулось после опустошительного набега на Закавказье и "князь владыка их (т.е. джебу-каган) увидел всю добычу, доставленную пленом: людей, животных, золотые сосуды, драгоценные

одежды, то задумал сам перейти на ту сторону" (т.е. за Дербент). "Он уведомил о том всех тех, которые находились под властью его - племена и народы, жители полей и гор, живущие в городах или на открытом воздухе, бреющие головы и носящие косы, чтоб по мановению его все были готовы и вооружены" [+19]. Собрав большое войско, джебу-каган вместе с сыном своим шадом выступил в поход. Время его историк агван определяет явно ошибочно 38-м и последним годом правления Хосрова, тогда как в действительности он происходил за два года до свержения и казни этого персидского царя.

Первый удар хазары нанесли г. Дербенту, заграждавшему проход между Кавказскими горами и Каспийским морем мощными укреплениями, "для построения которых, - добавляет "История агван", - цари персидские изнурили страну нашу, собирая архитекторов и изыскивая разные материалы" [+20]. Как "волны колеблющегося моря, - по образному выражению пересказываемой истории, - ударили хазары о город Чога (Дербент) и разрушили его до основания. Видя страшную опасность со стороны безобразной, гнусной, широколицей, безресничной толпы, которая в образе женщин с распущенными волосами устремилась на них, содрогание овладело жителями; особенно при виде метких сильных стрелков, которые как бы сильным градом одождили их; и как хищные волки, потерявшие стыд, бросились на них и беспощадно перерезали их на улицах и площадях города. Глаз их не щадил ни прекрасных, ни милых, ни молодых из мужчин или женщин, не оставлял в покое даже негодных, безвредных, изувеченных и старых; они не жалобились и сердце их не сжималось при виде мальчиков, зарезанных матерей; напротив, они доили из грудей их кровь, как молоко. Как огонь проникает в горящий тростник, так входили они в одни двери и выходили в другие, оставив там деяния хищных птиц и зверей" [+21]. Нельзя не отметить глубину чувства и высокую выразительность, с которой описывает "История агван" гибель "великолепного города Чога" и его защитников. Ужас охватил жителей Агвании, сбежавшихся в столицу Партав, когда они узнали о судьбе Чога. Не надеясь выдержать натиск страшного врага, они бросили свое имущество и устремились оттуда в поисках спасения в горы. Хазары настигли часть бегущих у подножия горы, близ селения Каган-кайтук, из которого происходил, по его собственным словам, автор, столь живо описавший нашествие хазар на Агванию [+22].

Разгромив Атванию, хазары направились в Иверию и осадили город Тбилиси, куда явился и византийский император со своим войском [+23]. Именно в это время произошла встреча Ираклия с предводителем хазар, о которой рассказывают византийские источники. Предводитель хазарский, которого византийские писатели называют зиевил, а армянские - джебу-каган, по словам Феофана, подъехал к императору Ираклию, поцеловал его в плечо и поклонился ему. Войско же турецкое или хазарское пало перед императором ниц, почтя его "честью необыкновенною для других народов". Зиевил представил царю сына своего, уже известного нам шада, "у которого пробивался пушок на бороде". С еще большими подробностями рассказывает об этой встрече Никифор. Ираклий обнял предводителя хазар, назвал его своим сыном и возложил на него свою собственную корону. Затем был устроен роскошный пир, после которого хазарскому предводителю была подарена вся драгоценная сервировка пиршественного стола, а также даны были царские одежды и серьги с драгоценными камнями. Серьгами же были одарены и другие хазарские начальники. Император показал зиевилу портрет своей дочери Евдокии и обещал выдать ее замуж за него, если хазары помогут ему против Персии [+24].

Несмотря на многочисленность войск "севера" (хазар) и "запада" (Византии), на разнообразие изобретенных римскими инженерами машин, "которыми они метко поражали стены и отламывали огромные камни", несмотря на огромные надутые бурдюки, наполненные камнем и песком, которыми осаждающие пытались запрудить реку Куру, чтобы отвести ее воды в город, несмотря на все это - осада Тбилиси была неудачной: город взять не удавалось, защитники его не сдавались [+25]. Персы успели ввести в город значительное войско и поручили защиту его "искусному и храброму" полководцу Шаркагану [+26] совместно с царем Иверии Стефаном, при котором Грузия отпала от Византии и присоединилась к Персии [+27]. После двухмесячной безуспешной осады хазарские и византийские войска были утомлены и ослаблены потерями. По словам "Истории агван", император Ираклий отпустил хазарское войско, условившись, что оно вернется на будущий год "по истечении жарких месяцев", т.е. осенью, для продолжительных совместных действий против Персии; сам же он решил прекратить осаду города [+28]. Защитники города, издеваясь над неудачею врагов, "принесли огромную тыкву, нарисовали на ней изображение царя гуннов (хазар), аршин в ширину и аршин в длину; вместо ресниц нарисовали несколько отрезанных ветвей, которых никто не мог видеть, место бороды оставили безобразно голым; место ноздрей носа шириной в один локоть, редкие волосы на усах... [+29] Они

принесли это и поставили на стене против них (хазар) и кричали: вот царь, государь ваш, возвратитесь, поклоняйтесь ему, это джебу-каган. И взяв в руки копья, кололи и пронзали тыкву, изображавшую лицо его. Так же издевались и насмехались над другим царем (Ираклием), называя его скверным и мужеложником" [+30]. В грузинских источниках говорится, что Ираклия осажденные обзывали козлом [+31].

По византийским сообщениям, зиевил (джебу-каган), оставив императору сорокатысячное войско во главе со своим сыном, с остальным войском возвратился в свою землю. По сведениям Феофана, хазарское вспомогательное войско с наступлением зимы 618 (627) г., "не стерпя трудов, которые должно было разделять с царем", покинуло Ираклия [+32]. В его рассказе это произошло более чем через год после осады Тбилиси. Ю. Кулаковский почему-то полагает, что Ираклий немедленно после неудачной осады Тбилиси предпринял поход в глубь Персии, завершившийся полным разгромом персидского войска, свержением и смертью Хосрова [+33] Так как время этого похода совершенно точно датируется зимой 627-628 г., то осаду Тбилиси Кулаковский относит к лету 627 года. Однако перенесение даты осады Тбилиси на целый год позже того времени, которое указано у Феофана, решительно ни на чем не основано. Вместе с тем совершенно невероятно, чтобы ослабленные и деморализованные неудачной осадой Тбилиси византийские войска могли быть немедленно двинуты в еще более трудное предприятие. Только на следующий год Ираклий смог возобновить наступательную войну и вторгся в глубь Персии настолько неожиданно, что персидское войско под начальством Рахзада, которое находилось в Армении, в Нахичевани, узнало о движении Ираклия только тогда, когда он находился уже в Атропатене (к юго-востоку от озера Урмии). Надо полагать, что Ираклий обошел персидское войско Рахзада, поджидавшее его в Армении, и вторгся в Атропатену со стороны Агвании.

Об участии хазар в кампании 627 г. нам известно только по сообщению Феофана. Сорокатысячное войско их, под начальством сына джебу-кагана, шада, по-видимому, оставалось с Ираклием с конца лета 626 г. до начала зимы 627-628 г., когда, не выдержав дальше, хазары "начали мало-помалу утекать и, наконец, все, оста-вя его, возвратились" [+34]. Однако роль хазар в войне с Персией на этом не окончилась. После того как персы были окончательно разгромлены и место убитого Хосрова занял сын его Кавад (Широе), организовавший заговор против отца, когда вернулся в Агванию католикос Виро, находившийся в качестве заложника при персидском дворе в течение 25 лет и освобожденный после смерти Хосро-ва [+35], "во второй раз, по словам "Истории агван", подул ветер северный... выступил хищный зверь северный с кровожадным орленком своим шатом..." [+36], т.е. выступили хазары во главе с джебу-каганом и его сыном. Они прежде всего устремились на Иверию и против города Тбилиси, найдя удобный случай отомстить за прежнюю неудачу и оскорбления. После непродолжительной осады хазары пошли на штурм Тбилиси. "Подняв мечи свои, они (хазары) все устремились на стены - так описывает этот штурм "История агван", - и все это множество, нагромоздясь друг на друга, поднялось выше стен, и мрачная тень пала на бедственных жителей города; отвалились суставы членов их, ослабли руки их; они были побеждены, отступили от стен и как пташки, захваченные тенетами охотников, в недоумении; многие из них не могли дойти до дома своего, чтобы принести страшную и печальную весть, приказать скрыться любимой супруге или похлопотать о рождении чрева своего; родителям некогда было думать о родительских обязанностях. Напротив того, столкнувшись, они старались скрыться; некоторые на кровлях домов, другие в трубах. Но многие устремились под святые своды церкви и ухватились за угол алтаря. Стоны и вопли матерей к детям раздавались подобно блеянию многочисленного стада овец к ягнятам своим. За ними вслед бросились жнецы немилосердные; руки их проливали кровь, ноги их давили трупы, глаза их смотрели на падших, как груды града.

Когда прервались голоса, вопли и стоны и когда ни один не остался в живых, тогда только узнали они, что насытились мечи их. Тогда привели и двух правителей, из которых один был наместником со стороны Персии, а другой из настоящих жителей города, из племени князей иверских. Схватив их, привели связанных пред царя, который приказал выколоть им глаза, потому что они нарисовали портрет его слепым, желая его оскорбить, и потопил их в страшных мучениях. Содрав с них кожу, выделав и наполнив их сеном, повесили их сверху стены" [+37]. Захватив в Тбилиси большую добычу и отделив из нее свою долю, джебу-каган вернулся в Хазарию, а сыну шаду с войском поручил покорение Агвании [+38].

Так рассказывается в "Истории агван". В грузинских источниках взятие Тбилиси хазарами и мучительная казнь начальника крепости излагаются несколько иначе. В "Обращении Грузии" говорится, что Ираклий оставил для осады Тбилиси "Эристава Джибго", т.е. джебу-кагана армянского историка, а сам пошел воевать с царем Хуасро

(Хосровом). "Джибго этот после немногих дней взял Калу (цитадель Тбилиси), пленил упомянутого начальника крепости, наполнил ему рот драканами (драхмами), затем снял с него живого кожу и послал вслед за царем в Гардабан, в дом Вараза-Григо-ла" [+39]. То же самое повторяется в "Жизни и известиях о Багратидах".

По грузинским известиям, взятие Тбилиси произошло в тот же самый год, в который была начата осада этого города, и притом захвачен он был силами одних хазар. Ираклий в это время находился далее на восток, в области Гардабан, т.е. Гардман, принадлежащей к владениям Вараз-Григола или Григора, того самого, который, по "Истории агван", был первым князем агванским[+40]. Судя по грузинским источникам, Ираклий задержался в Агвании на значительное время. Он крестил Вараз-Григола и весь его народ, т.е., надо полагать, заставил перейти из монофизитства в диофизитство, и приступил к постройке церкви. Отправившись в Бердудж, т.е. в Бердаа, иначе Партав - столицу Агвании, Ираклий заложил здесь церковь пресвятой Богородицы и довел ее до сооружения купола.[+41]

Ничего из этого "История агван" не знает или же замалчивает. Последнее более чем вероятно, так как известия о войне Ираклия с персами в этой истории заимствованы из сочинения, написанного современником событий тогда, когда; - по выражению автора, страх и ужас, наведенный на Атванию бесчисленными ордами варваров, еще не изгладился, когда память о событиях, связанных с этой войною, еще была свежа [+42]. Тем не менее о пребывании Ираклия в Агвании в 626-627 гг. в этой истории нет ни слова [+43] и это можно объяснить только тем, что с этим пребыванием были связаны слишком неблаговидные, с точки зрения автора, события, о которых он предпочитает умолчать. По всей вероятности, автором сочинения, списанного с "Истории агван", был не кто иной, как сам католикос (патриарх) агванский Виро [+44], крестивший Вараз-Григола; для него факт перехода паствы и самого князя в православие, о чем сообщают грузинские источники, мог быть особенно неприятным. Виро, без сомнения, был приверженцем монофизитства, как и большинство из христианского духовенства в Персии. Будучи обвинен за участие в мятеже агванских вельмож против Персии, он, по словам "Истории агван", сохранил свою жизнь только благодаря заступничеству царицы [+45], видимо, любимой жены Хосрова Ширин, исповедовавшей христианство и оказавшей покровительство монофизитской церкви.

Из всех обстоятельств вторичного нападения хазар на Тбилиси, рассказанных в "Истории агван", следует заключить, что это событие относится ко времени не ранее 628 года. Оно произошло в то время, когда католикос Виро был уже освобожден после смерти Хосрова и, вернувшись в Атванию, объезжал разные места своей родины [+46]. Однако такое заключение о дате падения Тбилиси не согласуется с сообщением грузинских источников, по которому этот город был взят немного спустя после ухода из-под его стен византийского войска, причем точно указывается неизвестное по другим данным местонахождение Ираклия в последующее время. Можно было бы предположить, что в грузинской версии спутаны обстоятельства двух походов Ираклия, и указанное в связи со взятием Тбилиси пребывание его в Атвании относится к зиме 623 г., которую Ираклий действительно провел там, или даже имеется в виду посещение им "страны гуннов" в 624 году. Мне все-таки кажется, что нет оснований сомневаться в точности сообщений грузинских источников относительно местопребывания Ираклия после осады Тбилиси. В самом деле, из имеющихся в нашем распоряжении данных о втором походе Ираклия следует заключить, что и на этот раз он прошел через Атванию и что именно здесь он провел зиму 626- 627 года. Зато утверждение грузинских источников, что взятие Тбилиси хазарами произошло вслед за уходом Ираклия, менее вероятно. Точность сведений "Истории агван" в этом отношении, если можно заподозрить, то только в отношении даты. Рассказывая о снятии первой осады Тбилиси, автор подробно сообщает о соглашении между Ираклием и джебу-каганом относительно дальнейших совместных действий против персов, причем вкладывает в уста Ираклия следующую речь, обращенную к предводителю хазар: "Возвратись с миром с войсками своими в нынешнем году на место свое, ибо мы видим утомление ваше. Вы не в состоянии во время этого летнего зноя достигнуть страны ассирийской, где у великой реки Тигра стоит столица персидская. При наступлении следующего года, по истечении жарких месяцев, немедленно выступи сюда, и мы исполним желание наше" [+47]. Речь идет о совместном походе в Персию в 627 году. В этот год Ираклий действительно поздней осенью вторгся в сердце враждебной страны и окончательно разгромил персидское могущество. Известно, что в начале этого похода Ираклия сопровождали хазары, которые с наступлением зимы вернулись обратно. Были ли это те самые хазарские войска, которые, по сообщению Феофана, оставил на помощь Ираклию зиевил (джебу-каган) под начальством своего сына (шада) в 626 г., или новые, присланные согласно условию с джебу-каганом в 627 г., мы не знаем, но не исключена возможность, что в этом году и сам джебу-каган вновь вторгся в Закавказье и, воспользовавшись удобным

случаем, захватил Тбилиси. В этом году он мог еще прислать трофеи своей победы - кожу, снятую с начальника Тбилисской крепости, - Ираклию, находившемуся в Агвании вплоть до осени, о чем рассказывают грузинские источники. Но в таком случае Виро не мог быть свидетелем второго похода джебу-кагана, но он мог вернуться на родину ко времени завоевания хазарами Атвании.

По данным "Истории агван", джебу-каган, взяв Тбилиси, сам вернулся в Хазарию, а сына своего шада с войском направил для покорения Агвании. Он дал ему приказ: в том случае, если правители и вельможи этой страны не подчинятся добровольно, не сдадут города, крепости и торговлю (доходы от торговли?), сохранять в живых только женщин да детей моложе 15-летнего возраста, обратив тех и других в рабство [+48]. Вторгшись в Агванию, шад отправил послов к персидскому наместнику, агванскому марзпану и католикосу Виро с требованием покорности. Персидский наместник бежал, о поведении марзпана история умалчивает, что же касается католикоса, то для спасения страны от разорения и гибели он согласился вступить в переговоры с хазарами. Одновременно, опасаясь подозрения в измене, он обратился к персидскому царю с письмом, в котором просил разрешить ему сношения с неприятелем. Ожидая ответа на это письмо, Виро посредством подкупа хазарских послов оттягивал с ответом на требования шада. Наконец, последний решил добиться покорности оружием. Хазарские войска по заранее разработанному плану приступили к систематическому разорению Агвании. Отряды их явились одновременно в разных местах и, по словам "Истории агван", "в домах и на улицах уста всех взывали: вай, вай! Крики варваров не утихали, и не было никого, кто бы не слышал убийственных возгласов злого неприятеля - и все это в тот же день и в тот же час". Люди сначала разбегались, а затем, мучимые голодом, "невольно сами шли в плен" [+49].

Предупрежденный заранее подкупленными хазарскими послами католикос Виро, находившийся в селении Когдагарак, оставил всю находившуюся при нем церковную утварь и бежал в горы Арцаха (Карабах). В "Истории агван" очень неясно говорится, что хазары настигли епископа. "Скалистые, наполненные оврагами, гористые местности крепкой области Арцах не могли препятствовать набегам неприятелей; грехи наши сделали трудное для них легким, и кони их твердо шли по вершинам гор" [+50]. Однако католикос каким-то образом спасся и скрылся в крепости Чараберда. Здесь к нему вторично явились хазарские послы с намерением увести силой к шаду. Тогда католикос, собрав всех должностных лиц страны, скрывавшихся в этой же крепости, поставил перед ними вопрос: продолжать ли сопротивление или принести покорность хазарам. Решив, что медлить больше нельзя, католикос Виро собрал подарки, заранее осведомившись у хазарских послов "об именах вельмож и князей, воевод и полководцев, начальников каждого племени их войска; о высоком или низком их положении, чтоб узнать, какие подарки им поднести" [+51]. Сложив дары на телеги, католикос со спутниками своими отправился к ставке шада. Выйдя из горных долин в равнину Ути, тянущейся вдоль правого берега реки Куры, путники, по словам "Истории агван", не узнавали знакомой местности, по которой проходили, вследствие "несметного числа войск шада". "Как некогда в Черном море, так и теперь, когда шли они к шатру царевича, бесчисленные лагери неприятелей стеной тянулись по правую и левую сторону их шествия" [+52]. Ставка шада находилась близ города Партава, столицы Атвании.

Дальнейший текст "Истории агван" Н.Я.Марр переводит следующим образом: "Там мы увидели восседание их (хазар за трапезой), склонившихся на колени подобно каравану тяжелоношных верблюдов, каждого с миской, полной мяса от нечистых животных; при мисках и чаши с соленой водой, куда макали куски, когда они ели, там же серебряные кубки и сосуды для питья с резьбою, целиком (отделанные) золотом, которые и принесены были ими из тифлисской добычи; вместе с тем и громадные сосуды для хлебания - роговые и тыквообразные деревянные, которыми они лакали взвар. С той же неотмытой грязью жира-сала на губах, они по два и по три (пили) из одного и того же кубка и бесчувственно (без чувства меры) наполняли сверх краев ненасытные свои чрева цельным вином или молоком верблюдиц и кобыл, как вздутые бурдюки. Ни виночерпиев не было пред ними по ритуалу, ни слуг за их спинами, даже у царевича, а были только воины с чащею пик, чутко охранявшие дверь сомкнутыми в круг щитами" [+53].

Агванское посольство провели от первой стражи до второй. Здесь, у входа в палатку шада, заставили послов поклониться три раза до земли, а затем одного католикоса, оставив его спутников у дверей, ввели во внутреннюю палатку, где сидел царевич. "Представ перед ним, католикос поклонился ниц до земли и поднес подарки ему и всем сановникам" [+54]. Шад милостиво принял изъявление в покорности и обещания служить так же, как служили Сасанидам. Он потребовал, чтобы агванцы вернулись в свои дома "к трудам своим", и

обещал перенести набеги в соседние страны, прекратив разорение агванских областей, "ибо, - говорил шад, - получил отец мой эти три страны - Атванию, Чога и Лбинию в вечное владение" [+55].

Из дальнейшего повествования "Истории агван" следует отметить еще несколько любопытных деталей. Угощая католикоса и его спутников, хазары усадили их на колени и поставили перед ними сосуды с мясом, от которых те отказались под предлогом поста; тогда им были предложены тонкие хлебы, жаренные на сковороде. Поселившись в городе Партаве в своем доме и часто навещая лагерь хазар, католикос упросил шада отпустить домой захваченных в плен агванцев. Тот приказал своим войскам освободить пленников и под страхом строжайшего наказания запретил удерживать или скрывать кого-либо из них. "Вместе с этим он отправил знатных мужей, называемых тидиюнами (может быть, тиунами) со служителями католикоса, которые, войдя в лагерь их, искали в палатках и шатрах их, вытаскивали молодых людей, скрытых под утварью или между скотом, и никто не смел противиться им" [+56].

Вслед за разорением страны хазарами Атванию постиг страшный голод и связанная с ним эпидемия, "История агван" приписывает голод не неприятельскому разорению, а нашествию крыс. Крысы, "съев всю траву, истребили весь плод трудов наших". Голодающие ели кору, "несчастные даже сушили и ели сучки винограда и ели члены мертвецов, даже долговременную шкуру скота, мешки копченые (бурдюки?), голенища старых сапог - и все это варили и ели" [+57]. А когда кончился голод, со всей силой сказалось подчинение хазарам. "Князь севера все более и более усиливался и навел страх и ужас по всей земле. Он отправил смотрителей за всякого рода ремесленниками, имеющими познания в золотопромывании, добывании серебра, железа и выделке меди. Он требовал также пошлины с товаров и ловцов на рыбных промыслах великих рек Куры и Аракса, вместе с тем и дидрахму по обыкновенной переписи царства персидского" [+58].

У нас нет точных сведений о том, сколько времени продолжалось господство хазар в Атвании, но уж во всяком случае не целое столетие, как утверждает А.Е.Крымский в своей последней работе [+59]. Из дальнейшего, очень сжатого и риторического рассказа "Истории агван" следует, что на второй год правления Арташира, т.е. в конце 629 или начале 630 г. [+60], хазары предприняли попытку покорения Армении. Князь севера, по словам "Истории агван", отправил передовой отряд под начальством Чорпандархана (тархана) в Армению и через некоторое время со своим войском двинулся за ним сам. Знаменитый персидский военачальник Шахрбараз (Шах-Вараз), бывший в то время фактическим правителем Персии, выслал против хазар начальника турецкой конницы Гонагна с десятитысячным войском, но хазары, применив обычную тактику кочевников, разбили его. Половина хазарского войска выступила навстречу неприятелю, а другая скрылась в засаде. Когда первые, вступив в битву, тотчас же обратились в бегство, остальные, выйдя из засады, окружили преследователей и перебили их, а затем "ограбили трупы, собрали украшения коней, копья и золотом обложенные мечи, щиты, превосходные одежды, деланные искусством греков", и все собранное хазары разделили между собой [+61].

На этом и оканчивается подробный рассказ о хазарах в Закавказье. Далее все соткано из намеков и иносказаний. "Тогда князь севера, - говорится в "Истории агван", - обратил лицо свое против сыновей своих. Он стал неистовствовать, и страшный гнев его падал на птенцов его... Господь совершил великое, восстав за нас" [+62]. По-видимому, речь идет о междоусобиях в стране хазар, причем под сыновьями и птенцами князя севера, может быть, подразумеваются джебу-каган и его сын шад. Далее говорится, что "они (т.е. хазары) устремились во все три страны: Армению, Иверию и Атванию", но были поражены. "История агван" передает последствия этого поражения хазар в виде обращения джебу-кагана к сыну своему шаду, в котором он раскаивается в своей гордости и дерзости и советует сыну поскорее спасаться, - раньше, чем народ (под которым подразумеваются, возможно, агване) узнает о происшедшем и приготовит ему гибель [+63].

Как бы то ни было, ко времени последнего сасанида Ездигерда III (632-652) Атвания оказывается вновь в подчинении у Персии. Атванский князь Джеваншир принимал участие в войне персов с арабами, начавшейся в 633 году. И когда Персия в этой войне ослабела, он, вернувшись в Атванию, в начале сороковых годов VII века организовал восстание, разбил персидские войска, посланные для его подавления, и объявил Атванию независимой. Независимость Атвании продолжалась очень недолго. Когда арабское завоевание стало угрожать Закавказью и Атвании, отец Джеваншира отправился к арабам с изъявлением покорности. В "Истории агван" говорится, что в то же время Джеваншир обратился к Византии с просьбой принять его страну в подданство империи. Во время своего кратковременного пребывания в Армении в 660 г. император

Константин II будто бы призвал к себе Джеваншира и богато одарил как его самого, так и приближенных [+64].

Однако у Себеоса мы находим другую, более вероятную версию присоединения Агвании к Византии. По его словам, император, находясь в Западной Армении, послал войска в Иверию, в Атванию и Сюнию с целью расторгнуть их союз с армянским князем Феодором Рштуни, стоявшим во главе Восточной Армении и заключившим военный союз с арабами. По-видимому, Атвания в это время находилась в связи не только с Восточной Армением, но и с самими арабами. Под угрозой со стороны византийского войска Атвания должна была покориться [+65], и таким образом подчинение Агвании Византии вовсе не было таким добровольным, каким оно представлено в "Истории агван".

Об участии хазар во всех этих событиях нет никаких упоминаний. В свете изложенных данных становится совершенно ясно, что ни о каком столетнем господстве хазар в Агвании не может быть и речи. Власть хазар над этой страной продолжалась около трех лет. Завоевав Агванию в 628 г., хазары уже около 630 г. были отброшены обратно за Кавказ.

Сообщения "Истории агван" представляют большой интерес не только с точки зрения исследования исторических судеб Закавказья, но и для характеристики политического и социального строя хазар. Сверх того ее сообщения содержат богатый бытовой материал, относящийся к этому народу. Оставляя пока рассмотрения данных "Истории агван" о быте и социальном строе хазар, разберемся сначала в сообщаемых ею, а равно и другими армянскими историческими сочинениями сведениях, могущих служить для выяснения времени и условий появления хазар на Северном Кавказе и на исторической арене.[+66]

К наиболее раннему времени относят появление хазар грузинские и армянские исторические сочинения. Однако сообщения о хазарах поздней грузинской хроники Вахтанга явно фантастичны. В ее сообщениях хазары появляются еще в 2302 г. по сотворении мира . Значительно большим вниманием и кредитом пользуется "История Армении", приписываемая Моисею Хоренскому, жившему в V веке н.э. Хазиры, как именуются хазары в армянских источниках, выступают в ней в конце II века н.э. В 198 г. хазары и басилы, соединившись, прошли через ворота Джора (Дербент) под предводительством царя своего Внасепа Сурхана, перешли реку Куру и подвергли Армению грабежам и разорению. Армянский царь Вахарш с многочисленным войском вышел навстречу варварам и прогнал их обратно за Дербентские ворота, но затем, преследуя хазар, пал от руки могущественных стрелков [+67]. Сын его(?) Хосров, в отмщение за отца, повел войско в земли северных варваров. "Мечом и дротом прогнав сильные эти народы, он берет с каждой их сотни по одному заложнику и в знак владычества своего оставляет памятник с надписью на греческом языке, доказывающий зависимость от римлян", т.е. подчиняет их власти Рима, в какой находился сам [+68]. Этот рассказ, взятый как сообщение об одном из многочисленных столкновений закавказских народов с северными варварами, не представляет ничего невероятного. Исторические источники сохранили нам немало сведений о набегах, производившихся варварскими племенами через проходы в Кавказских горах на Армению, современную Грузию, на Персию и другие страны, более отдаленные от исходного пункта движения северокавказских варваров. Сооружение укреплений для защиты проходов через хребет легенды приписывают еще Александру Македонскому. Римляне, владевшие большей частью Закавказья, хорошо знали о существовании этих проходов и о находившихся за ними опасных врагах. Армянские сообщения о набегах северных варваров, таким образом, подтверждаются большим количеством аналогичных сообщений других источников. В отношении армянских сведений возникает только один вопрос: действительно ли в числе варваров, беспокоивших своими набегами Закавказье, уже во II веке н.э. были хазары? Другие источники народа с этим именем в то же время не знают. Да и сама "История Армении", сообщая о ряде войн с северными племенами, указывает в числе последних хазар всего только один раз в вышеприведенном примере.

Зато в изложении дальнейших событий, относящихся к III веку, в "Истории Армении" появляется обозначение предводителя северных варваров "везерк каганом" [+69]. По указанию Эмина, "везерк" персидское слово и значит "великий" [+70]; что же касается слова "каган", то оно известно как титул турецких, аварских, хазарских, болгарских и русских князей, но в значительно более позднее время. "История Армении" знает этот титул в приложении не только к предводителю северокавказских варваров, но и к какому-то восточному владыке, восточному кагану, существовавшему уже в IV веке, если признать достоверным соответствующее известие этой истории [+71]. Однако достоверность этого известия является более чем сомнительной. Под восточным

каганом, с которым, по словам "Истории Армении", находился в свойстве персидский царь Шапур (Сапор II), мог бы подразумеваться владыка турок, но турки, согласно всем другим источникам, появляются только в VI веке. По китайским сведениям, титул кагана их предводитель принял только в 552 году [+72]. Это обозначение могло бы относиться к предшественникам турок как по месту, так и по политическому значению, жуань-жуаням, но и их владыка, судя по тем же источникам, впервые стал именоваться каганом только в 402 году[+73]. Царь же персидский Сапор II, которому "История Армении" приписывает свойство с восточным каганом, жил в IV веке. Правда, китайские источники приписывают титул "кэ-хань" - каган предводителю сяньби еще около середины III века [+74], а затем и другим вождям варварских племен Монголии. Но сношения их с Персией совершенно невероятны. В IV веке к Персии с востока примыкало Кушанское царство, династы которого вели свое происхождение от тех же парфянских Аршакидов, которые господствовали в самой Персии до свержения их Сасанидами.

Китайцам это царство было известно под именем Гуйшуан. Царей его считали юеджийцами, язык которых был, действительно, одним из иранских диалектов [+75]. В начале V века Кушанское царство было подчинено эфталитами (ие-та, теталы, цыдариты, белые гунны), по-видимому, ранее входившими в состав гуннского племенного объединения. Византийские историки сообщают об упорных войнах персов с эфталитами и о браке Кавада с дочерью царя эфталитов, с помощью которого он вернул себе власть после свержения его за поддержку маздакидского движения [+76]. Если даже эфталитские цари и носили титул каганов, о чем нам неизвестно, то во время Сапора II их царства еще не существовало. Они впервые появляются около 385 года. Равным образом, гуннов, с которыми можно было бы связать этот титул вообще, в III веке еще не было к северу от Кавказа. Главной силой здесь в это время были аланы, неоднократно вторгавшиеся в Закавказье начиная с I века н.э. В VI веке соединенными усилиями турок и персов удалось разгромить державу эфталитов, причем союз между каганом турок и царем персов был закреплен браком последнего с дочерью турецкого кагана. С этого времени царь персов действительно находился в родстве с каганом, но это событие относится не к IV веку и царем персов тогда был не Сапор, а Хосров Ануширван [+77] Итак, если сомнительно существование связанного с Персией восточного кагана в IV веке, то еще более неправдоподобно наличие великих каганов в III веке, к северу от Кавказа, в особенности когда памятник, свидетельствующий об этом, относится к более поздней поре.

Недоверие к содержанию "Истории Армении" и сомнения в принадлежности ее автору, жившему в V веке, имеют достаточно оснований. Н.Я.Марр, касаясь вопроса об источниках этого сочинения, заметил, что "такой памятник, понятно, должен быть отнесен не к V столетию и к первому веку армянской христианской письменности, а к значительно более поздней поре" [+78]. Н. Адонц считает "Историю Армении" переработкой сочинения Фауста Византийского и говорит, что она "не может восходить раньше VII века" [+79]. Если это так, то существенно отметить, что ни Фауст Византийский, ни Егише, ни Лазарь Парпеци не знают ни хазар, ни кагана, хотя в числе северных варваров им известны уже наряду с аланами - гунны [+80].

Кроме "Истории Армении", хазары рано упоминаются в "Истории агван", хотя появление их в этом сочинении падает не на II, а на IV столетие. Первое нашествие хазар здесь отнесено к правлению персидского царя Шапура (Сапора II) [+81]. К.Патканов считает, что сообщение "Истории агван" о хазарах, так же как и аналогичный рассказ Стефана Орбелиани, писавшего в XII веке, может восходить к несохранившемуся сочинению Петра Сюнийского, жившего в IV веке [+82]. Действительно, сообщение о хазарах и тут и там изложено в связи с рассказом о разбойничьем набеге сюнийского князя Андока на персидскую столицу Тиссабон (Ктесифон) и о последующем затем подвиге сына этого князя Бабика, в войне с гуннами заслужившего милость царя. Однако и при этом допущении еще нет уверенности в существовании хазар не только во II, но и в IV веке. Весьма возможно, что название *хазары* попало в армянские исторические сочинения немного раньше, чем оно стало известно в Византии, и в приложении к событиям более древним является не чем иным, как перенесением наименования современного авторам народа в более или менее отдаленное прошлое, примеров чего имеется немалое количество наряду с противоположным - подведением нового народа под традиционное название.

Более достоверны упоминания о хазарах и кагане в армянском же историческом сочинении епископа Себеоса "Истории императора Ираклия", написанном в VII веке и трактующем о событиях, близких по времени к автору. Здесь говорится, что во время войны персов с кушанами при Хосрове Парвизе (590-628) последние обратились

за помощью к великому кагану, царю северных стран, который прислал им полчище из 300 тыс. человек под предводительством джембуху. Это войско, переправившись через реку Верхот (Амударью), разбило персов и опустошило всю страну до пределов Реи и Исфагана, а затем по повелению великого кагана возвратилось восвояси [+83]. Спустя некоторое время, рассказывается далее в "Истории" Себеоса, армянские нахарары, служившие в персидском войске на кушанской границе, возмутились и перешли на сторону "великого кагана". По словам Себеоса, они были привлечены к измене чен-тчепетухом, начальствовавшим над войсками кагана на северо-западе. По приказанию кагана предавшиеся ему армянские вельможи с востока, т.е. с персидской границы, были отправлены на соединение с войсками упомянутого тчепетуха на северо-запад и вместе с ним, пройдя через проход Джора, явились на помощь греческому царю[+84].

Из последнего видно, что сведения Себеоса непосредственно примыкают к изложенным выше данным "Истории агван", пополняя и расширяя их. Греческий царь, на помощь которому является тчепетух со своими полчищами и изменившими персам армянами, есть не кто иной, как император Ираклий, воевавший с Персией и в союзе с хазарами. Выходит, что "тчепетух" Себеоса означает то же лицо, что "джебу-каган" "Истории агван" и "зиевил" или "зигевил" византийских источников. Это предводитель хазар, подчиненный великому кагану севера, его наместник, второе лицо после кагана. Патканов безусловно прав, видя во всех обозначениях этого лица различную передачу не собственного имени, а одного и того же титула. Наиболее верной из них он считает - джебу-каган. Далее он очень кстати вспоминает, что турецкий каган у Менандра называется сильзибул и что то же самое имя у Табари передается как син-джибу [+85]. Оставляя в стороне син-чен - китаец (?), что относится и к чен-тчепетуху, мы должны заключить, что хазары и турки смыкаются не только в названии первых восточными турками в византийских источниках [+86], но и по существу восстанавливаемых на основании армянских сообщений отношений между теми и другими.

Примечания

[+1] Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / Пер. В.И. Оболенского и Ф.А.Терновского. Theophanis Chronographia / Ed. Bonnae.l839-1841. С. 235, 236, Theoph. 316,2-15; Nicephori archiepiscopi Konstantinopolitani. Opuscula histories / Ed. C.de Boor. Lipsiae, 1880. Цит. по изданию: Corpus Byzantinae / Ed. Bonnae, 1837. С. 15, 20, 16, 20, 25; *Кедрен* 1, 727-728.

[+2] История агван Моисея Каганкатваци / Пер. Патканова. СПб., 1861.

[+3] Там же. С. 125, 126, 130.

[+4] Там же. Предисловие. С. XII-XIII; *Марр Н.Я.* По поводу русского слова "сало" // Избр. работы. Т. V. С. 70 ел.

[+5] Летопись Феофана. С. 235.

[+6] *Патканов К.* Опыт истории Сасанидов // Труды ВО РАО. Ч. XIV. СПб 1869 С. 72.

[+7] Например: *Куликовский Ю.* История Византии. Т. III. Киев, 1915. С. 93.

[+8] История агван. С. 109-110.

[+9] *Куликовский Ю.* Указ. соч. С. 345.

[+10] Летопись Феофана. С. 249-233 (по ошибочной пагинации вместо С. 251 поставлена 233).

[+11] *Marquart J.* Die aitbulgarischen Ausdrucke // Изв. Русск, арх. ин-та в Константинополе. Т. XV. София, 1911. С. 21.

[+12] Византийские историки. С. 411-412 (Менандр. С. 43).

[+13] *Кулаковский Ю.* Указ. соч. Т. III. С. 343-344. Прим. 71. Местонахождение византийского войска в Закавказье совершенно точно указано "Историей агван" - в области Ути (древний Сакашен) // История агван. С. 102-103.

[+14] Там же. С. 110-111.

[+15] Там же. С. 111-112.

[+16] Там же. С. 103-104.

[+17] Там же. С. 104.

[+18] Летопись Феофана. С. 235.

[+19] История агван. С. 104.

[+20] Там же. С. 105.

[+21] Там же. С. 105.

[+22] Там же. С. 105-106.

[+23] Там же. С. 107.

[+24] Niceph. 15, 20-16, 20.

[+25] История агван. С. 107-108.

[+26] Там же. С. 107.

[+27] *Такайшвили Е.* Источники грузинских летописей. II. Жизнь и известия о Баг-ратидах // Сб. материалов для описания местности и племен Кавказа. Вып. XXVIII. С. 124; Прим. 3.

[+28] История агван. С. 108.

[+29] Переводчик предупреждает, что описание карикатуры переведено приблизительно, ввиду неправильности фраз и непонятности текста (История агван. Прим. 1 к с. 108). В другом месте он дает следующий перевод: "лицо в длину локоть и в ширину локоть, вместо глаз и ресниц незаметные черточки, на месте бороды отвратительное голое место; ноздри шириною в четверть с редкими волосами на усах" *(К. Патканов.* Ванские надписи // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CCXXX. Отд. 2. С. 263)

[+30] История агван. С. 108-109.

[+31] Имея в виду кровосмесительный брак императора. См.: *Такайшвили Е.* Указ. соч. С. 44 и 126.

[+32] Летопись Феофана. С. 236.

[+33] *Куликовский Ю.* История Византии. Т. III. С. 94 и сл.

[+34] Летопись Феофана. С. 236.

[+35] История агван. С. 117-118.

[+36] Там же. С. 119.

[+37] Там же. С. 119-120.

[+38] Там же. С. 120-121.

[+39] *Такайшвили Е.* Указ. соч. С. 41.

[+40] История агван. С. 135-137.

[+41] *Такайшвили Е.* Указ. соч. С. 128.

[+42] История агван. С. 98.

[+43] Наоборот, поход Ираклия в Агванию в 624 г., когда византийское войско расположилось в области Ути, возле селения Каганкайтук, в "Истории агван" описан довольно подробно (с. 102-103).

[+44] Там же / Предисловие К.Патканова. С. XI-XII.

[+45] История агван. С. 118.

[+46] Там же. С. 119.

[+47] Там же. С. 108.

[+48] История агван. С. 120-121.

[+49] Там же. С. 122-123.

[+50] Там же. С. 123.

[+51] Там же. С. 124-125.

[+52] Там же. С. 125.

[+53] *Марр Н.Я.* По поводу русского слова "сало" // Избр. работы. V. С. 73.

[+54] История агван. С. 126.

[+55] Там же. С. 127.

[+56] Там же. С. 128.

[+57] Там же. С. 129-130.

[+58] Там же. С. 131.

[+59] *Крымский А.Я.* Страницы из истории Северного Азербайджана // Сборник к 50-летию С.Ф.Ольденбурга. АН. Л., 1934. С. 298.

[+60] Малолетний Арташир царствовал один год и 8 месяцев. Он был убит Шахрбаразом 27 апреля 630 г. вследствие нового переворота в Персии. Узурпировавший царскую власть Шахбараз продержался на троне Сасанидов 40 дней и тоже был убит заговорщиками. cm.: *Noldeke.* Geschichte (Tabari). С. 386-388.

[+61] История агван. С. 131-133.

[+62] Там же. С. 134.

[+63] Там же. С. 134.

[+64] Там же. С. 137-149.

[+65] *Себеос.* История императора Ираклия / Пер. Патканова. СПб., 1862. С. 154-155.

[+66] *Шопен.* Новые заметки на древние истории Кавказа. СПб., 1866. С. 225 сл. Оценку исторического значения грузинских сообщений о хазарах см. у Н.Я.Марра. Указ. соч. С. 94 сл.

[+67] История Армении Моисея Хоренского / Пер. Эмина. СПб., 1858. С. 134 сл. Вахарш (Вологес) был современником Септимия Севера (194-211). Император Каракалла захватил Вахарша и казнил его. Сын Вахарша Тиридат II умер в 222 г. Хосров I, он же Аршак II, правил с 222 по 252 г. cm.: *N.Dolens et Katch.* Histoire des anciens armeniens. Gen., 1907; *Халатьянц Г.* Очерк истории Армении. М., 1910; *Брюсов В.* Летопись исторических судеб армянского народа. М., 1918.

[+68] История Армении. С. 134.

[+69] Там же. С. 154.

[+70] Там же. С. 309. Прим. 364. Отсюда - визирь (Сум. Исторические рассуждения... о хазарах. М., 1846. С. 19)

[+71] Там же. С. 157.

[+72] *Бичурин Н.Я. (Иакинф)* Собрание сведений о народах. 1. С. 267; *Mien St.* Documents hist. sur les T'ou-kiue. С. 6; *Chavannes E.* Documents sur les T'ou-kiue occid. С. 372.

[+73] *Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Указ. соч. С. 209.

[+74] *Schiralori K.* A study on the Titles, kaghan and katun. Memoirs of the Research Depart of the Tayo Bunko // The orient Libr. N 1. Tokyo, 1926. С. 2 ел.; *Гиацинт От.* Записки о Монголии. III. С. 70.

[+75] *Specht.* Etudes sur l'Asie Centrale d'apres les historiens cinois // Journ. Asiat. 8 сер. II. 1883. С. 325; *Sten Konow.* Beitrag zur Kenntnis der Indoskythen // *Festschr. F.Fr.* Hirth zu S. 75 Geh. С. 97.

[+76] Летопись Феофана. С. 97.

[+77] *Патканов К.* Опыт истории династии Сасанидов // Труды ВО РАО. XIV. СПб., 1869. С. 55; *Себеос.* Указ. соч. С. 58.

[+78] *Марр Н.Я.* Арабское извлечение из сирийской хроники Марибаса // Зап. ВО РАО. XIV. Вып. 4. С. 79.

[+79] *Адонц Н.* Начальная история Армении у Себеоса // Виз. временник. VIII. 1-2. С. 104-105.

[+80] История Егише Вардапета / Пер. Шаншиева. Тифлис, 1853; *Faustus de Вумме.* Coil. de Hist. ami. anc. et mod. de l'Armenie / Par. V.Langlois. 1. 1867. С. 201-310; *Lazar de Tharbe.* Там же. II. С. 253-268.

[+81] История агван. С. 80.

[+82] Там же. Прим. 3.

[+83] *Себеос.* История императора Ираклия / Пер. Патканова. СПб., 1862. С. 73-74.

[+84] Там же. С. 76.

[+85] *Патканов К.* Ванские надписи и их значение // ЖМНП. CCXXX. Отд. 2. С. 263. *Noldeke.* Geschichte der Perser und Araber. 1879. С. 158.

[+86] Например, у Феофана

Великий каган севера - это турецкий каган, так как именно ему было подвластно Кушанское царство во время описанной у Себеоса войны последнего с персами, почему он и оказал этому царству поддержку. Именно с этим каганом персидские цари находились в родственных отношениях: жена Хосрова Ануширвана была дочерью турецкого кагана [+87]. Понятно теперь, почему в рассказе "Истории агван" персидский царь, отвечая шаду, ссылается на давние дружеские отношения с каганом, на то, что предки их сыновьями и дочерьми роднились друг с другом, и также понятно, о каком кагане идет речь в этой истории. Наконец, известно, что еще в VI веке турки распространили свою власть за Волгу и начали покорение Северного Кавказа и что тогда же они вступили в сношения с Византией. Таким образом, при разрешении проблемы возникновения Хазарского царства прежде всего должен быть поставлен вопрос о роли и значении в этом турецкого завоевания.

Данные о распространении турецкого владычества на запад, к Волге, а затем к Азовскому морю имеются в византийских источниках. В 563 г. в Византию явилось впервые посольство от Аскела, царя ермихионов [+88], или кермихионов, как называли турок персы [+89]. Через несколько лет прибыло второе посольство гуннов, называемых турками [+90], с задачей открыть византийские рынки для согдийского шелка и с предложением союза против общего врага турок и Византии - персов. Турецкие послы сообщили в Константинополе, что их царство состоит из четырех областей, верховная власть над которыми принадлежит упомянутому выше сильзибулу (дизавулу или син-джибу). Император Юстиниан для закрепления отношений с новым союзником отправил в 569 г. ответное посольство во главе с Земархом, которое через Кавказ и Прикаспийские степи благополучно добралось до местопребывания верховного владыки турок на Золотой горе Эктаг или Эктель, которую отождествляют с Алтаем [+91]. На обратном пути, на реке Атель (Волге) Земарх нашел кочевья уйгуров, подвластных Сйльзибулу [+92]. Дальнейшие сведения о турках, которые, по словам Менандра, в древности назывались саками [+93], имеются в рассказе об одном из следующих византийских посольств к турецкому владыке. В 576 г. Византийское посольство во главе с Валентином по пути к туркам нашло, что власть последних распространилась еще далее на запад. Они подчинили утургуров и вскоре начали враждебные действия против Византии и захватили Боспор [+94]. Вместе с тем оказалось, что турецкая держава делится уже не на 4, а на 8 областей, причем над крайней западной областью начальствовал Турксанф, а "старейший единодержец турок назывался Арсила" [+95].

На основании приведенных данных византийских источников следует заключить, что турецкие завоевания в Европе относятся к шестидесятым годам VI века, т.е. ко времени образования обширной Турецкой державы.

Младший брат первого турецкого кагана Тумыня Истеми, почти независимый правитель десяти западных турецких родов, подчинил царство эфталитов и покорил, по словам китайской летописи, многие страны запада [+96]. Он не был верховным каганом турок, так как таковым в то время считался сын Тумыня Цигинь Мугюй хан Яньду (553-572) [+97], которому китайские летописи и приписывают, как верховному вождю турок, завоевания, в действительности совершенные западными турками под предводительством Истеми (Ше-де-ми, ум.в 576 г.) [+98]. Последний носил титул ягбу, который и вошел в состав византийской и арабской передачи его имени в форме зивул или джибу (силь-зивул, син-джибу). Этот титул в дальнейшем удержался за вождями западных турок.

По Менандру, Турксанф был одним из восьми князей, управлявших областями, на которые соответственно делилась Турецкая держава. В его имени L.Cahun усматривает указание на племенное название тургешей [+99], родственных с турками-тюкю. В VII веке они кочевали западнее Тарбагатая и отсюда могли господствовать над страною до Волги [+100]. Турксанф был сыном Истеми-Сильзивула (Ди-забула) и братом Тарду, жившего на горе Эктель (Алтае). Верховная же власть в то время принадлежала Арсиле.

К 576 г., к которому относится посольство Валентина, по китайским источникам, верховным каганом турок был Тобо-хан (572- 581), один из сыновей Тумыня, наследовавший брату своему Яньду Мугюй-хану [+101]. Его-то, по-видимому, и знает Менандр под именем Арсилы, т.е. под тем же титулом, каким в византийской же передаче был обозначен его брат Яньду Мугюй-хан (553-572) (у Феофана - Аскила). Сын Сильзивула, у Менандра названного Тарду, Chavannes отождествляет с Дяньгу Датоу, наследовавшим после Истеми власть над западной половиной турецких владений, а в дальнейшем (599-603) сделавшимся верховным каганом [+102].

Из сообщения Менандра мы можем заключить, что в своих сношениях с турками Византия была связана с каганами западной половины Турецкой державы. Западные турки с самого начала выступают в положении мало зависимых от верховного главы даже в своей внешней политике. В.Бартольд полагает, что западнотурецкие каганы еще до формального разрыва с верховным каганом, правившим восточными турками, были несомненно более независимыми государями, чем, например, золотоордынские ханы первого периода Монгольской империи. Разрыв 582 г., с его точки зрения, был не актом восстания вассалов против сюзерена, а началом войны между двумя до тех пор союзными государствами [+103]. В.Бартольд, так же как и другие исследователи истории Турецкой державы, недостаточно учитывает те принципы, по которым строилась политическая организация не только турок, но и некоторых других многоплеменных варварских образований. Объединенные в единое политическое целое посредством завоевания, такие образования скреплялись очень непрочной связью, внешним выражением которой было единство правящей династии. Члены ее не только возглавляли наиболее крупные подразделения такого многоплеменного объединения, но и рассматривали его в целом как свое фамильное или родовое достояние. Именно этим фамильным или родовым коллективизмом и следует объяснять тот факт, что в Турецкой державе господствовал тот же порядок престолонаследия, какой известен в Киевском государстве Рюриковиче [+104].

Не раз уже указывалось, что позднейший термин "лествичное восхождение" не соответствует существу отношений между князьями Рюрикова дома, но из этого еще не следует, что правы те, которые отрицают наличие какого бы то ни было порядка в замещении княжеских столов в Древней Руси, в особенности же стола великокняжеского. Суть этого порядка заключалась в представлении о фамильном старейшинстве, в отсутствии, в связи с этим, прямого наследования от отца к сыну. Этот порядок давал детям основание претендовать на "отчину", но отнюдь не оставлял их безраздельными наследниками отцовского положения. Наряду с детьми умершего в качестве претендентов на его место выступали его братья и их сыновья, и нормально оно переходило не к сыну, а или к брату умершего, или к одному из его племянников, имевшему право на "отчину" потому, что это место занимал его отец. И в Западном и в Восточном Турецком каганате верховная власть, как правило, переходила не от отца к сыну, а от брата к брату, и если этот порядок нарушался, то главным образом вследствие узурпации. Как в Древней Руси, так и в Турецком каганате "очередный" порядок престолонаследия был средством удержать от расползания громадное объединение различных племен, не имевших между собой прочных внутренних связей, которые сохраняли былое его единство. Ясно, что такой порядок при всей своей традиционности не мог быть долговечным, что частные династические интересы, находившие благоприятную почву для развития в сепаратистских устремлениях отдельных составных частей варварской державы, только до поры до времени сдерживались фамильной

общностью членов правящего дома. Шаванн показал, что Турецкая держава, основанная двумя братьями, фактически с самого начала состояла из двух независимых частей, что разрыв между ними в 582 г. был подготовлен всем ходом предшествующих отношений, но он недостаточно оттенил борьбу, происходившую внутри той и другой половин, не только за верховную власть, но за отделение, за независимость более мелких подразделений. Эта борьба весьма сильно изменяла границы Западно-Турецкой державы и все время колебала ее внешний политический вес.

Правление Тун-шеху, занявшего престол Западно-Турецкого каганата в 619 г., было наиболее блестящим временем в истории последнего. Восстановив прежние пределы царства, сократившиеся в предшествующий период смут и междоусобий, он овладел Тохарестаном вплоть до Мерва на западе и Гибини на юге. Китайские источники сообщают, что в это время турки напали на Персию, что ими был убит Хосров Парвиз и что вплоть до воцарения Ардешира II (И-да-чже) в 628 г. турки хозяйничали в Персидской стране [+105].

Эти сведения совпадают с тем, что нам известно по армянским и византийским источникам относительно войны Ираклия с Персией. В это время турки воевали с Персией за Кушанское царство, под именем хазар вторглись в Закавказье и захватили Агванию. Неверно только одно, а именно - приписывание туркам убийства Хосрова, которого погубили его же вельможи в Ктесифоне после неудач в войне с Византией.

С точки зрения приведенных данных, выступление хазар на исторической арене является не чем иным, как одним из эпизодов турецкой экспансии на западе, продолжением тех завоеваний, которые привели турок, с одной стороны, к границам Персии в Азии, а с другой - в соприкосновение с Византией. Каган, который помогал Ираклию в войне против персов и которого армянские источники называют великим каганом, царем северных стран, или царем тетальским, был некто иной, как каган западных турок Тун-шеху.

В одних сведениях византийских писателей предводитель хазар, явившихся на помощь Ираклию, - определяется в качестве второго лица после кагана, в других это - сам каган. Выяснение этого вопроса имеет очень большое значение для суждения об условиях возникновения Хазарского царства. Поэтому мы опять вернемся к подробно изложенным выше показаниям армянских авторов, представляющим особую ценность потому, что события, о которых идет речь, развертывались в их стране и оставили глубокие следы и в народной памяти, и в литературе, на основании которой ведется их рассказ.

Прежде всего необходимо отметить, что в сочинении епископа Себеоса, писателя, наиболее близкого по времени к интересующим нас событиям, предводителем войска, явившегося на помощь византийскому императору, указывается не "великий каган", а его военачальник чен-тчепетух. Несколько ранее он называет разгромившего персов джембуху также предводителем войск великого кагана. Тчепетух и джембуху Себеоса если и не одно и то же лицо, то близко сходные между собой передачи одного и того же титула, который по-турецки обозначался словом *ябгу* или *джабгу.* Этот же титул имеется в составе наименования, который обозначает предводителя хазар "Истории агван". Здесь он назван джебу-каган и обозначен в качестве наместника северного царя, т.е. турецкого великого кагана. На основании этих показаний армянских писателей мы имеем полное право признать достоверными те сведения византийских источников, по которым хазарский зиевил (зигевил, или зибел) является не каганом, а только вторым лицом после него, и считать его наименование такой же передачей турецкого титула ябгу, какой являются и тчепетух и джебу [+106].

Титулы ябгу и шад обозначали у турок наиболее высоких сановников после кагана и обыкновенно принадлежали его ближайшим родственникам - сыновьям или братьям. Судя по надписям на памятниках Кюль-тегипу и Могилян-хану, у орхонских турок было два главных рода: Телес и Тардуш, из которых первый управлялся ябгу, а второй шадом [+107]. Карлукский хан у арабских писателей называется жабгуе - ябгу, а хан кимаков - шад [+108]. Предводитель гузов именовался ябгу [+109]. Оба эти титула: ябгу и шад принадлежат китайским источникам, где ябгу передается как ше-ху, а шад - ша [+11]0. В китайской передаче имени кагана Тун-шеху, без сомнения, заключается титул ябгу - шеху, встречающийся в наименованиях и других, главным образом западнотурецких каганов из рода Истеми, который сам был ябгу. Равным образом, ябгу был и его сын Тарду - Да-тоу. "Царь севера", владыка западных турок Тун-шеху был, следовательно, не только каган, но и ябгу-каган, т.е. титуловался совершенно так же, как, судя по указаниям "Истории агван", именовался предводитель турко-хазар в войне их с Персией.

На основании этого совпадения в титулатуре западнотурецкого кагана и предводителя хазар можно было бы заключить об их тождестве и усомниться в правильности вышеотмеченных указаний об их отношении между собой. Однако в "Истории агван" содержатся и другие сведения, которые нельзя не учесть при решении этого вопроса. Я имею в виду до сих пор не обратившие на себя внимания указания "Истории агван" на родственные отношения между верховным турецким каганом, царем севера, с одной стороны, и шадом - с другой, а также между джебу-каганом и тем же шадом. В этой "Истории" шад сначала называется племянником "царя северного" [+111], а затем неоднократно сыном наместника этого царя "ябгу-кагана" [+112]. Следовательно, ябгу-каган, начальствовавший над хазарами в качестве наместника великого кагана, был и братом последнего или, что менее вероятно, мужем его сестры. Так как важнейшие должности в Турецком каганате распределялись между членами одной правящей фамилии, мы вправе предположить, что джебу-каган находился в таких же отношениях с тогдашним верховным каганом западных турок Тун-шеху, в каких ранее стояли Турксанф с Тарду-Датоу или Истеми к Тумыню, т.е. он был не только подчиненным, но и ближайшим родственником, братом, членом одной и той же правящей династии.

Можно было бы также предположить, что предводитель хазар был только ябгу, что наименование его каганом является позже присоединенным домыслом Моисея Каганкатваци, так как другой, более ранний армянский писатель - Себеос, а равным образом и более точные из византийских известий знают это лицо в качестве только ябгу (джебух, тчепетух, зиевил). Однако сомнение в достоверности сведений "Истории агван", может быть, и излишне, потому что титул кагана у турок не был принадлежностью только верховного владыки, так же как титулы ябгу и шад не прилагались исключительно лишь к его сановникам, а сохранялись в титулатуре самого кагана и являлись, по-видимому, наследственным достоянием определенных родов. Турецкая иерархия наряду с верховным каганом знает малого - "кичиг-кагана". Таким был Фюгюй сын Мочжо при своем отце, как его заместитель, таким же кичиг-каганом был, по мнению Мелиоранского, и Кюль-Тегин при брате своем Бильгехане [+113], таким мог быть и джебу, или ябгу-каган, предводительствовавший хазарами, по отношению к брату своему верховному кагану Тун-шеху.

По китайским сообщениям, известны три старших брата Тун-шеху [+114]. После одного из них - Шегуя он наследовал положение верховного кагана западных турок [+115]. Судьба этих трех братьев нам известна: ни один из них не мог быть наместником в Хазарии. Но это не значит, что у Тун-шеху не было еще одного, младшего брата, который, находясь на далеком западе, не привлекал внимания китайских анналистов. Известно, что еще Чуло-хан правил вместе с двумя малыми ханами, один из которых стоял во главе всех турецких княжеств, находившихся к северу от Ши-го, т.е., по мнению Иакинфа, в Туркестане и Кипчаке, обозначающих Прикаспийские степи [+116]. Судя по указанию Себеоса о сношениях тчепетуха, как мы видели, тождественного с джебу-каганом "Истории агван", с армянскими нахарарами, находившимися в персидском войске на границах подвластного туркам Кушанского царства, джебу-каган стоял во главе приблизительно той же части Западно-Турецкой державы, которой ранее управлял один из малых ханов Чуло-хана. Эта крайняя западная область охватывала громадное пространство - от современного Туркестана, вокруг Каспийского моря, до Северного Кавказа. Здесь джебу-каган был наместником великого кагана и по своей должности, если не в качестве ближайшего родственника, считался вторым лицом после него.

Для более отчетливой характеристики отношений между верховным каганом и его наместником на западе турецких владений нельзя не подчеркнуть, что сношения о военном союзе Византия вела не с джебу-каганом, а с верховным главой турок Тун-шеху. Византия благодаря своим прежним связям с турками была хорошо осведомлена о внутренних отношениях и о международном положении Западного Турецкого каганата в разное время его существования и вела свою политику в соответствии с изменявшимися условиями. Укрепившись к западу от Волги, турки, как известно, порвали союзные отношения с Византией, захватили Боспор и грозили другими завоеваниями, которые не смогли осуществить вследствие внутренних неурядиц и неудачных войн в других направлениях. Византия использовала это временное ослабление турок, возвратила Боспор и содействовала созданию независимой от турок и авар Болгарской державы Органы и Кубрата. Туркам пришлось примириться с новой - созданной Византией - политической ситуацией в Восточной Европе и отчасти, может быть, потому, что здесь им теперь противостояли уже не раздробленные гунно-болгарские племена, а большая Болгарская держава, отчасти же вследствие того, что силы их были отвлечены борьбою с Персией, участие в которой Византии было для них весьма желательно, так как, выступая в одиночку, они

терпели неудачи и поражения [+117], турки сами возобновили дипломатические отношения с Византийской империей. Неизвестно, как ответила Византия на письмо турецкого кагана, о котором в 598 г. сообщает Феофилакт Симокатта [+118], но несомненно, что к правлению Ираклия турок и Византию уже не разделяли те противоречия, какие в свое время привели к войне между ними и к стремлению византийской политики создать в варварской Европе мощный противовес Турецкой державе и заслон против нее. Посланник Ираклия Андрей склонил турок к возобновлению военного союза против Персии, и джебу-каган двинул свои войска в Закавказье на помощь византийскому императору. Что союз был заключен не только с джебу-каганом, а и с его братом, верховным каганом западных турок, об этом можно заключить по прямым указаниям армянских историков, свидетельствующих, что джебу-каган действовал по поручению "царя севера", т.е. верховного кагана. О том же косвенно свидетельствует рассказ византийских источников о встрече Ираклия с зибелом-зиевилом-джебу-каганом. Император Ираклий назвал хазарского предводителя сыном, а не братом, как следовало бы, по установившемуся церемониалу, обратиться к независимому и равному царю, каким по отношению к византийскому императору был турецкий каган и позднее стал каган хазарский. Вместе с тем византийские источники сообщают об обещании Ираклия отдать в жены зиевилу свою дочь, очевидно, для закрепления военного союза родственными связями.

В связи с этим возникает вопрос: действительно ли император имел намерение породниться не с самим великим каганом, а только с его наместником? Действительно ли речь шла о браке с византийской принцессой зиевила, а не верховного главы западных турок? В свете изложенных выше соображений второе представляется более вероятным. Никифор сообщает, что в 631 г. во исполнение договора с турками единственная дочь Ираклия от первой жены Евдокии Епифания [или Евдокия], родившаяся в 611 г. и, стало быть, просватанная в возрасте около 15 лет, была отправлена в жены к кагану, но затем возвращена с пути, так как стало известно, что каган умер [+119]. Действительно, около 630 г. в Западно-Турецком каганате вновь вспыхнули восстания и междоусобия и верховный каган Тун-шеху, с которым договаривался Ираклий, был убит своим родственником Мохеду [+120]. Сведения о его смерти, достигшие Византии, разумеется не сразу, застали царевну уже в пути к турецкому кагану и, таким образом, она избежала участи сделаться одной из жен турецкого владыки, добивавшегося вместе с тем брака с китайской принцессой. С другой стороны, нет решительных доводов и против возможности брака не с Тун-шеху, а с его братом и наместником зиевилом или джебу-каганом.

Наоборот, византийские источники именно его указывают женихом царевны. По сообщению "Истории агван", его смерть также относится ко времени около 630 г., и она в той же мере могла послужить причиной возвращения византийской царевны, как и гибель Тун-шеху. Мы знаем, насколько мало зависимы были от верховного кагана правители отдельных областей Западно-Турецкой державы, и джебу-каган в этом отношении едва ли не находился в наиболее благоприятном положении. По сведениям "Истории агван", посланник Андрей прежде всего его убедил оказать помощь Ираклию; он, соблазненный щедрой наградой, дал обещание выступить на помощь византийскому императору. Нет ничего невероятного, что степень зависимости джебу-кагана была настолько невелика, что Византия могла не обратить внимания на эту формальность и, рассматривая джебу-кагана в качестве важной политической силы, решилась обеспечить свое влияние на него браком дочери императора с вассалом турецкого кагана.

О турецком происхождении джебу-кагана и о значительном турецком элементе в хазарском войске, вторгшемся в Закавказье на помощь Ираклию, мы можем судить еще и по тем характеристикам физического типа как самого предводителя, так и его воинов, какие имеются в "Истории агван". В вышеприведенном рассказе из этого источника, сообщающем о насмешках жителей Тифлиса над неудачно осаждавшими этот город союзниками: Ираклием и джебу-каганом, описывается карикатурное изображение второго, выставленное на городской стене. В этом изображении хазарский предводитель был представлен широколицым, широконосым, с узкими глазами и редкой растительностью на месте усов и голым подбородком, в чем нельзя не усмотреть выпячивания не индивидуальных, а расовых черт. Это видно из того, что и самих хазар "История агван" представляет, с точки зрения ее автора, "безобразной, широколицей, безресничной толпой" [+121], т.е. с признаками, сходными с образом предводителя, хотя, с другой стороны, в самом факте изготовления карикатуры на джебу-кагана и в насмешках, какими сопровождалось ее выставление на стену, нельзя не усмотреть попытки возбуждения расовой розни среди турецко-хазарского войска.

Черты, характеризующие внешность кагана и хазар в описаниях "Истории агван", более всего соответствуют гюрко-монгольскому физическому типу, который Ярхо предложил называть южносибирским, так как оно отнюдь не совпадает в своем распространении с турецкими или монгольскими этническими образованиями и в одинаковой мере характерен для восточнофинских племен. Китайский историк Мэн-хун в таких выражениях характеризует монголов: низкорослые, с отвратительной внешностью - широким, плоским, почти четырехугольным лицом, с выдающимися скулами, без верхних ресниц и с бедной растительностью на верхней губе и подбородке [+122]. Это описание близко сходно с теми, какие мы находим в "Истории агван", а равным образом с характеристикой монголов у позднейших армянских же писателей [+123]. Все эти описания одинаково подчеркивают отличительные признаки южносибирского физического типа с его широким скуластым лицом, узкими глазами, широким носом и редкой растительностью на лице.

Однако прежде чем остановиться на заключении о принадлежности хазар к тюрко-монгольскому или, точнее, южносибирскому физическому типу, уместно вспомнить ту страстную полемику, которая велась относительно расовой принадлежности гуннов на основании признаков, указанных древними авторами. Учитывая весь опыт этой длительной дискуссии и всю ненадежность опоры на физические признаки в решении вопросов происхождения и этнической принадлежности того или другого народа, все же нельзя не указать на существенные отличия данных о физическом типе гуннов от тех, какие мы имеем для хазар, позволяющие различно оценить те и другие, дабы не уподобиться тому сверхосторожному человеку, который, согласно поговорке, обжегшись на молоке, дует на воду. Признаки физического типа, сообщаемые "Историей агван", отличаются большей определенностью и большей ясностью по сравнению с тем, что мы имеем в известиях о гуннах. Затруднения, связанные с определением типа последних, не следует чрезмерно обобщать, заключая, будто бы физические признаки, да еще в описаниях древних авторов, вовсе не могут служить целям исторического исследования. Наоборот, их значение весьма велико, поскольку расовый тип является малоподвижной величиной. Мы пока что лишены возможности судить о его изменениях во времени, имея зато право наблюдать за распространением различных физических типов в пространстве. Данные о южносибирском физическом типе хазарского кагана и его воинов хорошо согласуются с вышеразобранными свидетельствами о принадлежности кагана к западнотурецкой правящей династии и теми сведениями о движении турок за Волгу, какие позволяют считать их завоевателями территории между Волгой и Кавказом.

Кстати заметим, что сторонники участия турок в образовании хазарского народа усматривают указание на смешанное происхождение его в замечании Ибн Фалдана, Ал-Истахри и Ибн Хаукаля о наличии среди хазар двух физических типов: смуглого, почти черного, и белого [+124], причем именно в черных предполагают турок или турецкую примесь [+125]. Едва ли это верно. Следует иметь в виду, что в сообщениях названных арабских писателей нет и намека на роль турок в образовании какого-либо из этих двух типов хазар. Наоборот, они начинают с категорического утверждения, что хазары не походят на турок [+126]. Далее сообщается, что черные называют себя кара-джур [+127], т.е. турецким термином социального порядка кара-чжу, соответствующим другому наименованию кара-будун (черная кость, черный народ). Оба эти слова обозначали низший слой податного, зависимого населения . Ввиду этого весьма возможно, что у арабских писателей мы имеем дело с превращением социальных категорий в различные физические типы посредством буквального истолкования соответствующих не понятых в их истинном значении терминов. Может, однако, быть, что социальное деление в какой-то мере совпадает с этническим.

Разрешение вопроса о двух социальных или этнических группах внутри хазарского народа затрудняется еще широким распространением племенных названий, осложненных прибавлением эпитетов белый или черный, например: белые гунны, черные болгары, черные и белые угры [+129], причем считают, что под последними русская летопись подразумевает именно хазар [+130]. У нас нет оснований считать, что во всех случаях эти эпитеты обозначают социальное положение племен или их частей. Можно думать даже, что деление на белую и черную половину восходит к очень древним экзогамным установлениям родового общества.

Нельзя пройти мимо еще одного признака, указанного "Историей агван" относительно хазар, а именно, обычая заплетать волосы в косы. В одном месте этой "Истории" джебу-каган назван предводителем звероподобного народа косоносцев, в другом, характеризуя племена и народы, подвластные "царю севера", автор сопоставляет бреющих головы и носящих косы, и, наконец, в третьем, описывая штурм хазарами Дербента, сообщает, что

они устремились в бой в "образе женщин с распущенными волосами" [+131] Древнейшие данные в отношении косы содержатся в археологических материалах Восточной Азии. Это находки кос в могилах хуннуской эпохи в Ноинулинском и Оглахтинском могильниках [+132]. Письменных известий о способе ношения волос у хунну у нас нет, но зато в китайских источниках упоминается сяньбийское племя косоплетов Тоба, сведения о котором относятся к III-IV векам [+133]. Кроме того, известно, что восточные сяньбийцы оставляли пук волос на голове, тогда как западные, так же как ухуанцы, брили голову [+134]. Название сяньби было не этническим, а географическим, охватывающим племена, поселившиеся у гор Сян-би Шань. Предполагается, что сяньбийцы и родственные им дун-ху и ухуань состояли из племен смешанного динлинско-тюрко-монгольского происхождения и говорили на одном из монгольских диалектов. Потомками сяньби считаются амдоские племена Восточного Тибета, среди которых до сих пор существует обычай заплетать волосы в косу, тогда как соседнее население кос не носит [+135], Общеизвестно о ношении косы маньчжурами. В XVII веке, после покорения ими Китая, коса была распространена и в этой стране. Далее, косу носят коряки, тунгусы, алтайцы и теленгеты. Кроме того, она известна у енисейских остяков [+136], которые до сих пор называют себя "ди", что значит "люди" [+137], и считаются остатками народа, населявшего некогда не только северную, но и южную Сибирь, называвшегося у китайцев динлинами и носившего косу [+138].

Обращаясь к сведениям о ношении косы в Восточной Европе, прежде всего необходимо указать на рассказ Феофана о том, как жители Константинополя толпами сбегались смотреть на прибывших в 558 г. аварских послов. Особенно поразили их во внешнем виде невиданных еще варваров волнистые волосы, заплетенные в косу [+139]. Иоанн Эдесский знает ужасный народ авар, названный так по своим волосам, и упоминает о бегущих народах славян и о тех с развевающимися волосами, которых называют аварами. Далее, следует отметить сообщение Прокопия, что в его время (VI в.) одна из партий цирка в Константинополе ввела новую моду ношения волос: "Они стали стричь их не так, как другие римляне... Они обрезывали волосы на голове спереди до висков, а сзади оставляли висеть их длинейшими косами без всякой надобности, как это делают массагеты. Эта мода называется поэтому гуннской" [+141]. Несколько иначе косы носили венгры и болгары. Они оставляли на стриженой голове пучок длинных волос, который и заплетали в одну или несколько кос [+142]. Наконец, косу, по словам Рубрука, носили "татары", населявшие южнорусские степи [+143]. Предполагается, что под татарами Рубрука следует видеть половцев, которым принадлежат и каменные бабы, иногда представляющие безбородых мужчин с косами [+144].

Коса явилась как способ ношения длинных волос, оставлявшихся на голове целиком или частично, в связи с представлением о заключенной в них магической силе. Вследствие этого верования длинные волосы нередко становятся специальной принадлежностью жрецов и вождей, тогда как стрижка и бритье волос, наоборот, являются признаком зависимого, рабского положения [+145]. Древнее туземное население степей Восточной Европы - скифы и сарматы, - судя по изображениям, носило длинные волосы сзади, подрезая их только спереди [+146]. О верованиях в магическую силу волос у скифов свидетельствует обычай скальпирования [+147], посредством которого вместе с волосами присваивалась жизненная сила побежденного врага. Однако о заплетении волос скифами и сарматами ничего не известно. Как ни распространено представление о магической жизненной силе, заключенной в волосах, прически, связанные с ношением длинных волос, в разных местах весьма различны. Германское племя свевов, например, носило длинные волосы, связывая их в узел, так что концы свешивались на спину вроде лошадиной гривы. Заплетение волос в косы мужчинам, известное в Америке, в Старом Свете, прослеживается с древнейших времен и до настоящего времени только в Азии. Большая часть народов Восточной Европы, носивших косу, не является исконным населением этой страны и передвинулась сюда или из Азии, или из крайних восточных пределов Европы, в историческом и культурном отношении тесно связанных с соседними азиатскими областями. К числу их относятся половцы, венгры и авары.

Гуннская, по указанию Прокопия, и венгерская и болгарская прически отличались между собой тем, что в одном случае волосы подстригались только спереди, а в другом на бритой голове оставлялся длинный пучок волос, известный нам позже, по описаниям внешности киевского князя Святослава, в виде запорожского оселедца. Первого рода прическа употреблялась аварами. Любопытно, что Прокопий связывает ее с массагетами, т.е. с населением восточной стороны Каспийского моря, поблизости откуда вышли авары. Этой страной управлял джебу-каган, который поэтому, по справедливости, мог называться предводителем народа

косоносцев. Алтайские турки, насколько нам известно, хотя и носили длинные волосы, в косы их не заплетали, а следовательно, их не мог иметь в виду автор "Истории агван" при характеристике племен, подчиненных джебу-кагану и составивших его войско, вторгшееся в Закавказье. В этой характеристике наряду с племенами, заплетающими косы, упомянуты племена, бреющие головы. Эти последние и можно противопоставить первым в качестве туземного населения Северного Кавказа и прилегающих к нему степей, где важнейшее место, без сомнения, принадлежало болгарам той эпохи их исторического существования, которая по болгарскому именнику характеризуется "стрижеными головами", т.е. до переселения за Дунай [+148]. Можно думать, что бритье или стрижка головы у болгар не исключали и тогда наличия у них оставленного на макушке пучка длинных волос, удержавшегося затем долго не только в прическе населения нижнего Поднепровья, но и Северного Кавказа.

Среди каких косоносцев следует искать хазар: среди тех, которые издавна жили к северу от Кавказа, или тех, которых привел с собой джебу-каган или вообще турки в процессе завоевания западного побережья Каспийского моря? Не означает ли и самое название хазары коса-ров - косоносцев, как истолковывал их имя Вельтман [+149], сближавший его, вместе с тем, с названиями кос-оги и к-осы, осы?

Появление хазар, по вполне достоверным сведениям, вместе с турками, под властью турецкого кагана и даже под именем восточных турок, без сомнения, может служить основанием для того, чтобы считать их одним из турецких племен, сравнительно поздно проникшим к западу от Каспийского моря. Сум полагал, что хазары явились из Средней Азии, оттуда, где известно племя хорсаров-хорасан. Однако, в его представлении, это переселение совершилось в доисторические времена и в течение своего продолжительного пребывания в Восточной Европе хазары успели переменить целый ряд вариаций своего первоначального имени [+150]. Связывали наименование хазар с афганскими *хезаре,* в составе которых имелись монголы и турки. Но *хезаре* не собственное племенное имя, а персидское обозначение военно-административного подразделения - "тысяча" [+151] и, без сомнения, никакого отношения к прикаспийским хазарам не имеет, если не считать, что название последних могло возникнуть совершенно таким же образом. Z.Gombocz, вслед за Вамбери, производит название хазар от турецкого kaz-errer - "кочевник", т.е.истолковывает его в качестве нарицательного обозначения известной части населения, которая могла состоять из разных племенных групп. С тем же корнем kaz, по его словам, связано близкое по значению слово "казак". Вместе с тем этот автор все же причислял хазар к туркам и считал их особым народом - со своим языком или, точнее, диалектом [+152].

Турками считали хазар большинство старых исследователей, с тем отличием, что одни представляли их явившимися из Азии приблизительно в VII веке и частью покорившими, а частью вытеснившими болгар, тогда как другие производили хазар от оставшихся в Восточной Европе гуннов или даже скифов, которых причисляли к туркам. Из наиболее ранних сторонников турецкой принадлежности хазар следует назвать Дегиня и Тунмана, из которых первый причислял хазар к гуннам, около V века превратившимся в турок [+153], а второй выводил из скифо-сарматских племен [+154]. Близки к последнему взгляды Сума [+155], который одним из первых начал заниматься специально вопросом о хазарах. Турецко-скифской ордой считал хазар Неуманн [+156]. Позднейшим турецким вторжением объясняли появление хазар: Байер, Эверс, Лерберг, Вамбери, Аристов и некоторые другие, а в последнее время Готье [+157].

В качестве важнейшего подтверждения гипотезы о турецком происхождении хазар был использован неверный перевод персидской версии Истахри под именем Ибн Хаукаля, сделанный Ousley'ем, где сказано, что хазары и турки говорили на одном языке [+158]. Френ указал ошибку переводчика [+159]. В оригинале сказано прямо противоположное, а именно, что хазарский язык совершенно отличается от турецкого. Клапрот, который в предшествующих своих работах стоял на точке зрения турецкого происхождения хазар, после этого изменил свои взгляды по этому вопросу и вместе с Френом, M.Vivien, St.Martin'ом и D'Ohsson'ом отнес хазар к угорской расе и связал с финнами [+160].

Противники гипотезы турецкого происхождения хазар опираются, во-первых, на производство названия одного из хазарских городов - Саркела - из финских языков и, во-вторых, на указание арабских писателей. Ибн Фадлан, Ал-Истахри и Ибн Хаукаль [+161] настолько согласно заявляют, что язык хазар не похож на турецкий и персидские и вообще ни на один из языков известных народов, что это свидетельство не может быть не

принято во внимание. Однако полное согласие этих трех авторов никак не может считаться следствием их одинаковой осведомленности о действительном положении вещей. Это - повторение одного и того же известия, переходившего от одного автора к другому чисто литературным путем, а не независимые свидетельства разных лиц об одном и том же предмете. Впрочем, и Табари отличает хазар от турок и алан [+162]. В противоположность своему первому заявлению о том, что язык хазар не похож ни на какой другой, Ал-Истахри и Ибн Хаукаль далее согласно утверждают, что он одинаков с болгарским языком. Здесь же следует вспомнить еще одно свидетельство, имеющее отношение к языку хазар. Оно принадлежит Константину Багрянородному и касается не хазар в целом, а только одного из хазарских племен - кабаров. По сведениям этого писателя, кабары вследствие междуусобной войны отделились от хазар и ушли в Венгрию. Сообщая об этом, Константин Багрянородный замечает, что язык кабаров отличался от венгерского [+163] .

Древний болгарский, или булгарский, язык, с которым, по указанию арабских писателей, был сходен язык хазар, по новейшим исследованиям, является ближайшим родственником чувашского языка, который не может считаться диалектом ни турецкого, ни монгольского языков. "Возможно, что чувашский язык прямой потомок булгарского, прямое продолжение последнего, - пишет наиболее авторитетный в настоящее время исследователь этого языка Н.Поппе, - но возможно, конечно, - продолжает он, - что пра-чувашский и булгарский существовали наряду, являясь двумя диалектами одного языка. Это и дает нам до некоторой степени право рассматривать булгарский язык как более древнюю стадию чувашского языка" [+164]. Более определенное заключение о месте булгарского языка в глоттогоническом процессе делает Н.Я.Марр: "Принадлежность речи чувашей и, следовательно, булгар по формальным признакам к языкам шипящей группы преемственно сближает их со скифами, до иранизации их одних верхов (никак не всех слов полностью), говоривших на наречиях яфетической системы той же шипящей группы" [+165].

Основываясь на заключениях Марра, следует представлять иранизированные языки алано-осской группы сначала социальной особенностью верхов скифского населения, а затем локальной принадлежностью тех районов, где процесс иранизации успел охватить всю толщу их населения. В силу неравномерности социально-экономического развития и различной исторической среды иранизация скифских яфетических языков к моменту гуннского разгрома, когда ее распространение вширь и вглубь было остановлено, не была и не могла быть всеобщей. Чувашский язык и представляет, по Марру, этап дальнейшего развития этих яфетических по своему строю, не иранизированных скифских наречий. "Яфетические языки, в числе их и чувашский, - пишет Н. Я.Марр, - представляют по типу переживание доисторического состояния человеческой речи, следовательно, доисторических, яфетических языков, из которых в различные эпохи и в разных странах вылупились семьи: и хамитическая, и семитская, и индоевропейская, и, как теперь мы получаем возможность утверждать, также угро-финская и монголо-турецкая, к которым нам перебрасывает мост чувашский язык" [+166]. Не отрицая родства чувашского языка с турецким, Марр происхождение этой близости видит именно в том, что чувашский язык "один-един-ственный" из языков Восточной Европы, "сохранившийся из этой тесно связанной группы яфетических языков, из которой сложились впоследствии турецкие языки" [+167]. Анализируя термины чувашского языка, и прежде всего племенные наименования, Марр заключает, что чуваш как термин представляет лишь разновидность сармата [+168]. Такой же разновидностью последнего оказываются булгар и хазар [+169]. Таким образом, чуваши определяются как творцы восточноевропейских образований: более раннего - хазарского и позднейшего - болгарского, а сам чувашский язык - как остаток булгаро-хазарской группы языков Средневековья [+170].

Изложенные выводы современного языкознания подтверждают показания арабских географов о родстве хазарского и болгарского языков, а равным образом и сведения об отличии этих языков от турецкого и венгерского, представляющих не только иные диалекты, но и другие лингвистические группы или семьи - тюрко-монгольскую и угро-финскую, сложившиеся на основе того же яфетического субстрата, пережитком которого является чувашский язык. С другой стороны, бесспорное наличие турецких элементов не только в хазарском и болгарском, но и в чувашском языках не может быть объяснено в целом одним только единством происхождения, точнее, глоттогонического процесса, и едва ли даже в чувашском обязано только позднейшему заимствованию в период татарского завоевания [+171]. Рассмотренные выше данные о турках в Восточной Европе и на Кавказе выдвигают вопрос о роли турецкого элемента не только в политической истории хазар, но и в сложении этнических и культурных признаков этого народа.

Примечания

[+87] *Себеос.* Указ. соч. С. 38; *Noldeke.* Указ. соч. С. 159.

[+88] Летопись Феофана. С. 183.

[+89] Византийские историки. С. 492 (Феофан Византийский).

[+90] Летопись Феофана. С. 186.

[+91] Византийские историки. С. 370-382 (Менандр. С. 18, 19, 20); Chavannes (Documents sur les T'ou-kiue (Turcs) occidentaux // Сб. трудов Орхонской экспедиции. IV. С. 236) помещает ставку кагана в долине Юльдуз в бассейне р. Или.

[+92] Византийские историки. С. 375.

[+93] Там же. С. 375.

[+94] Там же. С. 416-423.

[+95] Там же. С. 418.

[+96] *Chavannes.* Указ. соч. С. 38.

[+97] Там же. С. 220.

[+98] *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926. С. 211 сл.; Бартольд (Зап. ВО РАО. IX. С. 358) и Мелиоранский (Там же. XII. Вып. 2-3. С. 94) объединяют Тумыня и Истеми в одно лицо. Об отождествлении Истеми с Коло, сыном Тумыня, см. у Грумм-Гржимайло (Указ. соч. С. 221. Прим. 3).

[+99] *Cahun L.* Introduction a l'histoire de L'Asie. P., 1896. С. 115.

[+100] *Аристов Н.А.* Заметки об этническом составе тюркских племен // Живая старина. 1896. Вып. 3-4. С. 301.

[+101] *Бичурин Н.Я.(Иакинф).* Собрание сведений... С. 274.

[+102] *Cavannes.* Указ. соч. С. 241; *Иакинф.* Указ. соч. С. 287.

[+103] Зап. ВО РАО. XV. Вып. 4. С. 179 (рец.).

[+104] *Гумилев Л.* Удельно-лествичная система (рукопись); *Соловьев С.М.* Взаимоотношения между князьями Рюрикова дома. М., 1847; *Сергеевич В.В.* Вече и князь // Российские юридические древности. II. 1. СПб., 1893; *Пресняков А.Е.* Княжеское право. СПб., 1909.

[+105] *Chavannes.* Указ. соч. С. 171, 253, 263 ел.

[+106] *Кулаковский.* История Византии. III. С. 93.

[+107] *Мелиоранский П.М.* Памятник в честь Кюль-тегиня // Зап. ВО РАО. Т. XII. Вып. 2-3. С. 109. Прим. 37.

[+108] *Бартольд.* Отчет о поездке в Среднюю Азию // Зап. АН. Сер. VIII. Т. 1. 1897. С. 104 ел.

[+109] *Волидов А.З.* Мешхедская рукопись Ибн аль-Факифа // Изв. АН. 1924. N 1 С. 237. [+110]

[+110] *Бичурин.* Указ. соч. С. 268.

[+111] История агван. С. 110.

[+112] Там же. С. 104, 120, 127.

[+113] *Мелиоранский.* Указ. соч. С. 109 сл.; *Hirth.* Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. С. 45-50, 80; *Schlegel.* Togin et Tore, T'oung Pao. 1896. VII. С. 158; *Грумм-Гржимайло.* Указ. соч. С. 294. Прим. 1.

[+114] Нили-хан (ум. 604), Поши-тегин, Шегуй (612-619). В промежутке между Нили-ханом и Шегуем правил сын первого Дамань Чуло-хан (604-611).

[+115] *Бичурин.* Собрание сведений о народах Средней Азии. СПб., 1851. С. 340 ел.

[+116] Там же. С. 341.

[+117] *Noldeke.* Указ. соч. С. 271, 474 ел.

[+118] Theoph. Simocattae historiarum / Ed. Bonnae. С. 282 ел.

[+119] *Никифор.* С. 25; Ducange. Famille Byzantine. С. 118.

[+120] *Бичурин.* Указ. соч. С. 348.

[+121] История агван. С. 105.

[+122] *Грумм-Гржимайло.* Указ. соч. С. 402. Прим. 3.

[+123] *Патканов.* История монголов по армянским источникам. II. С. 45.

[+124] *Караулов.* Сведения арабских географов о Кавказе // Сб. материалов для описания местности и племен Кавказа. XXIX. С. 49. XXXVIII. С. 115.

[+125] *Иловайский.* Разыскания о начале Руси. Изд. 2. С. 245; H. Howorth. (The khazars were they ugrians or turks? // Travaux de la III sect. Congres intern, de Orient. СПб., 1876. Т. II. 1879. С. 142), наоборот, сопоставляя ак-хазар с белыми утрами русской летописи и акацирами Приска, считает турками именно их, а не черных - кара-хазар.

[+126] *Френ.* De Chazaris. Excerpta ex scriptoribus Arabicis // Mem. de l'Acad. de St.Pe-tersb. 1882. VIII. С. 591. В неверном переводе Хаукаля у Ousely сказано, наоборот, о сходстве хазар с турками. cm.: the oriental geographic oflbn-Haukal. 1800.

[+127] *Mordtmann.* Das Buch der Under von Istachri. С. 105; Geographic d'Aboulfeda par Reinand. Т. II. С. 303; Караулов переводит "кара-хазары".

[+128]

[+128] *Козьмин Н.* К вопросу о турецко-монгольском феодализме. 1934. С. 56.

[+129] *Ср.: Howorth H.* Some notes on the Huns // Actes du VI congres international des Orientalistes a Seide (1885).

[+130] Об ошибочности отождествления белых угров русской летописи с хазарами см.: *Грот.* Моравия и мадьяры. С. 236 ел. Угры белые, прогнавшие волохов, т.е. франков, "иже беша прежде прияли землю словеньску", не могут быть хазарами. Последних летопись называет козарами.

[+131] История агван. С. 110, 104, 105.

[+132] *Сосновский Г.* О находках Оглахтинского могильника // Проблемы. 1933. 7-8. С. 39 сл.

[+133] *Бичурин.* Указ. соч. С. 187.

[+134] Там же. С. 240; *Klaproth.* Tableaux historiques de l'Asie. С. 96.

[+135] *Грумм-Гржимайло.* Указ. соч. С. 149.

[+136] *Анучин.* Предварительный отчет о поездке к Енисейским остякам // Изв. Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. 1906. 6.

[+137] *Синельников.* Енисейские остяки // Труды антроп. отд. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1911. Кн. XXVIII. Вып. 1. С. 1.

[+138] *Chavannes.* Les pays d'Occident d'apers ie Wei-Lio. С. 524.

[+139] Летопись Феофана. С. 178.

[+140]

[+140] i> Barhebraus. Chron. Syr. С. 95; ср. Agathiae. 1. 1. 26. С. 19.

[+141] Перевод Василевского. Еще раз о мнимом славянстве гуннов // ЖМНП. 1883. IV. С. 351.

[+142] *Wambery.* Ursprung der Magyaren. С. 286 ел.; *Dummler.* Geschichte des ostfrankischen Reiches. II. 448; *Iirecek.* Entstehen christlichen Reiches im Gebiete des heutigen oster-reichischen Kaiserstaatesvon 500-1 000. Wien, 1865. С. 217.

[+143] *Рубруквис.* Путешествие по восточным странам. СПб., 1911. С. 77.

[+144] *Веселовский Н.И.* Современное состояние вопроса о каменных бабах. 1915. С. 32 (оттиск).

[+145] *Фрэзер.* Золотая ветвь: В. 2 т. 1928. С. 75 ел.; *Вундт В.* Миф и религия. С. 69; *Штернберг.* Убор головной // Энцикл. Брокгауза и Ефрона. 67. С. 410. У франков les rois chevelus, у славян - волостели.

[+146] *См.* изображения скифов на вазе Чертомлыцкого кургана или на сосуде из Куль-Оба, а также живопись керченских катакомб.

[+147] *Латышев В.В.* Сведения древних писателей о Скифии и Кавказе. 1. С. 27.

[+148] *Гильфердинг.* История болгар // Собр. соч. 1. С. 23.

[+149] *Вельтман.* Аттила и Русь. М., 1858. С. 92.

[+150] *Сум.* Исторические рассуждения... о хазарах. С. II ел.

[+151] *Самойлович А.* Турецкие и монгольские элементы в населении Афганистана // Афганистанский сборник. М., 1924. С. 105.

[+152] G*omboсг. Z.* Die bulgarisch-tlirkischen LehnwOrter in der Ungarischen Sprache // Mem. de la Soc. Finno-Ougrienne. XXX. Helsinki, 1912. С. 198 сл.

[+153] *Degignes.* Histoire des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres Tartares occiden-taux. 1. Paris, 1756.

[+154] *Thunmann.* Untersuchungen uber die Geschichte der ostlichen europaischen Volker. Leipzig, 1774.

[+155] *Сум.* Исторические рассуждения о... хазарах.

[+156] *Neumann.* Die Volker des sudlichen Russlands in ihrer geschichtlichen Entwiecklung. Leipzig, 1847.

[+157] *Байер.* De muro Caucaseo // Comm. Acad. Petrop., 1728. 1. То же: Северный Архив, XX; *Эверс.* Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen. Dorpat, 1814; *Лер-берг.* О географическом положении хазарской крепости Саркел // Исследования, служащие к объяснению русской истории. СПб., 1819; *Вамбери.* Der Ursprung der Magyaren. 1882; *Аристов.* Заметки об этническом составе тюркских племен // Живая старина. 1896. III-IV; *Готье.* Хазарская культура // Новый Восток. 1925. 8-9.

[+158] *The* Oriental Geography / Transi. by W.Ousley. London, 1880.

[+159] De Chazaris. Excerpta ex scriptoribus Arabicis. Petr., 1882.

[+160] *Frahn.* Die altesten arabischen Nachrichten uber die Wolga-Bulgaren // Mem. de l'Acad. de St.Petersb. IV ser. V. 1. 1.6; *M.Vivien St.Marlin.* Sur les Khazars // Nouv. Ann. de Voyages. 1851. 11-111; *D'Ohsson.* Des peuples du Caucase. P., 1828; Klap-roth. Memoires sur les Khazars // Memoires relatifs a l'Asie. 1828. V. 1. Tableaux historiques de l'Asie.

[+161] *Frahn.* De Chasar. С. 591, 603. Прим. 75; *D'Ohsson.* Указ. соч. С. 79, 103, 203; *Караулов.* Сб. материалов для описания Кавказа. Вып. XXVIII. С. 112. Вып. XXIX. С. 45; *ГаркавиА.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 219, 227; *Куник А.* и *Розен В.* Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. С. 61.

[+162] Derbend-nameh/ByKazem-Beg. СПб., 1851. С. 163 (Табари).

[+163] *Константин Багрянородный.* О народах / Пер. Ласкина. С. 144 (гл.39).

[+164] *Поппе Н.Н.* Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецкому языкам // Изв. АН. Вып. 9-10. 1925. С. 426.

[+165] Булгарский язык // БСЭ. Т. VIII. С. 31.

[+166] *Марр Н.Я.* Чуваши-яфетиды на Волге. Чебоксары, 1926. С. 15; Избр. работы. V. С. 331.

[+167] Там же. С. 333.

[+168] Там же. С. 360.

[+169] Там же; С. 262.

[+170] Там же. Изб. работы. 1. С. 212.

[+171] Махмут Кашгарский (вторая половина XI в.) считает волжских болгар турками и сближает их язык с печенежским *(Бартольд.* История турко-монгольских народов. Ташкент, 1928. С. 14).